

3/283/2a

**КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА**

**ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

**ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА**

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА

«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ 1924

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Философская эволюция Маркса, посмертная рукопись с предисловием Л. Аксельрод (Ортодокс)	5
<i>В. И. Засулич.</i> —Нечаевское дело, посмертная рукопись с прим. А. И. Успенской и Л. Г. Дейча	22
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Был ли Нечаев гениален?	73
<i>П. Б. Аксельрод.</i> —О задачах научно-социалистической литературы («письмо к товарищам»)	87
<i>О. Нельский.</i> —Движение русской общественной мысли от идеализма к марксизму (Белинский—Чернышевский—Плеханов)	103

<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из Кариийских тетрадей: I. Жизнь Плеханова в Бэжи над Клараном; II. Переговоры с «придворными сферами»	119
<i>М. Рыжанская.</i> —Первый реферат Плеханова в Цюрихе	145
<i>М. Вископф.</i> —Члены группы «Освобождение Труда»	149
<i>Ц. С. Гуревич-Мартыновская.</i> —Знакомство с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич	160
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Эмигранты и наивный миротворец (из встреч с членами группы «Осв. Тр.»)	168
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Аарон Зунделевич (один из первых социал-демократов в России)	185

ПИСЬМА:

<i>Л. Дейч и В. Засулич.</i> —Плехановым	217
<i>В. И. Засулич.</i> —К. Марксу	220
<i>К. Маркс.</i> —В. Засулич	222
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Г. В. Плеханову	225
<i>Л. Г. Дейч.</i> —В. И. Засулич и остальным членам группы «Освоб. Труда» (из тюрем, каторги и ссылки)	227
<i>Г. В. Плеханов и Ф. Энгельс.</i> Переписка, с предисл. Л. Дейча.	306

ПИСЬМА К В. И. ЗАСУЛИЧ И ОСТАЛЬНЫМ ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

(из тюрем, каторги и ссылки от 1884 по 1893 г.г.).

Официальная моя переписка из разных мест заключения с моими друзьями — В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым — возникла таким образом:

Когда я летом 1884 г., будучи выдан германским правительством, находился в Петропавловской крепости, мне однажды было передано смотрителем письмо от В. И. Засулич, адресованное еще во Фрейбургскую тюрьму и пересланное оттуда в Петербург. На нем были печати и подписи разных лиц и учреждений — директора департамента полиции, прокурора судебной палаты, коменданта крепости, — через руки которых оно прошло. По прочтении его мною, у меня его, конечно, отобрали. Когда же после перевода меня в Дом Предварительного Заключения министр юстиции Набоков, при посещении этой тюрьмы, спросил меня, не имею ли чего заявить, я спросил, могу ли ответить на письмо «моей замужней сестры, живущей в Цюрихе», на что я получил утвердительный ответ. Написав письмо своим друзьям, я выставил на конверте улицу и номер дома, где жил Аксельрод, но, опустив его фамилию, ограничился одним его именем по-немецки — «Herrn Paul»: выходило, будто моя сестра замужем за «г-м Паулем». Ответом на мое письмо были три письма: от Веры Ивановны, Георгия Валентиновича и Павла Борисовича, в одном конверте, полученные мною уже после суда надо мною в Одессе.

Сохранив у себя эти письма, ввиду имевшихся на них штемпелей и подписей разных должностных лиц и учреждений, я затем всюду, при случае, ссылался на решение, данное мне самим министром юстиции, а также,

мол, директором департамента полиции и т. п. важными особами, доказательством чего служили штемпеля, печати и подписи этих лиц.

Этого моего права никто нигде не оспаривал: даже подлая ищейка, карийский комендант Николин, увидев на привезенных мною письмах разрешение директора департамента полиции и подобных лиц, — не отыскал повода придрататься и разрешил иметь эти письма при себе. Поэтому все время пребывания на Каре, затем в вольной команде и на поселении, вплоть до моего побега из Сибири в 1901 г., не прекращалась моя переписка с членами группы «Освобождение Труда».

К сожалению, не все мои письма к друзьям сохранились в архиве Плеханова, где я их нашел в 1922 г. в Париже. В них, хотя и с большими пропусками, имелись небезынтересные сообщения и иллюстрации моей и моих друзей жизни за семнадцатилетний период нашей разлуки, но пока, к сожалению, у меня в руках находятся лишь письма за первые 9 лет, да и то, повторяю, далеко не все.

Еще в большей степени досадно и огорчительно, что письма этих друзей ко мне за весь долгий период разлуки с ними я сам уничтожил, сжегши их (также огромное количество других документов и рукописей) накануне своего побега из Благовещенска, вследствие боязни взять весь этот богатый архив с собою, а также и оставить его у кого-нибудь на хранение, чтобы не дать посторонним лицам возможности рыться в частной корреспонденции. Это была преступная несообразительность с моей стороны, которой я не могу себе простить: я сам истребил драгоценнейшие материалы! Но ничего не поделаешь теперь...

Нижеследующие письма по времени являются продолжением моих к П. Б. Аксельроду, помещенных в первом сборнике.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

1/13 X 1884 г. Одесса.

Дорогая сестра, наконец, после долгих ожиданий, сменявшихся отчаянием (и обратно), получил вчера твое письмо от 25 (13) сен., и то только благодаря прокурору окружного суда. Какое наслаждение и утешение доставили мне эти ваши письма — особенно твое, — ты поймешь по прочтении моего письма. Дело в том, что недели две тому назад

здесь был министр юстиции; на его вопрос, не имею ли чего заявить (я его видел уже летом в Петербурге, — он производит довольно приятное впечатление), я решился попросить его, чтобы меня оставили здесь до весны и не переводили на положение лишенного всех прав, ввиду того, что зимою гораздо труднее свыкнуться с условиями, связанными с этим новым званием. Он, кажется, предложил местным властям исполнить мою просьбу, [потому] [что] меня вслед затем перевели в теплую хорошую камеру, дали постель и все, чего я был до суда лишен. Дней 10 я был на седьмом небе, — испытывал невыразимое наслаждение, лежа спать на соломенном матраце: никогда раньше никакая пружинная постель не доставляла мне такого удовольствия. Я, как и местная администрация, думал, что, значит, меня согласились оставить здесь на зиму (что вообще практикуется). Но, увы, недолго продолжалась мечта: на-днях мне объявили о предстоящей отправке меня на будущей неделе в Центральную (Московскую) тюрьму для ссыльно-каторжных. Таким образом «комфорт», длившийся две недели, был мне не в пользу, а скорее во вред, так как от этой сравнительно хорошей обстановки (и на две недели ближе к зиме) перейти к кандалам, бритой голове и всему прочему гораздо труднее.

Почти одновременно с этим грустным известием мне объявлено было еще и другое, а именно, что присланные вами 100 рублей, попавшие как раз в руки военного суда, он определил, — за вычетом 16 р. 40 к. судебных издержек, — остальные 82 р. вручить моим наследникам — родным. Мне, конечно, не было бы жаль этих денег, — да и гораздо большей суммы, если бы они были мною самим приобретены и достались бы в наследство моей семье. Но в том-то и дело, что родные мои навряд ли воспользуются этой ничтожной суммой, так как получение ее, верно, будет сопряжено с массой формальностей и издержек, быть может, превосходящих самое «наследство». Теперь ты поймешь, в каком настроении я был под влиянием этих двух известий и какое утешение доставило мне твое письмо, пришедшее в дни сборов в тяжелый и неприятный путь. Вы сильно ошибаетесь, милый Жорж, допуская предположение, что «каторжная жизнь окажется лучше предварительного заклю-

чения»¹⁾. Судя по сборам, я уже вижу, что это будет нечто невозможное, — хуже, чем в брошюре «От мертвых»²⁾. На мне, не забывайте, соединяются все неудобства, связанные с положением так называемого «государственного» и «уголовного» преступника. К тому же вследствие неполучения ваших 100 рублей, я не могу сделаться «эпикурейцем», как вы советуете, в отношении пищи; наоборот, я должен сожалеть, зачем не в достаточной мере был последователем Диогена, — тогда, быть может, у меня больше уцелело бы на те времена, когда особенно будет нужна копейка, без которой, как говорит Достоевский (в «Записках из Мертвого Дома»), «каторжный не мог прожить и месяца». В этом отношении мое положение хуже, чем всякого другого уголовного (или государственного), так как, не говоря о непривычке ко всяким лишениям, я к тому же лишен возможности какой-нибудь работой или ремеслом улучшить свою пищу. О занятиях высшей математикой смешно и думать: не говоря уже об отсутствии средств на покупку книг, вот так-таки станут давать мне «многотомные» учебники и необходимые принадлежности для занятий (хотя бы, например, лампу в камере, а не свет из коридора). Рад буду, если удастся приобрести учебники по низшей и смогу ею заниматься при предстоящей обстановке (не забывайте, что в Москве теперь день длится каких-нибудь 5—6 часов, а также, какой холод предстоит мне выносить). До сих пор я питался довольно сносно (хотя и не так, как следовало бы, если бы слушаться ваших советов), но, к сожалению, теперь, с ухудшением всех других условий, приходится и от улучшенной пищи отказаться, чтобы хватило подольше хоть на чай. От табаку я на днях отказался. Тяжело очень с ним расставаться, не потому, что это сильная потребность, а — единственное развлечение, удовольствие, единственный, можно сказать, друг для одиночно заключенного. Я, право, думаю, что % сумасшедших был бы значительно больше, если бы секретным арестантам было запрещено курить. Ведь, расхаживая из угла в угол с папироской, при слабом свете

¹⁾ Впоследствии оказалось, что ошибся я, а не он, Плеханов.

²⁾ Я, вероятно, имел в виду очень популярную тогда брошюру Долгушина «Заживо погребенные», но забыл ее заглавие.

в длиннейшие вечера, не так замечаешь время, как без курения. Жалко мне было также расставаться с подарком Лизы ¹⁾ — портсигаром (я послал его своей сестре Соне), так как у меня его отняли бы или украли, поломали и т. п.

Ужасно жалею, что не получил вашего предыдущего письма [посланного] в Петербург: оно, верно, где-нибудь застряло (настоящее ваше письмо прошло массу инстанций). Не знаю, почему тебе, Павел ²⁾, вздумалось послать его по адресу председателя суд. пал., когда я просил — на адрес прокурора окружного суда? Жаль, что вы хоть в общих чертах не повторили содержания предыдущего. Да, тебе, дорогая, не везет с большими письмами. Но я и этому ужасно рад: оно писано, очевидно, в сравнительно бодром настроении. Я не сомневаюсь, что одобрил бы твое решение насчет твоего будущего, раз ты обдумала его все-сторонне. Очень бы хотел знать, в чем оно состоит? Радует меня твое известие о большой симпатии, установившейся у вас с «Лизенком» ³⁾ и о прелестном состоянии ее здоровья. Имеет ли она известия от матери маленького Женички, где она и что с нею? Она ведь была с моей сестрой на одном курсе, и, быть может, они в переписке, а то я пишу, пишу моей Соне и не знаю, доходят ли до нее мои письма (теперь она в Купавской волости, какой-то «Чум-Урюпинской Управы» Земли Войска Донского). Здесь я от нее не имел ни одной строчки. Между тем, Соня единственный человек в семье, с которой я мог бы поддерживать переписку, — других сестер я почти совсем не знаю, каковы они. Ей же я послал свои часы и колечко Ани ⁴⁾. Ужасно рад, что и она выздоровела. Старайся, дорогая, не совсем забывать ее: она ведь действительно оторвана от мира. А как здоровье Тамары? ⁵⁾ Ты о ней никогда не упоминаешь. Боюсь, не заболела ли и она? Меня это очень огорчило бы. Пусть она едет в теплые страны, к Фридриху Карловичу, а то и по-

¹⁾ Наша, всех членов гр. «Освобожд. Труда», приятельница Елизавета Мощенко (урожден. Хотинская).

²⁾ Павел Борисович Аксельрод.

³⁾ Все та же Елизавета Мощенко (ур. Хотинская).

⁴⁾ Анна Марков. Розенштейн-Макаревич, она же жена Турати, лидера итальянских оппортунистов.

⁵⁾ «Тамарой» Плеханов как-то прозвал в шутку С. Кравчинского.

дальше. Зачем шутить со здоровьем? Боюсь, не поздни ли мои советы, и мне страшно подумать, что Фанни останется тоже одна-одинешенька ¹⁾. Однако как много я разболтался о прекрасном поле. — Да, дорогой Жорж, не завидна ваша участь: писать брошюру в 10 листов против «настроения» ²⁾. Но я никогда не посоветовал бы вам такой большой заряд выпустить против такого слабого укрепления: ведь на 10 л. можно изложить полную популяризацию Маркса, что куда полезнее какой бы то ни было «войны с настроением», которое, как таковое, изменчиво, и через 3 — 6 мес. воюющая сторона может об'явить, что она снова изменила свое настроение, что по новому ее настроению — этот фактор не столь существенен. И что же? Ваша участь будет хуже, чем Ланге, который не успевал ответить на I том Дюринга, как выходил II, III и т. д. Хотя вы меня и уверяли в предыдущем письме, что стали практичны, по, к сожалению, вижу, что вы остались таким же идеалистом (странно, а, может быть, именно потому, что вы ярый марксист—вы же и идеалист!). Вы верите в силу какой-то бесконечной, «полной истины», могущей «увлечь». Это столь же возможно, как то, чтобы Павел сделался Ротшильдом ³⁾, какового, впрочем, намерения он клянется, что не имеет. Да, жаль, жаль, что такой большой заряд вы выпустите (и так поздно). — А ты, брат, совсем, кажется, забыл о своей работе или только мне не написал? Получил ли ты мое предыдущее письмо, в котором я извещал тебя о суде (о «немиловости» его, назначившего мне 13 л. и 4 м. каторж. работ, т.-е. самый высший размер, какой только было возможно). — Не знаю, придется ли когда еще писать вам, дорогие друзья, а потому прощаемся теперь, если не навсегда, то на многие годы. Уцелею ли я, выживу ли

¹⁾ Здесь я намекал на угрожавшую С. Кравчинскому опасность так же, как и я, быть выданным России. Впоследствии, из дел Деп. Пол. я убедился, что, действительно, об этом делались попытки, но Кравчинский уже до получения этого письма переселился к «Фридриху Карловичу», т.-е. в Лондон, где тогда жил Энгельс.

²⁾ Брошюра, о подготовке которой сообщил мне Плеханов, была «Наши разногласия», разросшаяся, как известно, затем в довольно объемистую книгу.

³⁾ Здесь я намекал на начатое тогда Аксельродом вместе с женою, свояченицею и дочерью приготовление кефира для продажи.

13 л. 4 м. кат. раб. — большой вопрос: да это и не может быть желательно. Во всяком случае печальная перспектива дожить до окончания срока, когда будешь расслабленным, одержимым всевозможными болезнями старикашкой. Странно задумываться о 1898 году. Сколько перемен за это время! Ваши дети будут уже взрослыми людьми; вы все тоже будете клониться к старости. Я иногда стараюсь представить [себе] вас всех в те отдаленные годы. Воображаю, какой смешной старушкой будет Лиза. Также и ты, дорогая, посидеешь к тому времени. От всей души, конечно, желаю, чтобы все вы дожили и пережили мой срок каторги¹⁾. Не надеюсь когда-нибудь кого-нибудь из вас увидеть. А как бы мне хотелось, хотя бы и много лет спустя... Не знаю даже, будут ли достигать до меня какие-нибудь вести о вас, о вольном мире. Старайся, дорогая, давать мне знать о себе хотя бы и изредка. Одновременно с этим письмом посылаю тебе швейцарскую кредитную монету в 50 фр., сохранившуюся у меня еще из-за границы: ни в Петербурге, ни здесь, как справлялся смотритель в банках, не хотят ее менять, — не имеют сношений с Швейцарией. Разменяй ее и в конце этого месяца вышли руб. 25 — 30 (не больше) по следующему адресу: Его Высоблагородию г-ну Смотрителю Московской Центральной Тюрьмы для ссыльно-каторжного (такого-то). Не посылай больше, так как боюсь; чтобы и с этими деньгами не вышло чего: ведь мне не везет во всех отношениях. Напиши при этом небольшое письмецо, в котором извести только о здоровьи своем и других близких мне лиц; не забудь же упомянуть о Тамаре. Право, я опасюсь, не захворала ли она. Ну, будь же здорова и бодр. Навещай часто Лизенка: ее я часто вспоминаю, как нежно-любимую дорогую сестру. Кроме удовольствия и добра, мне от нее ничего другого не приходилось получать. То же, конечно, могу сказать о всех других моих друзьях, и, право, мне никогда не приходит на память о вас ничего, кроме приятного, хорошего. Мои пожелания каждому из вас в отдельности вы знаете. Ну, простите же все все неприятное,

---

¹⁾ Нужно ли объяснять, что в то время, когда я писал это письмо, у меня было ошибочное, неоправдавшееся впоследствии представление о предстоящих мне ужасах каторжной жизни.

что я когда-нибудь причинил кому из вас. Тяжело расставаться с этим письмом. Тяжело на душе. Всех много-много и крепко целую (случилось так, что я уехал, не простившись почти ни с кем из вас). Ну, будьте же здоровы. Не забывайте меня. Ваш по гроб

Лев.

ПИСЬМО ВТОРОЕ ¹⁾

[Из Моск. Центр Перес. тюрьмы, вероятно, в ноябре 1884 г.]

Дорогая, последнее твое письмо я получил в Одесском тюремном замке почти перед самой отправкой сюда. Оно долго странствовало из инстанции в инстанцию, и я уже отчаявался его получить, так как оно застряло у жандармского полковника, но, благодаря вмешательству прокурора Одесского окр. суда, оно, наконец, было мне вручено. Я ужасно рад, что ты чувствуешь себя, очевидно, сносно и можешь заниматься чтением. Меня также очень радуют сообщенные тобою и товарищами (Жоржем и Павлом) сведения об общем положении дел и о ваших работах ²⁾. От всей души, конечно, желаю вам всякого успеха. Что сказать тебе о себе? На новом месте чувствую себя очень хорошо;

¹⁾ Письмо это смазано полутораклористым железом. — очевидно, «цензор» предположил, что я что-нибудь написал химическими чернилами. — Ручкой Аксельрода в левом углу на первой странице написано: «хорошее письмо».

²⁾ Хотя с тех пор прошло 40 лет и писем друзей я не сохранил, но ввиду того, что я их по несколько раз перечитывал, многое из них и теперь удержалось в моей памяти. Мои опасения, что после моего ареста, ввиду непрактичности всех оставшихся за границей друзей моих, они не смогут раздобыть средства как на продолжение начатой деятельности, так и для собственного их существования, к счастью, не оправдались. Арест мой и сопряженные с ним хлопоты друзей об освобождении меня вызвали среди эмиграции, в особенности среди учащейся за границей молодежи, большое сочувствие к группе «Освобождение Труда» (на это, между прочим, указывает последнее письмо Плеханова к Лаврову). В некоторых городах Зап. Евр. начали производиться сборы пожертвований на случай, если баденское правительство, как тогда предполагали, согласится выпустить меня на поруки или когда придется устроить побег, для чего проектировалось приобрести свою лошадь с экипажем.

встретил товарищей по дороге в этап (в их числе Ивана Никол. Присецкого, который идет на 3 года в Восточную), а затем все народ новый, неизвестный, молодой, но симпатичный, хороший. Со всеми ними я, конечно, в самых лучших отношениях. К сожалению, внутри тюрьмы, в которой нам приходится провести вместе $\frac{1}{2}$ года, мы отделены и не имеем возможности видаться. Помимо этого неудобства, я здесь не имею никаких причин пока быть недовольным своим положением, так как заключение почти не оставляет ничего желать лучшего. Книги имеются, пища хороша, камеры — также, прогулки и все такое. Ты, конечно, уже знаешь об участии, постигшей посланные тобою 100 рублей: будучи отправлены на адрес суда, они были им употреблены на покрытие судебных издержек, а остаток был вручен моим наследникам. Таким образом у меня имеются только оставшиеся от первой твоей присылки. Пока можешь не посылать мне; но имей всегда наготове русские бумажки, руб. 100—150, и, когда я напишу, то вышли мне; но если ты стеснена теперь в деньгах, то как-нибудь обойдусь (при чем, имей в виду, что без всяких сколько-нибудь значительных лишений)¹⁾. Не пишу на этот раз много, так как на-днях только (всего 2 дня) привезен сюда и еще не успел осмотреться, ориентироваться в массе новых впечатлений. Пожалуйста, береги свое здоровье. Пиши, что особенно нового. Шлю сердечнейший привет всем друзьям.

Твой брат Лев.

Адрес мой: Его Сиятельству, князю Василию Васильевичу Оболенскому, Большая Кисловка, дом Базилевского для осужденного, содержащегося в Московской Центральной Пересыльной Тюрьме — такого-то.

¹⁾ Сделанное мною в этом письме описание тюремных удобств было, конечно, чересчур прикрашено, что, вероятно, объяснялось бывшими у меня пред этим опасениями насчет ожидавших меня, в качестве каторжанина, разных скорпионов: в действительности же, в Моск. Центр. тюрьме пища была отвратительная, камеры в знаменитой Пугачевской башне крохотные, полутемные, прогулки — на дворике, на котором едва можно было повернуться. Все же в общем, ввиду господствовавшей свободы и хорошего отношения к нам администрации, о чем я подробно уже изложил в книге «16 лет в Сибири», зимовка в Бутырягах, действительно, была одним из хороших периодов в моей подневольной жизни.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

В конце декабря 1884 г.]

Поздравляю тебя и всех близких с заграничным Новым Годом.

Дорогая, письмо твое от 22 нояб. (4 дек.), так же, как деньги — 30 руб. — я получил очень скоро, но не отвечал потому, что все ждал от тебя ответа на первое мое письмо, посланное отсюда (которого ты, быть может, не получила). Также, вероятно, и ты не получила последнего моего письма из Одессы, большого (в два листа), писанного карандашом. Не знаю также, получила ли ты 50 франков, высланные мною тебе из Одессы? — Я ужасно рад, что ты, как общаешь, «чрезвычайно бодрa» и что все родные здоровы. Также приятно мне было узнать, что с Аней ты в хороших отношениях. Передай ей от меня сердечнейший привет и всевозможные пожелания. К ней — она это знает — я питал всегда самые братские чувства и навсегда сохраню о ней воспоминание, как об одном из самых близких, любимых мною людей. К сожалению, даже путем самой невероятной фантазии не могу себе представить того момента, когда свижусь с ней¹⁾, так же, впрочем, как и со всеми дорогими мне. Ну, да бесполезно сокрушаться об этом.

Пока, как я уже писал тебе, я доволен здешней обстановкой. Она во многом напоминает обетановку Дома Предварительного Заключения в Петербурге, — такой же почти величины камеры, такие же койки и пр.; разница лишь та, что здесь нет при тюрьме библиотеки, зато разрешается получать книги из частных библиотек, исключая журналы и газеты. Гулять осужденные (таких пока нас 3) могут вместе до 1½ часов в день; пищу улучшать на свои деньги можем, конечно. Таким образом, как видишь, жаловаться не на что. Грустно только, что не разрешают нам иметь сви-

¹⁾ Эта, казавшаяся мне неосуществимой, фантазия сбылась через 20 лет, когда, будучи весной 1905 г. в Милане, я свиделся с ней и с ее мужем — Турати, но с тех пор больше не встречался.

дания с административными, сидящими в этом же замке, но в отдельном здании. Я, как и Малеванный и Иван Николаевич ¹⁾, идущие на 5 лет в Вост. Сибирь в администр. ссылку, подавали прошения ген.-губернатору о разрешении нам свиданий, но получили отказ. Но наверное разрешили бы видеться с кем-нибудь из родных, если бы они здесь были у меня. Вообще, мое состояние куда лучше, чем было до суда. Не говоря уже о том, что теперь как бы свалилась тяжесть с плеч, — я могу заниматься чтением (что я и делаю), я не изолирован от людей вполне, — есть возможность обмениваться воспоминаниями и впечатлениями; последних, конечно, очень мало, и все они главным образом относятся к прошлому, давно минувшему. Вообще, как здесь, так и по дороге сюда мне пришлось узнать (и испытать) много нового, неожиданного. Отчасти я уже сообщал тебе об удовольствии, доставленном мне совместным путешествием с Малеванным (и другими 6 административными). Разговорам и рассказам не было конца: в продолжение двух суток я буквально не смыкал глаз, и так как собеседники приставали ко мне с просьбами «рассказывать», то, подъезжая к Москве, совсем лишился голоса, — до того охрип. В Киеве все те же почти порядки, что были и в наше время: в тюрьме, почти всегда переполненной нашим братом, заключенные пользуются теми же льготами, власти так же предупредительны и вежливы, молодежь большею частью так же впечатлительна и неопытна. Ты, конечно, читала в газетах о беспорядках в Киевском уни[верситете] во время 50-летн[его] юбилея и о последнем бывшем там процессе 12-ти, по которому 4 приговорены к каторжным работам. Особенно интересного, что бы стоило описать, я, конечно, не узнал. — Что же у вас нового? Слышал, что немцы ²⁾ провели 25 депутатов. Правда ли это? Вообще, ужасно хотелось бы знать, что делается на Западе. Сообщи, насколько можешь. Хотелось бы также получить последние литературные новинки. Кстати, пришли мне некоторые дозволенные у нас произведения французских и немецких классиков (кроме Мольера и Шиллера,

¹⁾ Присецкий, мой старый знакомый.

²⁾ Я, конечно, имел в виду социал-демократов

которые у меня имеются); а также я хотел бы иметь такой альбом, какой, помнишь, я послал Якову ¹⁾. Если не стесняешься в деньгах, то пришли мне также такую же теплую куртку (буржуазку), какую я ему послал, но из более дорогих. Книги и письма высылай на адрес Его Сиятельства, князя Оболенского (Большая Кисловка, дом Базилевского), а теплые вещи на адрес Г-на Смотрителя Московской Центральной Пересыльной Тюрьмы. Пиши же, как вы всеживаете и о каждом в отдельности. Что подельвает Жорж, Роза и их дети? Павел, Надя и их чадо? Лизенку все собираюсь написать особо. Где тетушка Сара ²⁾ и как она поживает?

А ее родня, несмотря на всевозможные несчастья, постигшие их, все же сравнительно благоденствует и размножается ³⁾. Нельзя совсем сказать того же о Сауле ⁴⁾, который, как говорят, оставил по себе очень дурную память, так как будто бы все его обещания остались невыполненными. — Ну, крепко и много целую тебя и всех близких.

Твой Лев.

Это письмо также подверглось исследованию, нет ли в нем химического текста. Но в следующих уже не видно этого эксперимента, — очевидно убедились, что я не прибегаю к химии.

¹⁾ Стефановичу.

²⁾ Так мы называли в шутку Марию Николаевну Ошанину.

³⁾ Под ее родней я, понятно, имел в виду — ее единомышленников — остатки «Народной Воли». Под «размножением» я имел в виду оживление среди них, вызванное приездом в Россию Германа Лопатина (до его ареста).

⁴⁾ Саулом назывался наш единомышленник; молодой марксист, Гриффест, бывший член минской группы «Черн. Пер.», эмигрировавший в 1881 г. в Швейцарию, — одним из первых приставший к нам, когда мы основали группу «Освоб. Тр.». Это он, отправившись в Россию для агитации в пользу наших взглядов и целей, торопил меня со скорейшей присылкой транспорта с нашими первыми изданиями, на чем я и впадался во Фрейбурге. (Подробнее о нем см. воспоминания И. Гецова в Сборнике № 1.)

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ *)

[1885 г. 26 янв. (6 февр.)].

Позавчера получил твое письмо, дорогая сестра, вчера — теплые вещи, за которые, к крайнему сожалению, пришлось заплатить в таможду 10 руб. золотом, — вероятно, этого сама куртка не стоит; альбома же до сих пор нет. Сообщи, на какой адрес ты его выслала, справься на почте, дошел ли до русской границы? Очень буду огорчен, если он пропал: я его жду с большим нетерпением как приятное воспоминание о любимых местах. Ты, вероятно, сама представляешь себе, каксе отрадное впечатление произвели на меня твое (и Павлово) письма: я читал и перечитывал их много раз. Судя по этому письму, ты не в дурном настроении, а это — главное. Жаль все же, что ты мало общаешься о своих занятиях и планах. Очень обрадовала меня твоя уверенность, что «никакие беды и опасности не грозят» вам¹⁾. Из предыдущего твоего письма, в котором ты сообщала, что «стеснена в деньгах», я заключил, что в этом причина медленности появления в печати работ Жоржа и Павла и, вообще, неблестящего положения ваших планов. Я не имею достаточных данных, но мне все же кажется, что мои опасения верны. Ты не сообщаешь, увеличивается ли ваша семья, кроме тех двух особ вашего пола?²⁾ Главное же в том, что здесь нет никого из родных³⁾ и, по уверению тех, с кем мне здесь пришлось говорить, после неудачного дебюта Финстера⁴⁾, всякого встретят с предубеждением. Сообщи, как тебе кажется, верно ли это? Правда ли, что Саул не исполнил взятых им на себя поручений? Я здесь беседовал с его знакомым, фармацевтом, с которым, как утверждает последний, они сошлись. Передай ему мой привет и всевозможные пожелания. Я, конечно, очень рад сообществу Ив. Ник.⁵⁾ Мы с ним и с Малеванным, которого также на-днях перевели в нашу башню, чаще всего вместе; с последним, — хотя мы и не были знакомы на воле, — мы успели хорошо сойтись еще по дороге сюда из Киева. Он мне очень нравится, — хороший он товарищ. О теоретических разногласиях с ними, как и с другими 10-ю (едино-

*) Все выноски в конце этого письма.

мысленниками Павы) ⁶⁾ мы очень редко говорим и, вообще, со всеми живем в полном мире и согласии, — парни все симпатичные, неглухие. Не могу, к сожалению, похвастать, чтобы читал много, хотя и хотелось бы, но, после долгого молчания в предварительном заключении и изолированности от людей, у нашего брата является сильная потребность проводить время в «беседах за чаями», — совсем как в доброе старое время. Теперь я и Иван Николаевич читаем «Происхождение семьи и пр.» Моргана, в изложении Фридриха Карловича. Признаться, судя по заглавию и вашим с Павлом отзывам, я ожидал большего, точнее — не вижу, что в этом «Erschennmachendes», как заявляет Фридрих Карлович. Впрочем, я ее сегодня лишь начал читать. Я не знал, что ты выслала мне в Питер такую массу книг, — ужасно досадно, что их мне не отдали. Уже несколько недель тому назад я писал отсюда директору департамента, прося его распорядиться о высылке мне тех 10-ти, которые Павел послал в 1-ый раз, перечислив названия; но пока ответа не получил. Если можешь припомнить, то сообщи заглавия остальных: я буду еще и еще писать. Решительно не понимаю, почему прокурор Петерб. суд. пал., на адрес которого вы послали, не вручил их прямо мне. Пока не вышлай мне больше. Я уже, кажется, писал тебе, что приобрел последнее издание «Капитала», чему несказанно рад. У Ивана Николаевича есть то же самое Родбертуса и — «Zur Beleuchtung», которые я еще не успел прочитать. — Носятся слухи, что на Каре нет (или очень мало) книг. Что об этом пишет Дмитро? И вообще, что он пишет? Прошу Лизу сообщить мне все, что она знает о нем. Я ей писал (уже давно) отсюда: получила ли она то письмо? В нем я описывал ей мою поездку сюда. Фанни ⁷⁾ передай, что может не называть меня никак в письме, если только из-за этого она «затрудняется» писать, — письму же ее я был бы очень рад. Как они устроились? Как чувствует она себя среди чопорных англичанок? Надеюсь, Кит ⁸⁾ не отплясывал трепака за 80 ф. ст., — да, смешное предложение. — От Сашеньки ⁹⁾ получил на-днях письмо с предложением оказывать мне посильную помощь. Хотя я пока решительно ни в чем не нуждаюсь, все же ужасно рад ее готовности. Сомневаюсь, чтобы ей разрешили видеться со мною, что, ко-

нечно, доставило бы мне большое наслаждение. — Ты права, думая, что хорошо сделала, не передав моих «прощальных слов»¹⁰⁾, я тогда не сообразил, какое это неприятное для тебя поручение и, вообще, для всех вас. Но раз случилось бы так, что все вы помирились бы с теми лицами, то можешь, конечно, передать и мои слова. Не потому, как видишь, я нахожу теперь это поручение неудобным, что «те не поняли бы», а я вас ставлю этим в неловкое положение. Тогда я не сообразил этого, потому что, как знаешь, был сильно расстроен и должен был торопиться с отсылкой письма, но помнил, что в последнее время на воле имел намерение, при известных обстоятельствах, помириться, какового случая, знал, уже более не представится. — Передай (через Фанни) Мих. Петр.¹¹⁾, что Малеванный писал ему из Киева и отсюда и удивляется, почему не получает ответа. Он и Иван Николаев. шлют ему поклоны и всякие пожелания. Они очень рады, что он «никого не трогает», и уверены, что и впредь никого не затронет. — Пиши же, дорогая, что делаешь, что читаешь, выдаешься ли с людьми, кроме своих? Не могу сообразить, что «случилось, вследствие чего твои отношения с семьей стали гораздо лучше»¹²⁾; но во всяком случае, меня очень радует, что ты «не чувствуешь себя такой одинокой». — Знаешь ли все подробности о моем процессе? Не помню, получила ли ты все мои письма из Одессы? Сообщи, что об этом было в иностр. газетах и, вообще, о моем аресте?¹³⁾. — Кто работает с Рольником?¹⁴⁾. Как он поживает, — кланяйся ему от меня. Здорова ли Ванда и что подделывает, а также и Андерс?¹⁵⁾. Где Аня? Здорова ли она, учится ли, виделись ли вы с нею? Пусть она как-нибудь напишет мне хоть немного. Надеюсь, ты передаешь ей, как и другим приятельницам, мои поклоны и пожелания. — Роза¹⁶⁾, вероятно, снимала детей; если да, пришли их карточки. О ней мы часто говорим с Иваном Николаем и постоянно «фалим», как выражался Дмитро. Жоржа тоже, но Ив. Ник. не так усердно, как я. Он просит передать всем вам, в особенности Розе и тебе, всевозможные пожелания и приветствия. То же, я уверен, не забудете и вы, сударыня, сделать. Ну, будь же здорова и бодра, дорогая. Не забудь же ответить на все мои вопросы и передай мои пожелания и сердечные поклоны всем приятелям и приятельницам:

Розе, Лизе, Ане, Фанни, Ванде, Андерс, Вере Сем., Киту, Финстеру, Рольнику, Ивану и др. — Жоржу и Павлу пишу особо.

Дорогие друзья, чувствую сильнейшую потребность, хоть письменно, побеседовать с вами, когда лишен навсегда возможности сделать это устно. Какое удовольствие доставляли мне живые беседы с вами, — вы это сами знаете. Мысленно я и теперь очень часто с вами. Мне живо представляются разные встречи, случаи и всякого рода мелочи из жизни с вами. (К сожалению, не припоминаю всех ваших удачных острот, милый Жорж, но многие и теперь помню.) Предполагаю, что вам подчас бывает очень тоскливо: хочется, вероятно, домой, на родину, еще сильнее, чем в последнее время при мне? Но лучше потерпите, дорогой друг, — еще не наша полоса. Ужасно хотелось бы прочитать вашу книжку ¹⁷⁾, но, увы, сомневаюсь, случится ли это когда-нибудь. Судя по сообщениям Веры, вы много над ней работали, изучили много отраслей русской народной жизни. (Кстати, вы, конечно, читали о частых волнениях ¹⁸⁾ в последнее время среди рабочих Московской и др. губерний?) С кем же вы теперь спорите, «политиканствуете»? Читаете ли рефераты? Видитесь ли с геноссами? ¹⁹⁾ Неужели Фридрих Карлович не успел еще приступить к изданию II тома [Капитала] или и он умрет, предоставив третьему старику (Папе Беккеру, напр.), в наследство все рукописи Маркса и свои? Что за медлительные старички! Сообщи, Павел, что знаешь о времени выхода II тома. Очень благодарен тебе за письмо. Об успехах немцев в деталях я не знал. Интересно, сколько, вообще, считается теперь за ними голосов? В скольких тысячах расходится «Соц.-Дем.»? Каково теперь положение их депутатов в рейхстаге? Я слышал, что он недавно предоставил правительству право арестовывать некоторых, кого же именно? Думаю, что процесс лейпцигских анархистов и убийство Румфа сильно на них отзывается?—Рад я очень, что ты вылезашь из бедственного экономического положения. Но мне как-то все не представляется, что ты, Павел, которого я привык видеть вечно нуждающимся, вдруг будешь сыт, одет, обеспечен. От всей души, конечно, желаю тебе блестящих успехов как на финансовом, так и на

ученом поприще. Те же пожелания шлю и вам, Надя. Будьте же счастливы, дорогие друзья! Пишите хоть понемногу. Кланяйся, Павел, Саше и др. цюрихским товарищам.

Обнимаю вас крепко, крепко Ваш Л. Дейч.

Что подделывают французы? Гэд и Лафарг? А где Петр Алексеич и Готье? Пишите впрямь по следующему адресу: Его Сиятельству, Московскому Вице-Губернатору, Г-ну князю Голицыну, Покровка, в собств. доме, для такого-то.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМУ 4

¹⁾ Под «бедами и опасностями» мы понимали, с одной стороны, финансовые затруднения для ведения начатых гр. «Осв. Тр.» литературных предприятий, а с другой — вследствие все более надвигавшейся в России реакции, — давление со стороны нашего правительства на Швейцарию по отношению права жительства Плеханова и Веры Ивановны Засулич. Мы знали, что, нажми наше правительство, и эта крохотная демократическая республика выгонит нежелательных Александру III эмигрантов. Как известно, спустя 2—3 года эти мои опасения оправдались: Веру Ивановну и Георгия Валентиновича, действительно, изгнали из Швейцарии. Также и материальное положение моих друзей, в связи с усиливавшейся в России реакцией, становилось год от году все хуже.

²⁾ Т.-е. прибавилось ли число новых членов в основную группу «Осв. Тр.». — Как известно, первоначально нас было пять, и только после моего ареста были включены еще: Анна Макаревич-Турати (урожд. Розенштейн) и Ванда Цезарина Войнаровская.

³⁾ Под родными я подразумевал наших единомышленников.

⁴⁾ Делегат — Саул, Гринфест.

⁵⁾ Уже упомянутый мною Присецкий.

⁶⁾ «Пава» также была данная нами кличка М. Н. Ошаниной; под ее «единомышленниками» я имел в виду народовольцев.

⁷⁾ Фанни Марковна — жена С. М. Кравчинского (Степняка).

⁸⁾ Кроме «Тамары», мы называли еще Степняка «Китом». Что касается «отплясывания трепака», дело состояло в следующем: Вера Ивановна сообщила мне, что, вскоре после переселения Кравчинского в Лондон и быстро приобретенной им там большой популярности, какой-то импрессарио [предприниматель] предложил ему «отплясывать» национальный русский танец в одном театре за плату в 80 ф. ст. за каждое выступление, от чего Кравчинский, конечно, отказался.

⁹⁾ Сестра Веры Ивановны — Александра Ивановна Успенская, жившая тогда в Москве.

¹⁰⁾ Под «прощальными словами» мы понимали данное мною ей в одном из предыдущих писем поручение передать от меня поклоны на прощанье некоторым эмигрантам, с которыми у членов гр. «Осв. Тр.»

установились враждебные отношения (Драгоманов, Ошанина, Тихомиров и др.).

¹¹⁾ Мих. Пет. Драгоманов.

¹²⁾ Впоследствии я узнал, в чем была причина. Как я уже сообщил в предыдущем Сборнике, Вера Ивановна была очень недовольна вновь принятой, по предложению Георгия Валентиновича, Вандой Войнаровской. Из-за этого несколько изменились ее с ним отношения. Но спустя короткое время, этот не подходивший во многих отношениях новый член вышел из состава группы «Освоб. Труда». После этого дружеские отношения между Верой Ивановной и Георгием Валентиновичем еще более усилились.

¹³⁾ На это она не ответила.

¹⁴⁾ Заведывал нашей типографией; он же — Левков (см. о нем в воспоминаниях И. Гецова).

¹⁵⁾ Андерс или Урсу эмигрировал за границу при содействии Сергея Дегаева, о предательстве которого она ничего не знала. Хотя она разделяла взгляды народолюбцев, но согласилась работать в нашей типографии и была с нами в прекрасных отношениях.

¹⁶⁾ Роза — Розалия Марк. Плеханова.

¹⁷⁾ Я имел в виду книгу «Наши разногласия», которую вскоре затем мы получили в тюрьме, конечно, нелегально.

¹⁸⁾ Я, конечно, имел в виду стачки, устроенные Моисеенкой.

¹⁹⁾ Т.-е. с немецкими социал-демократами.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

8. III. 1885 г. Москва.

Дорогая! Уже почти два месяца, как я ответил тебе на твое последнее письмо; недели 3—4 назад я послал другое, и все же до сих пор от тебя — ни строчки. Решительно не знаю, чем это объяснить! Прежде я приблизительно раз в месяц получал от тебя по письму. Не думаю, чтобы начальство не пропускало твоих ответов, так как, в таком случае, оно уведомило бы меня, чтобы я напрасно не писал. Незнание о тебе и других близких вызывает во мне всякие тревоги и опасения. Опасаюсь, не случилось ли чего с тобою? Но, в таком случае, мог бы Павел, Жорж, Лиза написать мне. Боюсь, что вдруг и до самого отъезда не получу от тебя письма. С другой стороны, не допускаю, чтобы ты не постаралась так или иначе дать мне знать о себе. Полная неизвестность о тебе связывает мне руки, — не знаю, о чем писать. К тому же, в жизни моей, конечно, нет ничего нового. — Отвечай же поскорей, прошу тебя, — буду ужасно рад, если все мои опасения

окажутся напрасными. Шлю сердечный привет всем близким. Целую тебя крепко.

Твой Лев.

Ответ пришли заказным письмом.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ ¹⁾

1889 г.

Примечание. Огромный пропуск писем объясняется исключительно исчезновением их из архива Веры Ивановны: в течение предшествовавших четырех лет я отправил массу писем.

Дорогие мои! Недавно, сравнительно, послал Вам большое письмо и не получил еще извещения, дошло ли оно; опять берусь за перо, хотя не о чем, собственно, писать пока. Но ты, Марфа ²⁾, беспокоишься обо мне, судя по последнему твоему письму. До тебя, очевидно, дошли уже известия о бывшей в наших местах эпидемической болезни ³⁾, окончившейся шестью смертными случаями (в том числе бедная Маруся ⁴⁾), и ты опасаясь за мое здоровье? Но положительно уверяю тебя, что меня (да и всех переживших эпидемию) нисколько не коснулась болезнь; болезнь эта не внесла никаких особенно дурных последствий ни в наше физическое состояние, ни во внешнюю обстановку. Вскоре после смертных случаев все вошло в обычную однообразно-монотонную колею, как будто ничего особенного не случилось. Начальство, ввиду этой болезни, хотя и не приняло никаких предупредительных мер, но зато и не проявило никакой требовательности к исполнению нами ненужных формальностей. Оно прямо не уничтожило недавно объявленной нам инструкции, но все же дало понять, что

¹⁾ Настоящее, как и следующее, письмо было отправлено не через начальство, а — конспиративно, поэтому оно написано аллегорически, иносказательно, чтобы, в случае если бы оно было перехвачено, невозможно было бы догадаться, кто и кому писал.

²⁾ Это была революционная кличка В. И. Засулич.

³⁾ Под этим я имел в виду — массовые самоубийства, произошедшие в мужской и в женской политических тюрьмах на Каре после совершенного телесного наказания Н. Сигиды (см. мою книгу «16 лет в Сибири»).

⁴⁾ Марья Павловна Ковалевская — мой, а также Веры Ивановны сочлен по киевскому бунтарскому кружку (см. мою кн. «За полвека»).

она более не будет применяться¹⁾. Таким образом, как видишь, снова настала серая будничная жизнь, что, конечно, лучше, чем жизнь, полная бурь и тревог. Ты упоминаешь, что какая-то барыня из наших мест сообщала своей приятельнице о нашем положении и обстановке, и это письмо заставляет тебя опасаться, что брат Евг.²⁾ (юрист) не получил ни твоих писем, ни книг. Не знаю и никак не могу догадаться, что это за барыня? Но, как видишь из вышесказанного, ты напрасно беспокоишься и смело могла и писать и посылать ему все, что он просит. Правда, носятся слухи, что весь наш штаб будет переведен в другое место, но слухи эти носятся уже несколько лет, и окончательно нам ничего не объявляли. К тому же, если бы и состоялся перевод, то все же ему перешлют то, что получится по старому адресу. Ты видишь, что совсем напрасно мешкала с исполнением его просьбы. Если бы ты видела, с каким нетерпением и он и я ожидали получения от тебя известия о нашем юридическом сочинении³⁾, — ты, я думаю, более обстоятельно передала бы свое мнение о нем. А между тем, ты, хотя и говоришь, что «трактат» очень интересен, но по существу почти совсем не касаешься его. К тому же, кажется, ты не совсем верно поняла его. Так, ты говоришь «брат⁴⁾ не любит Гегеля и огорчается, что некоторые писатели его иной раз цитируют». Насколько я знаю, он лично вовсе не любит этого философа, а лишь находит нужным считаться со вкусами читающей публики. Раз, — основательно или неосновательно, другой вопрос, — с 60-х годов явилось враждебное отношение к этому мыслителю, то частым напоминанием о нем не рассеешь этого чувства, а, наоборот, в виде реакции против чрезмерного

¹⁾ Как известно, перед наказанием Сигиды нам была прочитана инструкция о применении к нам телесных наказаний; после произошедших в тюрьмах массовых самоубийств нам намекнули, что впредь не будут применять их.

²⁾ Ради конспирации я о себе писал в третьем лице, употребив мою революционную кличку и дав себе звание «юриста».

³⁾ В книжке «Юрид. Вестника» я описал между печатными строками посредством химических чернил Карийские трагедии.

⁴⁾ Под «братом» Вера Ивановна имела меня в виду, так как я писал ей и Георг. Вален., зачем он часто ссылается на Гегеля (в получившихся Сборниках «Социал-Демократ»).

превозношения этого (во всяком случае во многом ошибавшегося) философа, — вызовешь скорее упорное нежелание признать и то, что левые гегелианцы ¹⁾ проповедают. Не знаю, поняла ли ты меня, но мне очень странно, что ты делаешь такое заключение: «Как будто не все делают и должны делать так, кто убежден в чем-нибудь?»... «и ты встарину, помнится мне, придерживался таких же мнений». Странно! Неужели из моих писем не явствует, что я не только ни на йоту не отказываюсь от левого гегелианства, но даже еще более укрепился в нем, — более, чем прежде, понимаю его. И все же признаю практически необходимым считаться с предубеждениями, а если хочешь уничтожить их, то [достигнуть этого можно] не голословными ссылками на «заслуги» Гегеля, а обстоятельными разъяснениями, в чем [состоят] эти заслуги. Но последнее вовсе не особенно важно и интересно теперь, — это имеет лишь историческое значение генезиса идей «левых», а кому из наших читателей это важно? Но оставим это. — Ты очень расхваливаешь новое произведение левого гегелианца ²⁾. Мне, конечно, чрезвычайно интересно поскорее познакомиться с ним. Но, признаться, я заранее уверен, что оно, подобно предыдущим, произведет дурное впечатление на сослуживцев ³⁾, в чем, впрочем, и ты не сомневалась. Но, по твоим словам, у вас оно вызвало большой интерес, оживление. Это меня лишь отчасти радует. Говорю «отчасти», потому что все же не могу не видеть в этом «оживлении и интересе» лишь бурю в стакане воды. После 6—7 лет литературной деятельности, нельзя особенно торжествовать, слыша, что успех ограничивается несколькими десятками единомышленников (надо к тому же знать еще каких?), а большинство читателей является противниками, всюду

¹⁾ Левыми гегельянцами, а также «геноссами» (товарищи — по-немецки) мы ради конспирации называли социал-демократов.

²⁾ Под этим Вера Ивановна, по всей вероятности, имела в виду брошюру Плеханова против Тихомирова (его ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером») «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова», вышедшую в 1889 г. (см. Сочин. Г. Плеханова, т. III, стр. 45).

³⁾ Т.-е. моих товарищей по заключению, являвшихся народолюбцами.

своих занятий, тем своих произведений, — мне бы это доставило большое удовольствие. Ты знаешь, что, кроме вообще присущего мне интереса к теоретическим вопросам, мне особенно было бы приятно знать, какие именно тебя занимают. Допустим, даже, — хотя это очень сомнительно, — что я когда-нибудь «сам прочту», как ты надеешься, все тобою написанное; но неужели ты не представляешь себе, что даже краткое изложение, самый слабый намек на то, чем ты занимаешься, мне было бы приятно узнать как можно скорее, а не через многие, быть может, годы? Я согласен, что при твоём образе жизни у тебя немного тем для писем; но ты и теми не пользуешься, какие имеешь. Ты, напр., вовсе не упоминаешь о старых знакомых и приятелях, даже в двух-трех словах не сообщаем о заведении Рольника ¹⁾, — на какие средства оно существует, сколько там работает человек и пр. Даже о самых близких людях: о Жорже, Павле, Розе, Лизе ты лишь вскользь упоминаешь, и из твоих сообщений решительно нельзя составить себе никакого представления об их жизни. Но если ты, действительно, научилась не только говорить, но и переписываться, если составление письма для тебя трудная задача, для решения которой ты должна принуждать себя, то я, конечно, предпочитаю получать от тебя лишь краткие сообщения о твоей жизни и здоровья и несколько не буду в претензии за отсутствие подробных, но высиженных писем, к тому же могущих надолго отрывать тебя от твоих занятий. Ты отчасти права, говоря, что у меня, если и не «во 100 раз больше тем для писем», то все же больше, но не потому, что я «живу на людях»: живи я даже совершенно один среди четырех стен, думаю, у меня находилось бы довольно материала для бесед с тобою и Дмитрием ²⁾, раз только вы интересовались бы моими сообщениями. Буду и впредь, при всяком удобном случае, писать тебе большие послания; я и теперь готовлю такое. Не знаю только, получила ли ты недавно, сравнительно, посланное, — месяца

¹⁾ Это означало устроенную мною типографию для группы «Осв. Труда», в которой работал т. Рольник и где печатались произведения моих друзей.

²⁾ Стефанович.

три-четыре тому назад. У нас, как громадные пространства кажутся небольшими, так и время считается малым, когда вам, живущим в Европе, оно показалось бы очень большим. Ты, напр., удивляешься, что поздравление с новым 1889 г. получила очень поздно, а у нас это почти в порядке вещей. Переписываешься ли с Маней? Знает ли она твой новый адрес? Присылает ли юридич. жур.? ¹⁾ Мне она уже давно не пишет, хотя я посылал ей и письма и телеграммы. На последние она всегда отвечает телеграммой же, что здорова и шлет мне письмо, а его я все же не получаю. Неисправима она! Раз ты получила мое предыдущее послание, то уже знаешь обо всем новом, происшедшем в нашей жизни за последнее время. О новейшем периоде узнаешь из ближайшего большого послания. Пока скажу в немногих словах, что неказиста наша жизнь, много в ней безотрадного, грустного. Между прочим, ты, вероятно, знаешь уже о том, что Маруся ²⁾ окончила жизнь самоубийством с тремя другими своими приятельницами. У нас тоже было два смертных случая и несколько попыток. Теперь какая-то эпидемия на всевозможного рода смерти. Об этом ты, вероятно, знаешь уже из газет; напрасно только ты не следишь за ними аккуратно, как ты сообщаешь. Слухи о нашем перемещении становятся все упорнее и настойчивее. Может быть, когда получишь это письмо, мы будем уже на новом месте. Разбирает опасение, как бы там не было еще хуже, чем здесь. Впрочем, бог милостив. Временами я бываю совершенно равнодушен к тому, что ждет нас впереди, но иногда находит тревога, и тогда чувствуешь себя скверно. Это особенно часто случается в последние месяцы: может быть, вследствие картин смертей, а то и ввиду разлуки с Дмитрием и предстоящего полного одиночества, при вечной жизни на людях. Хороших знакомых среди 35 чел. у меня есть несколько, но ни с одним не близок сколько-нибудь. Для последнего мне необходимо не только, чтобы

---

¹⁾ В журнале «Юрид. Вестн.», как я уже сообщал, я химическими чернилами, между строк, писал огромные письма и даже статьи. Затем пересылал эти книжки в вольную команду, откуда их отправляли моей сестре Марии Григ. Афанасьевой в Уфу, или А. И. Успенской в Москву, а они отправляли их Вере Ивановне за границу.

²⁾ Марья Павловна Ковалевская.

характер данного лица был мне симпатичен, но чтобы вполне сходилась и в воззрениях, а такого совпадения здесь нет. Очень может быть, как Дмитро говорил, я сам отчасти виноват в том, что отталкиваю от себя многих своей манерой спорить; но, право же, вечно приходится слышать такие ограниченные взгляды по поводу многих вопросов, что невольно теряешь всякую способность сдерживать себя. Для иллюстрации приведу, напр., следующие глубокомысленные воззрения, разделяемые многими: «Геноссы собирают из «Капитала» только плевелы, пшеницу же в нем берут другие». Эти «другие» — кто бы ты думала? Сторонники Петра Алексеевича, Мишки¹⁾ и, вообще, все те самобытники, которые вовсе не понимают «Капитала» Маркса, да в сущности все отрицают, кроме произведений В. В., Глеба Ивановича, Михайловского и т. п. самобытных философов. Жорж и Павел поймут мое положение здесь, когда они представят себе, что мне приходится жить в сообществе нескольких десятков Федершеров, Корнфельдов²⁾ и т. п. Да и те, пожалуй, живя в ваших условиях, пообтесались, отказались, быть может, от многих ошибок и заблуждений. Но, если не касаться воззрений, то многие очень симпатичны и вообще хорошие люди. А можно ли не касаться убеждений? Вот теперь, ввиду происходящих у немцев и вообще за границей событий, почти непрерывные разговоры, дебаты. И боже, боже, чего не услышишь! Жорж на моем месте давно со всеми перегрызся бы, хотя кое-кого, быть может, и перетянул бы на свою сторону. Но «пшепустим» (оставим) это, как говорят у нас (много у нас своих словечек, — некоторые очень удачные). — Меня, Павел, ужасно интересует ход дел геноссов, из получаемых нами источников очень мало можно почерпнуть, к тому же часто попадаются сомнительного свойства известия о них. Письма твои всегда доставляют мне большое удовольствие; пиши, брат, и впредь (только не можешь ли поразборчивее: не для меня, конечно) как о них, так и о себе, о своих заня-

¹⁾ Петр Алексеевич — Кропоткин; «Мишка» — кличка Дебогория Мокрневича.

²⁾ Молодые народолюбцы, околавившиеся в мое время за границей, малоразвитые, не блиставшие умом, но любившие спорить и возражать нам, марксистам.

тиях, о семье и знакомых. Поверь, что я действительно интересуюсь всем, тебя касающимся, а не говорю это только для проформы. Дмитро сообщит тебе об участии присланных тобою книг — «Neue Zeit» и др., — тогда сообрази, как впредь снабжать меня аналогичными. Гегеля, по прочтении, пришли мне: его, к слову, большинство здесь, конечно, не читавши, считает чуть ли не идиотом! Думаю, после отъезда Дмитра, вплотную засесть за занятия, — в последнее время я сильно отбился от книг, больше пишу ¹⁾, — если только обстоятельства не изменятся к худшему. Глаза мои тоже, чем дальше, тем больше слабеют, — результат, конечно, обстановки. Как бы то ни было, нахожу, что за последние годы кое-что успел, многое понимаю лучше прежнего. «Но к чему это?» — нередко приходит на ум. Может, и лучше ничего не понимать, — быть может, легче себя чувствовал бы. Ну да «пшепустим» и это. — О многом хотелось бы поговорить с вами, дорогие. Но вы понимаете, что это не всегда возможно. Особенно меня интересуют ваши литературные произведения. Я уже сообщал, почему некоторые из них мне не понравились (особенно «Новый защитник самодержавия»). Хотя не знаю, получили ли вы то письмо. Повторять же не хочется. По-моему, как можно меньше полемики, резкости, даже полное игнорирование всяких Павиных, Борисовых ²⁾ и т. п., а исключительно теоретические, исторические и критические статьи, по всевозможным вопросам, принесли бы громадную пользу и вам как авторам, и читателям вашим. Не нравится мне также, что в «Библиогр. отд.» вы вместо ознакомления с другими изданиями полемизируете (напр., о «Вальке Класс»), при чем приводите вовсе не лестные о вас отзывы своих противников (напр., той же Вальки и Ивана Ивановича [Добровольского]). Получается впечатление, будто вы представляете собою травленных собак, огрызающихся на все стороны, и нельзя сказать, чтобы это впечатление было хорошим. Конечно, для верного суждения нужно знать условия, вызвавшие такой характер

¹⁾ Я писал свои воспоминания в «Карийских тетрадах», о чем подробно сообщил выше.

²⁾ «Борисовыми» мы называли заграничных народников, вроде Ив. Ив. Добровольского, выпустившего брошюру «Начало конца», под псевдонимом Борисов.

изданий, но не виноват и читатель, когда, не видя в данном произведении этих условий, делает заключение, что автор просто желчный человек, всем и вся недовольный, кроме себя и своих единомышленников ¹⁾. Повторяю, по-моему, лучше всего полное игнорирование таких противников и исключительно — статьи, дающие теорет[ические] и фактич[еские] сведения. Вот почему больше всего понравился «Очерк междун[ародного] Общ[ества] раб[очих]». Действительно, и содержание и тон автора прелестны: здесь и комар носа не подточит. — Но, довольно о литературе. Павел, сообщите, каковы последние успехи геноссов? Имеют ли они уже последователей среди сельского населения? Много ли у них органов, изданий, какие именно и где? Думает ли Фридрих Карл[ович] когда-нибудь издать третий том и полное собрание сочинение Маркса? Почему бы вам не перевести «Zur Kritik» или хоть бы извлечение из него? Надеюсь, что ты, Марфа, соберешься прислать мне, наконец, французский роман ²⁾. Я с нетерпением жду его с каждой почтой. Может быть, с выходом Дмитра ты вполне поймешь, как мне было бы приятно иметь книги для упражнения во французском языке. Мне много лет еще впереди (около 6—7), и я надеюсь выучить иностранные языки, которых не знаю. — О материальных наших условиях могу сказать, что они не блестящи, хотя жить можно и подчас даже недурно. Пишу немного о нашей обстановке, п[отому] ч[то] несколько раз уже сообщал вам об этом, к тому же от Дм[итра] можете узнать о том, что вам остается неизвестным. Я надеюсь, что вы с ним будете аккуратно переписываться. — Ну, будьте же все здоровы и, насколько это возможно, счастливы. От всей души, конечно, желаю вам, дорогие, всякого успеха в ваших занятиях. Очень хотелось бы, конечно, мне, чтобы и до меня достигал слух об этом. Буду надеяться, что судьба, наконец, будет милостива ко мне и нам удастся когда-ни-

¹⁾ В этом письме я делился своими впечатлениями по поводу сборника «Соц.-дем.», полученного мною конспиративным способом.

²⁾ Во франц. романе между неразрезанными страницами я просил ее написать мне обстоятельное письмо химическими чернилами. Это она и сделала, но, помню, не все ею написанное можно было прочесть ввиду слабого раствора, все же таким образом проникало к нам не мало интересного.

будь снова свидеться и быть вместе. Как бы мне хотелось этого, вы и представить себе не можете, не поживши в моих условиях. Но, что говорить об этом? Не забывайте же меня.

Ваш Л[ев].

Приписка на этом письме принадлежит Стефановичу, находившемуся в это время в вольной команде, которому я из тюрьмы отправил это письмо, а он должен был переслать его за границу.

«Говорят, не раньше мая двинусь в путь ¹⁾. Как только узнаю, где водворен буду, — напишу. Предстоит дорога длинная. Туда, куда ворон костей не заносил. Полгода, если не больше, проведу в путешествии. Теперь живу верстах в двух от Ж. ²⁾. Часто хожу на сопку, чтобы оттуда видеть его, но ни разу не заставал его на дворе. Глаза у меня сохранились, мог бы распознать, да он все сидит, по обыкновению, в комнате. Все, что он пишет насчет твоих занятий и относительно вашей мастерской и ее изделий, сказал бы и я. Хотел бы тоже иметь эти изделия, но об этом — со временем. Ты мне сообщишь, нужен ли для нашего производства в теперешнем моем положении ³⁾. Судя по тому, что мы видели, кажется, надобности нет. Научись, пожалуйста, вразумительно справляться с юриспруденцией ⁴⁾, пригодится. Будь же здорова прежде всего, Лизе не показывай моих фотографий: это ей за то, что она мне своей не прислала. Желал бы знать адрес Марьи Апполосовны ⁵⁾. Жоржа целую и благодарю. Павла тоже, только не за то, за что Жоржа, а за деньги. Сергей молодчина, если это он избобличает начальство севера ⁶⁾. Ж. сейчас беседовал со мною: «весь день, говорит, после твоего ухода как-то странно

¹⁾ Т.-е. на поселение в Якутскую область.

²⁾ Ж. означает Женя или Жеенька, — уменьшительное от моего революционного имени Евгений.

³⁾ Этот Стефанович хотел сказать, что он не прочь сотрудничать в «Соц.-Дем.».

⁴⁾ Т.-е. научиться прочитывать написанное химическими чернилами (в книжках «Юридич. Вести.»).

⁵⁾ Мария Апполосовна Тургенева, жена Чубарова, наша старая приятельница.

⁶⁾ Кравчинский вел в Англии агитацию против русского правительства.

себя чувствовал.., но пока не могу сказать, чтобы меня уже разобрала тоска. Может, это объясняется тем, что сегодня после получения писем от тебя ¹⁾ и Мани—некоторое возбуждение, разговоры по поводу твоего выхода... Встречаясь со мной, тот или другой обыкновенно спрашивает, «что, осиротели?». Ваничка со мною очень ласков. (Это мой любимец, Ив. Старынкевич, но он ссорился с Ж.: я ему наказал жить с Ж. в мире.) До свиданья, целую твою руку.

Твой старый *Дмитрий*.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ ²⁾.

Сентябрь 1890 г. Карийск.

Дорогая сестра! В моей жизни произошла относительно большая перемена к лучшему; 11 сентября меня и многих моих товарищей (24 чел.) выпустили в вольную команду. Ты, быть может, не знаешь, что это значит. Поэтому изложу, в чем состоит эта «Вольная команда». Живем в деревне, мало напоминающей наши русские, так как большинство населения — отбывшие срок «исправления» уголовные каторжане, [далее] батальон пеших казаков, держащих караул в тюрьмах, [а также] всякого рода начальство, военное и гражданское. Деревня эта раскинута в долине, на обширном пространстве, вдоль ничтожной речки Кара, летом почти вполне пересыхающей. Внешний вид этого поселка скорее напоминает плохие наши уездные города, чем село; кроме тюрьмы, казарм, есть лавки и почто-телеграфная станция. Жить мы можем или в собственных хатах, которые можно купить рублей за 50—75—100 maximum каждую, или в предоставленных начальством в наше распоряжение довольно сносных домиках. Пока я вместе с Дмитрием, который наднях уходит, и одновременно со мной выпущенными Лешерн, Фоминым и Мирским нанимаем квартиру, за которую платим 6 руб. в месяц (без отопления и освещения, конечно). Пищу готовим сами группами [или компаниями] и исполняем всякие хозяйственные работы, как рубка дров в лесу, косьба сена для наших двух лошадей, уход за коровами (6-ю) летом

¹⁾ Т.-е. он получил от меня по конспиративной почте письмо.

²⁾ Уже из «вольной команды» через цензуру начальства.

и пр. Работ вообще много и довольно тяжелых, зато, так сказать, живем «на лоне природы» и пользуемся, конечно, бóльшим разнообразием, чем в тюрьме. — Материальные средства почти те же, что и в тюрьме, т.-е. казенный «пак» (3 ф. ржаного хлеба и 40 зол. мяса) и присылки от родных. Но если в тюрьме эти средства были очень скудны, то на воле они еще скуднее. Все же жить кое-как можно. Посторонние заработки очень трудно иметь: если есть здесь спрос, то только на ремесла, да и то крайне ограниченный. Заниматься всякого рода науками возможно, но много времени отнимают разные хозяйственные работы и хлопоты. Всех нас здесь вольнокомандцев 34 человека, из них 4 женщины (Лешери, Корба, Ивановская и Добрускина), не считая 4 вольных жен (Люри, Рехневской, Сухомлиной и Медведевой). Как видишь, колония наша довольно большая, и скучать не приходится, да и некогда почти. Газеты и журналы мы можем получать, как русские, так и иностранные, — были бы только средства на выписку их, раз родственники сами не высылают их. Я бы очень хотел получать какую-нибудь немецкую или французскую газету или журнал. Прошу Павла позаботиться об этом, пусть он пересылает, напр., «Neue Züricher Zeitung» или другую по прочтении (можете высылать под бандеролью раз в неделю несколько №№); то же и ты делай с французскими, напр., «Journal de Genève». Вероятно, нетрудно, — если он сам не получает никакой, — доставать у кого-нибудь из знакомых уже прочитанные газеты или журналы. Письма, газеты и все прочее нужно высылать по следующему адресу: Карийск (Восточная Сибирь, Забайкальская обл.), г-ну помощнику начальника Акатуевской тюрьмы (для такого-то). Теперь мы перешли из жандармского ведомства в общеуголовное, тюремное, и вообще жандармы не заведуют более государственными преступниками. Оставшиеся еще в тюрьме (13 чел., в том числе Зунделевич) переведены в новую тюрьму, — в Акатуй, где они состоят на общеуголовном положении; помещаются вместе с уголовными в одних камерах, работают в рудниках и проч. Положение их незавидное, вероятно, но зато теперь, с переходом в обще-тюремное ведомство, будут выпускать в вольную команду тотчас по окончании срока, между тем как до сих пор, при жандармском заведывании, некоторые

по несколько лет дожидались очереди выпуска, а иные так и уходили на поселение, все время просидев в тюрьме. Я также целый год имел уже право на выпуск и только на днях выпущен, благодаря упомянутой реформе — замене администрации жандармской обще-тюремной. Всего, как знаешь, со времени ареста (25 февр./9 марта), я пробыл в тюрьме 6 $\frac{1}{2}$ лет, а на Каре без малого 5 лет. Теперь до выхода на поселение еще остается 5 $\frac{1}{2}$ лет и, если ничего экстраординарного не случится в моей жизни, то надеюсь не без пользы провести эти годы. Я, как знаешь, и в тюрьме довольно занимался, надеюсь и здесь не терять время напрасно. — Многое пришлось пережить за эти годы, особенно за последний, все же я вышел здоровым и бодрым из тюрьмы, хотя знакомые находят, что я сильно постарел. Впрочем, Дмитро пришлет тебе мою карточку, тогда сама увидишь, но я нахожу, что на ней я лучше, чем в действительности, — красивее и моложе. Пока еще не совсем устроился и осмотрелся в новых условиях, но, благодаря перемене в жизни, новизне обстановки и совместной жизни с товарищами, чувствую себя хорошо. Ощущения, аналогичные тем, какие, бывало, испытывал по окончании экзаменов на каникулах. Но, вероятно, скоро надоеет все же однообразная жизнь, отсутствие занятий и серьезных интересов, как это бывает в провинциальной глуши, вдали от цивилизованного света. Все же, вспоминая еще большее однообразие тюремной жизни, буду находить утешение в настоящей. Об одном прошу тебя, дорогая, пиши как можно подробнее и чаще. Теперь и я могу тебе отвечать в закрытых письмах, каково настоящее (конечно, с просмотром ближайшего администратора — помощника начальника Акатуевской тюрьмы). Сообщи, как тебе живется, что поделываешь сама и близкие — Жорж, Павел, Роза, Аня, Лиза и др.? В последнем письме, полученном мною с месяц тому назад, ты сообщала, что статью Жоржа о Николае Гав[риловиче] [Чернышевском] перевели на немецкий яз. Это известие меня очень обрадовало; мне очень интересно и самому ее поскорее прочитать, о чем, надеюсь, ты позаботишься. Пусть Павел вышлет мне (по вышеуказанному адресу) одну-две книжки, «Neue Zeit» за настоящий год, — я надеюсь получить теперь и раньше высланные №№, вместе и «Jahrbücher

für Socialwissenschaft», за которые, помнишь, мне здесь пришлось уплатить 10 руб. Сообщение твое о геноссах, о раздорах в их среде ¹⁾, об излишней осторожности стариков — очень интересны, но не утешительны. Пиши, чем окончились [эти] разногласия? Меня, ты знаешь, ужасно интересуется все, происходящее в их среде, да и вообще среди родственных. Я надеюсь, что теперь, с выходом в команду, буду получать от тебя более обстоятельные письма. Книжки также высылай такие, которые могут меня интересовать. Передай мои приветы и пожелания всем нашим близким и знакомым. Павлу напишу в следующий раз, а пока перешли ему это письмо. — Ну, будь здорова и, насколько возможно, счастлива, дорогая сестра. Не грусти, не тоскуй, надейся на лучшие времена. Теперь мы все же можем рассчитывать на перемену к лучшему, да и настоящая жизнь довольно сносна, — ты приблизительно верно себе ее представишь, вспомнив свою жизнь в Архангельской губ., во многих отношениях она, вероятно, лучше. Пиши же, родная, отвечай поскорее на это письмо. Крепко целую тебя и всех близких.

Твой брат Лев.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ ²⁾

Карииск. 16 декабря 1890 г.

Дорогая, хорошая сестра моя. Из предыдущего моего письма, посланного недели три назад на адрес Павла, ты уже знаешь о важной перемене в моей жизни — о выпуске меня и многих моих товарищей в вольную команду в прошлом месяце. Тогда же я сообщил в кратких чертах об условиях нашей общей жизни в новой обстановке. Живо представляю себе, как тебя и других близких обрадовали эти известия. Несмотря на шестилетнее пребывание в тюрьме, я — да и все другие — вышел на волю вполне здоровым и бодрым, — только значительно постаревшим, в чем, отчасти, сможешь убедиться из прилагаемой карточки. Одно-

¹⁾ Т.-е. о германских соц.-демократах, среди которых как раз в 1890 г. возникла фракция «молодых».

²⁾ Из вольной команды.

временно посылаю также карточки Якова и Софии¹⁾. Нельзя сказать, чтобы карточки эти были особенно удачны и верны, но сходство большое есть. Снимались мы здесь у заезжего фотографа, путешествующего по всей Сибири. Неверно, собственно, выражение физиономий; Софья, напр., выглядит злою старушкою, хотя в действительности у нее вовсе не такое выражение. Как бы то ни было, думаю, ты будешь рада этим карточкам. Я уже много раз из тюрьмы писал и просил тебя и других близких прислать мне свои карточки, — но тщетно. Вообще, не могу сказать, чтобы вы исполняли мои просьбы и поручения аккуратно: ты, напр., в письмах жалуешься, что никак не можешь подобрать подходящего для меня французского романа, между тем это очень нетрудное, по-моему, дело, и я решительно не могу понять, почему оно тебе не удастся, так как почти всякая книга годится и будет мне интересна: французских книг у меня крайне мало. Ты также обещаешь выслать сочинения Бентама, но не определяешь, скоро ли, а я их жду с большим нетерпением. Мойше²⁾ не присылает более, так как он ушел в Акатуй и неизвестно, позволят ли им получать. Посылать все книги мне так же, как и письма, на адрес: г. помощнику начальника Акатуевской тюрьмы, Карийск (Восточн. Сибирь, такому-то). Недели две назад получил здесь от тебя довольно большое письмо (в 2 л.), в котором ты опровергаешь взгляды брата Жени на литературу левых гегелианцев. Со многим из высказываемого тобою я вполне согласен. Конечно, подделываться под взгляды Павиных и Ива[ана] Ива[новича] не следует, но думаю, что ты несколько преувеличиваешь значение литературы вообще и лево-гегелианской — в особенности. По-моему, создать «умственного течения», как ты пишешь, она сама по себе, без соответствующих фактических условий, которых пока еще нет, не в силах, даже, явись проповедником ее такой гений, как Маркс. Я высоко ценю способности и таланты Жоржа, все же думаю, что ему много вредят его приемы полемики. Впрочем, ты сообщаешь, что в последнем его произведении о Ник[олае] Гавр[иловиче] он очень сдержан и осторожен. Меня ужасно обрадовало

1) Лешери.

2) Мойше — революционная кличка Аарона Зунделевича.

известие, что это его произведение переведено на немецкий яз. и что Каутский и др. хвалят его. Надеюсь и вполне допускаю, что иностранцы вернее оценят его, чем русские, и что он со временем займет одно из виднейших мест среди выдающихся литераторов, а тогда и наши «самобытники» его начнут хвалить и даже, пожалуй, гордиться, что вот, мол, какие у нас таланты: «по всем Европам хвалят». От всей души желаю, чтобы мои ожидания сбылись. Хорошо было бы, если бы он вообще писал цельные, самостоятельные сочинения и давал бы их переводить на иностранные яз[ыки], а не одни лишь журнальные статьи. Прошу тебя в сотый раз сообщить насколько можно подробнее о ваших литературных и материальных делах и условиях: я о них имею очень смутное представление. Теперь, с выходом вольные команды, когда нам дозволено посылать закрытые письма, буду, конечно, писать тебе подробнее, а потому и ты не скупись, сообщай о всем, могущем меня интересовать. Ты, напр., ни слова не упомянул о процессе Мендельсона, и я лишь из газет узнал о нем. Но мне неясно, неужели все дело заварил ажан-провокактор или это только уловка со стороны подсудимых. Сведения в газетах о геноссах также не очень подробны: из них ясно только, что между ними происходят споры и несогласия и что Бебель и Либкнехт тянут в сторону умеренности и аккуратности, а Шиппель — в крайности, но в чем суть — неизвестно. Особенно интересует меня Шиппель, я читал его немецкую брошюру «Staats-Lohnregulirung» и вынес из нее заключение, что автор — родбертианец, и вдруг — он в крайние попал! Чем объясняют эту его метаморфозу? Вообще, очевидно, на Западе теперь происходят интересные явления, и очень жаль, что Павел не делится со мною сведениями. Мне интересно также, как Фридрих Карл[ович], Лафарг и Гэд проживают, как они относятся к распре между немцев, чью сторону они держали в вопросе о 1-м мая и пр.? В таких случаях Павел прежде бывал довольно обстоятелен, но вот уже год, как он совсем почти не пишет; последнее его письмо (после поездки в прошлом году в Париж и в Лондон) [было] при посылке денег для Якова. Я уже писал тебе в прошлом письме, что был бы очень рад, если бы ты и Павел пересылали мне какую-нибудь франц. и немецкую

газету из больших и хороших. Можете присылать их по прочтении и раз в неделю под бандеролью; то же, если бы вы могли устроить насчет иностранных журналов, было бы очень мило с вашей стороны. О себе, о своем настроении, состоянии, занятиях ты пишешь очень мало, если не сказать ничего... Неужели ты не чувствуешь большой тоски, живя в одиночестве, в Морнэ, вдали от людей? Я не знаю также, каковы ваши материальные условия, откуда вы достаете средства на жизнь и издания? Пиши, дорогая сестра, обо всем, касающемся тебя, близких и старых знакомых; о последних ты вовсе не упоминаешь. Я не знаю, где и что подельывают Анка, Дрезденский юноша ¹⁾, Лиза и др. На Аню я немного сержусь, что за шесть лет не получил от нее ни слова. Жоржу тоже негрешно было бы хоть изредка писать. Ну, да бог с ними: если им трудно написать, пусть не пишут. Теперь надеюсь, после многих лет односторонней и неправильной переписки, восстановить с тобою аккуратные сношения: твоя будет вина, если это не осуществится, так как ты знаешь, я готов писать тебе и уверен, сколь ни бедна моя жизнь впечатлениями, всегда найду достаточно материала для переписки с тобою. Пока еще не пишу о своем житье-бытье, так [как] оно еще не определилось, не устроилось сколько-нибудь прочно. Отчасти тому причиной отсутствие заработка, приобрести который я стараюсь и надеюсь; отчасти [же—] сборы Якова на поселение, что состоится не раньше конца ноября или начала декабря, так как теперь у нас распутица, и даже почта неаккуратно ходит. Большую часть осени мы проводим в лесу — рубим и пилим дрова, запасаем топливо на зиму. Как я уже тебе писал, обо всем приходится заботиться самому, что, конечно, отнимает массу времени. Но зато эти заботы сопряжены с физическими упражнениями в разных обстановках, что очень полезно для здоровья. Особенно приятны, хотя и тяжелы, работы в лесу. Здесь осенью почти всегда стоит хорошая погода: чистое, ясное небо, довольно теплый воздух днем, а кругом бесконечная тайга (лес). В этом не мало поэзии. Но приходится целый день до сумерек быть на сухоядении, при очень интенсивном труде, что сильно утомляет. — До-

¹⁾ Слободской.

машинная обстановка, сравнительно, довольно удобная: в одной комнате — Софья, в другой, большой с диваном, — мы с Яковом. Обедаем в общей нашей столовой, где сами по очереди дежури́м и готовим, отчасти из отпускающихся нам казенных продуктов, отчасти — из собственных покупок. Чаепития, как всегда, занимают много времени. Любовь к маленькому домашнему комфорту и удобствам, после многих лет заключения в тюрьме, во мне теперь еще бо́льшая, чем бывало на воле, но пока, за отсутствием средств, не успел еще ничем обзавестись. Как бы то ни было, но чувствую себя пока хорошо и, конечно, буду стараться не без пользы проводить время на воле. У меня еще нет никаких планов занятий: читаю, да и то немного, — лишь газеты и журналы. На этом закончу письмо. Когда получу от тебя ответ на предыдущее и это письма, надеюсь, наберется материал для нового письма [тебе]... Смотри же, не скупись на письма. (Пиши погуще, не так разгонисто.) Обнимаю всех близких, особенно Жоржа, Павла и Розу, будьте все здоровы.

Ваш Лев.

Передай прилагаемое письмецо Галине [Чернявской-Бохановской].

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Карийск, 1 (13) ноября 1890 г.

Дорогая моя сестра! Недели две тому назад получил твое письмо, но до сих пор никак не мог ответить: мы с раннего утра до вечера занимались рубкой и пилкой дров в лесу. Работа эта довольно тяжелая, к тому же приходилось ежедневно делать 5—6 верст туда и столько же обратно, по скверной, изрытой буграми дороге. Домой приходишь до того уставшим, что ничего не хочешь и не можешь делать. Пока мы закончили заготовку дров в лесу, — напилили и сложили в кучи сажень 150—200. Не знаю, хватит ли на весь год, так как впервые приходится запастись на 25 топков. Теперь предстоит возка их домой, пилка и рубка на месте, что продлится несколько недель. Кроме этой работы, еще приходится возить сено верст за восемь — десять для наших рабочих лошадей (тройки), привозить с речки

кадку воды, раз в две недели для кухни, дежурить по кухне понеделно раз в 7—8 недель. Если к этим обще-хозяйственным работам присоединить наши личные, домашние — топку печей, ставление самоваров и пр., то поймешь, что все время почти, особенно зимою, будет занято физическим трудом, так что о «душе» некогда и подумать. Вот уж скоро два месяца, как я вышел из тюрьмы, а до сих пор не только не прочитал ни одной интересующей меня книги, но даже журналов и газет почти не читал; впрочем, от других знаю, что в них нет ничего интересного. Такой образ жизни, хотя и полезный в физическом отношении, меня не только не привлекает, но даже угнетает: не видишь смысла и цели в вечных хлопотах и заботах о заготовке пищи и тепла, что отнимает значительную часть твоего времени. А между тем, не имея стороннего заработка, нельзя освободиться от этих работ. Зарботка же, как я писал тебе, здесь почти нельзя найти, хотя я еще не теряю надежды. Но довольно о себе и своей жизни. В своем последнем письме ты сообщаешь о выходе 2-го № вашего сборника ¹⁾ и о своей статье по поводу либерального народничества. Меня несказанно радует, что ты, повидимому, стала заправским литератором и у тебя является тема за темою. С каким бы я наслаждением прочитал твои произведения, дорогая сестра! Я заранее уверен, что в общем они мне очень понравились бы: тон и манера писания у тебя крайне симпатичная, — простота и задушевность, затрагивающие, заставляющие почувствовать что-то теплое, скорбящее о других. Я сказал «в общем», потому что с отдельными мыслями я, б[ыть] м[ожет], и не согласился бы. Вот, напр., в последнем письме ты, сравнительно, подробно касаешься часто затрагиваемого журналами вопроса о «безнравственности» деревенской молодежи, побывавшей в городе. По этому поводу ты приводишь рассуждения Гегеля об афинянах, казнивших Сократа, и находишь вполне подходящим эти рассуждения к данному вопросу. Мне кажется, что ты или ошибаешься, или в письме не вполне определено и ясно выражаешься. Ты говоришь, что «Сократ проповедывал ту же бытовую нравственность, какая была у

¹⁾ [«Социал-Демократ»].

греков, но очищенную, проведенную через «сознание» и далее, что «для деревенской молодежи роль Сократа играют просто другие нравы, условия, которые они видели в городе». По-моему, параллель эта не вполне удачна и верна. Сократ, если верно, что он проповедывал ту же бытовую мораль, какая вообще была у греков, а не высшую, — являлся носителем, как ты выражаешься, «выясненной, проведенной через сознание нравственности». Но этой роли «очищения» и «выяснения» не играет вовсе город для являющейся туда деревенской молодежи на первых порах. Припомни, что выносят они оттуда: фабричные песни, любовь к щегольству и кутежу, «деликатное» обращение с женским полом и т. п. Вот против этого влияния и восстают либеральные народники. Но можно ли сказать, что в усвоении этой никому не нужной «нравственности» город играет прогрессивную роль для деревенской молодежи, что усваиваемые ею трактирные замашки, взгляды и жаргон являются лишь «очищенной, проведенной через сознание, бытовой нравственностью»? По-моему, нет. Я вполне согласен, что деревенская мораль «тверда лишь пока люди придерживаются ее, не думая», не приходя в столкновение с внешним миром. Но не могу из-за этого считать высшей или более мне симпатичной трактирную мораль, усваиваемую деревенской молодежью в городах. Ты, конечно, знаешь, что «условия», «нравы» города не однообразны, каковы, наоборот, деревенские: город, как все признают, представляет соединение крайних противоположностей и противоречий. Далек не все в городе является отпадным и прогрессивным, как и вообще в цивилизации, но, само собой разумеется, что я вовсе не против того или другого. По-моему, нельзя только считать чем-то высшим, «очищенным», «проведенным через сознание» то, что неизбежно приобретает и не может не приобрести деревенский парень, являясь в город. Здесь он заводит знакомство с трактирными завсегдатаями, с Lumpenproletariat'ом, и я не думаю, чтобы эти «условия», эти новые «нравы» очищали его бытовую мораль. Я согласен, что этот шаг, этот путь пока неизбежен, как неизбежно также, что дикарь, при столкновении с «цивилизацией», первым делом усваивает привычку к спиртным напиткам, ко всевозможного рода «добродетелям» и страстям. Но неужели эти новые для него

«условия» и «нравы» являются лишь «выясненной, проведенной через сознание его же бытовой нравственностью»? Как дикарь, приходя в столкновение с носителями «цивилизации», на первых порах усваивает только худшие ее атрибуты, так и деревенская молодежь, побывавшая в городах. Поэтому правы сетующие на развращающее влияние «цивилизации» по отношению к дикарям и города—по отношению к деревенской молодежи. Но они правы, лишь поскольку рассуждают о *данном моменте*, о данной среде дикарей или деревенской молодежи. Пройдут годы, поколения погибнут, развратятся сотни и тысячи, а затем, «как и на Западе», выработается действительно «высшая, выясненная мораль». Но при чем тут Сократ? Он так или иначе проповедывал «очищенную» мораль, а для деревенской молодежи все же город является источником сифилиса, легких нравов, трактирных замашек. Защищать так, как ты это пытаешься делать, город от нападков, мне кажется неудобным: это значит во что бы то ни стало обелить черное, не видеть пятен на солнце, пускаться в софистику. Город, даже и при всех его темных сторонах, имеет много преимуществ перед деревней, а потому совершенно излишне отрицать печальные, но неизбежные его атрибуты. Но довольно, уже 12-й час, а я привык рано ложиться, так как рано встаю, обыкновенно в 6—7 часов. В одном из предыдущих писем ты обещала мне выслать книгу Бентама¹⁾, но я до сих пор все ее не получаю, я же писал тебе, чтобы ты все присылала прямо мне, на адрес: Карийск, г-ну помощ. начальн. Акагуевск. тюрьмы. Яков²⁾ до сих пор еще здесь. Он все оттягивал свой уход на поселение то вследствие болезни (у него сильнейшие бывают мигрени), то — в ожидании моего выхода в вольную команду. Теперь он, наконец, собирается уйти с 1-й партией, отправляющейся по зимнему пути. Он тебе скоро сам напишет. От Мани³⁾ я опять около года не имею известий. Зато славная твоя Сашенька⁴⁾

¹⁾ В этой книге я ожидал найти написанное ею химическими чернилами подробное письмо.

²⁾ Яков Васильевич Стефанович находился в вольной команде в ожидании ухода по зимнему пути на поселение.

³⁾ Моя сестра.

⁴⁾ Александра Ивановна Успенская.

не забывает меня: время от времени пишет и посылает то деньги, то вещи. Большое ей за то спасибо, особенно за последнее. Кстати о вещах, если у тебя будут деньги, то купи и пришли с оказией в Рос. для пересылки мне часы, а то без них, как без очков близорукому. Здесь же купить, во-первых, не на что, во-вторых — часы стоят втрое дороже, чем в России, не говоря уже о Швейцарии. Можешь, пожалуйста, даже занять у кого для этого или взять у Павида в долг (Иван знает его) и прислать: я со временем выплачу. Вообще, ты бы недурно сделала, воспользовавшись оказией для присылки вещей Сашеньке или Мане, с тем, чтобы они присылали сюда; здесь все страшно дорого и скверно, а у нас денег — чорт ма. Яков и другие близкие целуют тебя. Обнимаю тебя крепко, крепко, милая сестра.

Твой Лез.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Карииск, 19 января 1891 г.

Наконец-то, дорогая, с последней почтой получил я, спустя 4 с чем-то месяца, твой ответ на первое мое письмо из вольной команды, которого я ждал с большим нетерпением. Признаться, оно далеко не удовлетворило меня: я мечтал, что ты в команду напишешь мне более обстоятельное, подробное письмо о себе и близких. Ведь я, в сущности, за все эти 6 с лишком лет разлуки с тобою не получил от тебя ни одного обстоятельного письма: то нельзя было, то — письма пропадали. Я надеялся, что теперь, узнав об изменившихся условиях моей жизни, о том, что нам разрешена переписка, ты начнешь писать подробнее, так как вполне понимаю, что трудно было прежде поддерживать переписку, когда она была односторонней, когда в ответ на свои письма ты получала лаконические сообщения: «здоров, получил твое письмо» и т. п. Но, видно, у тебя хроническая или органическая неохота писать обстоятельно. Ну, и бог с тобою. — Ты ошибаешься, думая, что зимой в вольной команде немногим лучше, чем в тюрьме. Я до выхода сюда был такого же мнения. Но теперь, на личном опыте, убедился, что это неверно. Несмотря на массу неудобств, хлопот и мелких забот, которых в тюрьме не было, все же здесь значительно лучше. Одно то, что можешь в квартирном

отношении устроиться более или менее по собственному вкусу и желанию, стоит всех хлопот и забот. А затем возможность куда хочешь пойти погулять, покататься на санях, что я ужасно люблю, достать нужную тебе вещь и пр. и пр. также услаждает жизнь. На-днях (15 числа) я перебрался на отдельную квартиру. Живу теперь один в совершенно изолированном домике-кухоньке, при которой имеются чуланчик и сенцы. Избушка эта казенная, и платить мне за нее не придется, что, при моем безденежьи, немаловажно. Расположена она великолепно — окнами на юг, что, несмотря на здешние жестокие и продолжительные зимние месяцы, имеет большое значение: днем окна оттаивают; избушка моя у подножья небольшой горки (сопки, как здесь называется), рядом с здешним кладбищем. Надеюсь, что здешние мертвецы не имеют привычки навещать своих живых соседей, а то близость кладбища нельзя будет считать одним из ее удобств расположения моей избушки. Зато летом вид со всех сторон великолепный, — все сопки покрыты, хотя и жалким, но все же лесом. Внутренностью хатки я также доволен: уютна, чиста, не холодна. Словом, пока я доволен. Главное — я сам себе господин и хозяин, — когда хочу и что хочу могу теперь делать у себя. Правда, никаких особенных наклонностей и стремлений у меня нет; все же после многих лет совместной жизни в тюрьме, когда из-за мелочей, бывало, раздражался, приятно теперь сознавать, что могу у себя устроиться по своему вкусу, не буду всегда на людях и пр. Ты ведь знаешь, что я всегда любил отдельную квартиру; теперь эта склонность еще сильнее. И ради этого я охотно мирюсь с большим количеством мелких забот и хлопот (по части топки печи, носки воды, ставления самовара и пр.), чем это было бы, если бы жил с кем-нибудь из товарищей. Ты по себе можешь представить, как мне теперь приятно бывает, когда остаюсь по вечерам большею частью один за книгой, при лампочке со стоящей рядом чашкой чаю. Но, довольно об своей «обстановочке», как острят в таких случаях товарищи, а то я, пожалуй, и надоем тебе. — Одновременно с твоим получил также письмо от Сашеньки (с 50 рубл.), а также карточку Вити ¹⁾.

¹⁾ Сын А. И. Успенской, умер в 1919 г.

Какой, если бы ты видела, он уже большой и красивый юноша. Очень симпатичен он на карточке. Сашенька хвалит его и как человека. По ее письму оказывается, что и Никифоровы ¹⁾ живут там же, в Твери. Ты напрасно не поехала в Италию, раз деньги уже были собраны: все равно они расплзутся, а, меж тем, спустя некоторое время снова, вероятно, расхвораешься. Лучше бы ты полечилась, развлеклась бы, поживши в нравившейся тебе Италии. Напрасно ты также собираешься выслать мне часть собранных для тебя денег: мне они «без надобности», в сущности. Если мне что нужно, так кое-что из вещей, которых здесь достать затруднительно или чересчур дорого, напр., часы, о чем я уже писал тебе. Да и то могу обойтись без них. Я очень рад, что ты начала столоваться у хозяйки и так[им] обр[азом] регулярно питаешься. Но надолго ли это? Вероятно, скоро начнешь ты опять, по старому, жить одним кофе. Ты совсем не упоминаешь в последнее время о Жорже и о его семье. Как идут его занятия, что он пишет, чем занимается? Что поделяет Роза и дети? Каковы материальные их условия и пр.? Непременно напиши обо всем этом. Вероятно, скоро уже ты получишь от Дм[итра] «Юр[идический] В[естник]» ²⁾, там есть много интересных статей. От тебя я давно уже не получал никаких книг. Впрочем, как я уже писал тебе, здесь не больно много читается: еле-еле новые журналы и газеты, в которых, к слову сказать, ужасная пустота. Ты расхваливаешь главный орган геноссов ³⁾. И мне было бы очень интересно читать его, но, конечно, сюда его не пропустят. Если бы не твоя органическая нелюбовь к писанию больших писем, я просил бы, время от времени, излагать, или переводить небольшие интересные выдержки. Но на тебя мало надежды. Польские газеты расхваливают недавно выпущенную книгу некоего Барта «Die Geschichte der Philosophie von Hegel bis Marx». Не слыхала ли ты что об этой

¹⁾ Лев Павл. Никифоров привлекался по Нечаевскому делу, был женат на сестре Веры Ивановны — Екатерине; впоследствии стал ярым толстовцем, в Москве приобрел значительную известность. Умер в Москве.

²⁾ Намек на то, что в этой книге, которую «Дмитро», т.-е. Стефанович, должен был переслать за границу, с пути его на поселение, много написано мною химией.

³⁾ Т.-е. центр. орган германской соц.-демократ. партии.

книжке? Вообще ты бы хоть упоминала о наиболее выдающихся вновь вышедших сочинениях, — может, я когда собрался бы их выписать. Ужасно досадно, что нельзя мне следить за рабочим движением, за деятельностью геноссов! Ну, да что поделаешь. О своих делах, о заведении Рольника ты также вовсе не упоминаешь. Ты лишь вскользь упомянула о выходе № 3 «Сборника». Ты бы хоть перечислила содержание каждой книжки. — Надеюсь со временем устроиться так, чтобы можно было побольше читать, пока же много времени отнимают хозяйственные и общие работы. Вот, напр., завтра мне предстоит возить сено. Это довольно утомительная работа: приходится встать часа в 4 утра, запрягать лошадей. При здешних жестоких морозах это и днем не легко, а ночью одно мученье; затем накладка сена, завязывание возов и беготня от воза к возу на 15-верстном обратном пути, когда лошади то отстают, то сворачивают на бок воз, — далеко не приятная вещь. А там через день в лес верст ва 6 по дрова, пила и колка их дома. Так почти еженедельно дня 2 уходит на эти общие работы. Ну, да, впрочем, скоро весна, а с ней освобождение от хозяйственных забот и хлопот. — Однако пора и кончать письмо. Пиши же, дорогая, побольше. Крепко целую тебя и всех близких.

Любящий тебя брат *Лев*.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Из вольн. ком.

25 февраля (2 марта) 1891 г. Карийск.

Недели две тому назад получил твое письмо, дорогая сестра, в котором ты поздравляешь с новым годом и подробно объясняешь, вернее оправдываешься, почему не пишешь мне больших, обстоятельных писем. Вот эти-то оправдания твои были отчасти причиной, что я не скоро собрался тебе ответить. Мне грустно и досадно становилось на себя, зачем я все эти годы приставал к тебе с просьбами о присылке обстоятельного письма, зачем я обвинял тебя в небрежном отношении к моим просьбам, когда, как теперь оказывается, твое болезненное состояние всему причиной. Но, вместе с тем, в твоих оправдательных аргументах есть

фразы, которые вызывают некоторые другие чувства, иные соображения. Я не буду на них останавливаться, не буду «копаться». Ты спрашиваешь, понятно ли (мне), что при таких условиях (каковы твои) может быть в самом деле трудно написать большое письмо? Конечно, мне это понятно, но... не буду останавливаться на этом, не то много пришлось бы сказать, быть может, невпопад.

Напрасно только, приведши подробное объяснение, «оправдание», ты заявляешь что «в глубине души все-таки чувствуешь себя виноватой». Я более был бы доволен, если бы ты заявляла, что не чувствуешь себя виноватой, что по тем же причинам и впредь не будешь писать обстоятельных писем. Тогда для меня было бы определено, и я примирился бы с мыслью, что «грустно, но что же делать»? Ну, да оставим это. — Далее, в твоём письме довольно обстоятельная полемика не со мной, хотя и по поводу моего письма, а с русскими самобытниками. Я высказал, что «отсутствие соответствующих фактических условий» мешает созданию у нас умственного течения новогегелианского характера. Ты же по поводу этой фразы приводишь воззрения Гейнцена, возмущавшегося «списыванием всего у Франции и Англии» и доказывавшего, что «в Германии совсем другие условия». Воззрения Гейнценов, или, как ты их называешь, германских Павиных ¹⁾ 40-х лет, мне отчасти известны, с того времени, как, помнишь, я изучал историю движений среди германской молодежи. Другой твой аргумент в опровержение моей мнимой самобытности, — ссылка на русские журналы — «Р. М.» и «Северный Вестник», в которых можно почерпнуть доказательства быстрого разложения деревни, — также не по адресу и также мне известен. Ты, очевидно, совсем не поняла моей мысли, хотя, кажется, я очень ясно изложил ее. Я писал и теперь того же мнения, что ты «преувеличиваешь значение новогегелианской ²⁾ литературы и что умственное течение ей создать не удастся». Так как, кроме многого прочего, у нас нет для этого соответствующих фактических условий. В ответ на это ты спрашиваешь:

¹⁾ Так на нашем условном языке мы ради конспирации называли народовольцев.

²⁾ Под этим словом я подразумевал марксистскую литературу и, конечно, оказался плохим пророком.

«А каковы были фактические условия Германии 40 лет тому назад?» Насколько мне известно, и там 40 лет тому назад не удалось создать «сильного умственного течения новогегелианского характера, несмотря на то, что проповедниками его являлись такие лица, как Маркс, Энгельс и др.; и там литература, издававшаяся за границей (напр., «Deutsch-französische Jahrbücher») интересовала ограниченный кружок читателей, влачила жалкое существование, прекращалась с выходом двух-трех книжек и пр. Лишь лет 20 спустя, после изменения «фактических условий» и появления такой гениальной личности, как Лассаль, который, несомненно, отчасти подготовил почву, начинают в конце 60-х г.г. приобретать успех новогегелианские идеи. Мне кажется, что твоя ссылка на Германию 40-х годов говорит именно за меня. Ты, сама того не подозревая, косвенным образом подтверждаешь мой скептицизм по поводу значения новогегелианского направления, сообщая, что весной, с выходом 4-й кн. «Сборника», остановится или даже прекратится его существование. По этому случаю я, в свою очередь, могу тоже задать вопрос: как ты думаешь, если бы это направление имело очень большое значение в данное время в жизни читателей (как можно заключить из твоих сообщений, что «эти произведения поднимают целую бурю споров, заставляют думать и пр.»), — неужели оно влачило бы жалкое существование и прекратилось бы с выходом 4—5 кн.? Мне припомнились слова Герцена, что если данное издание не окупается, значит оно не имеет почвы. Я вовсе не сомневаюсь, что новогегелианское направление заставляет думать, спорить, проверять свои взгляды, но я уверен, что — только крайне ограниченный круг читателей и что «бурные споры» не более, как буря в стакане воды. Из всего того, что я высказываю, вовсе не следует, что я отрицаю всякое значение за новогегелианским направлением, что я против него, а за «самобытность», и что я сомневаюсь в возможности наступления «фактических условий», при которых только это направление действительно имело бы широкое значение. Нет, я только против твоих преувеличений, против чрезмерного оптимизма, который, признаться, мне странно видеть у тебя. От всей души желаю, чтобы мой скептицизм был блистательно опровергнут и чтобы, наоборот, оправда-

лись твои радужные надежды. Поживем, и если не увидим, то, быть может, услышим. Меня, как знаешь, очень интересует все, касающееся нашей семьи, а, между тем, ты почти ничего не сообщаешь о ней. Ты, напр., ничего не упоминаешь о Жорже, — как его здоровье, болеет ли он еще временами. Теперь, с открытием Коха, быть может, ему и тебе совсем удастся вылечиться? Судя по твоим сообщениям, ты исполняешь непосильную работу, чересчур утомляешься, крайне напрягаешь свои нервы. Это сообщение, между прочим, показывает, что вы бедны литературными силами, что предприятие ваше держится на 2—3 лицах, семья ¹⁾ не увеличивается, что, в свою очередь, подтверждает мой скептицизм. — Сегодня как раз минуло 7 лет со времени моего ареста, и грустно слышать, что с тех пор вы все в том же числе... Спасибо большое за высылаемую немецкую газету «Frankfurter Zeitung». В ней много интересного; сравнительно с нашими русскими газетами, много сведений о геноссах, заграничных делах, парламентской жизни. Я просматриваю их довольно аккуратно. Второй экз. Бентама ²⁾, кроме посланного Зунду, о высылке которого мне ты сообщаешь, я до сих пор не получил и, повидимому, не получу, что очень печально. Решительно не везет мне с книгами! О себе, о своей жизни на этот раз нечего почти сообщать. В общем живется недурно, хотя довольно пусто, бессодержательно. К тому же с отъездом Якова чувствую одиночество: хотя и много товарищей, но нет очень близких. Я уже сообщал тебе, что живу в отдельном домике-избе и хотя в ней нет удобств и комфорта заграничных квартир, но я чувствую себя в ней словно в великолепно мебелированном помещении. Я уверен, что тебе очень понравилась бы моя кухонька, да и вообще здешняя жизнь. По временам, но редко, чувствуешь какое-то жизнерадостное настроение, какого, пожалуй, до пребывания в тюрьме не приходилось испытывать. Тогда

¹⁾ Т.-е. число членов группы «Освоб. Труда».

²⁾ В нем должно было иметься химическими чернилами написанное большое письмо, но вследствие того, что ради конспирации эта книга была адресована Верой Ивановной на имя Зунделевича, ушедшего в это время с Кары в Акатуй, вышло затруднение в его получении мною.

пробуждаются те стремления к деловитости, к предприимчивости, которые, помнишь, особенно пробудились [у меня] перед арестом. К сожалению, при здешних условиях, сколько я ни ломаю головы, ничего не могу придумать, не за что ухватиться. Ты находишь, что я (судя по карточке) или не похож, или сильно изменился. И то и другое. Говорят, черты лица верны на ней, но выражение иное. К тому же я и изменился очень, — постарел, оброс сильно волосами и вообще подурнел, так что теперь ваша сестра решительно не имеет склонности плакать на [моем] плече, как ты выражалась. Ну, пора и покончить. Не напрягайся, не заставляй себя насильно писать большие письма мне, раз не пишется или обстоятельства не благоприятствуют, — лучше не пиши. Всем близким мои наилучшие пожелания и приветствия. Кто из старых знакомых жив или умер, уехал куда? и пр.? Ну, крепко тебя целую,

твой брат.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

(из вольной команды, конспиративное)

1891 г. Карийск.

Дорогая сестра! В последнем письме ты сообщаешь, что усердно работаешь в заведении Рольника и что эта работа не отражается вредно на твоём здоровье. Я, признаться, мало этому верю: не может быть, чтобы эта работа не отражалась вредно, и меня вовсе не радует, что ты доказала скептикам, сомневавшимся в возможности исполнить начатое, что твоим единоличным трудом совершена задуманная работа. Что толку в том, что появится еще одна работа, могущая, при наилучших условиях, принести некоторую пользу нескольким лицам, когда, вместе с этой незначительной пользой, ты окончательно подорвешь свое и без того плохое здоровье? Впрочем, мои доводы и соображения тебе заранее известны, к тому же запоздали, так как ты теперь, конечно, уже покончила с этой работой. Обрадовало меня твое сообщение (в этом же письме) о том, что Жорж сотрудничает в «Neue Zeit»: это было одним из наиболее горячих моих желаний, о чем, помнится, я давно тебе

писал. Жаль, ужасно жаль, что я не могу прочитать его статьи о «Гегеле», но надеюсь со временем их прочесть, конечно, при вашем старании¹⁾. Я много раз писал и просил тебя и Павла, чтобы вы, пользуясь оказией от вас, переслали Мане для меня коллекцию интересующих меня, между прочим, иностранных произведений, — неужели это так трудно сделать? Мне решительно не верится, — просто вы забываете или пропускаете okazji. Понимаю, что вам часто не до того, чтобы заботиться об исполнении моих просьб, но войдите и в мое положение: ведь мне не к кому, кроме вас, обратиться с просьбами о присылках интересующих меня книг, ведь только об этом прошу я вас! Раньше я просил тебя еще о присылке франц[узских] романов, о писании больших писем, но вот уже более года, как я, на основании твоих ответов, убедился в тщетности этих просьб и примирился с невозможным. Остается еще одна единственная просьба — присылать интересующие меня иностранные произведения левых гегелианцев, и это, мне кажется, вполне выполнимо, при некотором старании.

Я не буду описывать, какое громадное значение могут иметь такие произведения для меня (и некоторых других), при условиях нашей жизни, какой интерес возбуждают малейшие сообщения, заметки о вопросах из этой области, попадающиеся в нашей прессе. То, что вам кажется избыточным, давно известным, а, следовательно, мало или вовсе неинтересным, здесь читается, комментируется и дебатруется на все лады, конечно, не всеми — многие потеряли всякий интерес к теоретич[еским] вопросам, да и к практической постановке вопроса на Западе. Но я без малейшего самохвальства могу сказать, что не чувствую никакого изменения ни в моих отношениях к теоретич[еским] вопросам лево-гегелианской философии ни в моем практическом настроении, если можно так выразиться. Нельзя сказать, чтобы я за все эти годы не изменился в этих отношениях. Но мне кажется, что произошедшая во мне перемена — в лучшую сторону, в сторону большего понимания, зрелости, опытности. Я не чувствую себя несколько надломленным, разочарованным, пессимистически настроенным, что

¹⁾ Т.е., если они позаботятся о конспиративной ее пересылке.

так распространено в последнее время. Между тем как многие ничего не ждут для себя впереди, ударяются в мелочи повседневной жизни, заводятся своим домком, — мне, как помнишь, в последние годы при тебе, хочется практического дела, совмещающего возможность и теоретических занятий. Невозможность осуществить это желание повергает меня иногда в тоску, от которой я подчас не нахожу себе места. Часто мне кажется при таких настроениях, что звезда моя закатилась, что скрытые и чувствуемые мною внутри себя способности так и не найдут сферы для их проявления, так и останутся в неразвившемся, зачаточном состоянии. Иногда же, наоборот, я как бы явственно ощущаю, что проживу еще много-много лет, что дождусь так лучшего периода и осуществлю затаенные мечты. Последнее, т.-е. бодрое настроение, конечно, объясняется в значительной мере, кроме некоторого теоретического развития и понимания, физическим моим состоянием, здоровьем и крепостью. Раньше, живя на воле, я не обращал на это внимания, не придавал значения здоровью. Теперь, благодаря годам, проведенным в здешних условиях, где очень часто нужна физическая сила, я оценил эту сторону своего организма. Правда, я к физическому труду не имею ни малейшей склонности; я и не способен к нему, а лишь к некоторым родам интеллектуально-практическим. Но я не склонен ни к каким болезням, очень вынослив и довольно силен, — в этом отношении могу благодарить судьбу...

Вчера не докончил этого письма, сегодня днем был на похоронах сестры Ивана Николаевича ¹⁾, которая умерла от чахотки. Муж ее — ты его, вероятно, помнишь: он приезжал вместе с Иван. Никол. — проживал здесь около года, но застал ее уже неизлечимо больной. Теперь он вместе с сыном, 11-летним мальчиком, возвращается домой. В последнем отношении я ему очень завидую: страшно надоела мне здешняя страна, и я охотно уехал бы отсюда. К сожалению, не вижу конца моему пребыванию здесь. Правда, при благоприятных условиях, о которых я писал тебе в одном из предыдущих писем, я могу вскоре очутиться вместе с

¹⁾ Софья Богомолец, сестра Ив. Ник. Присецкого, судилась по д. Южно-рус. рабочего Союза (Шедрина, Ковальской и др.).

Дмитром, но ты знаешь, что там хуже, чем у нас, почти во всех отношениях. Унывать, конечно, нечего. Но грустно, что «годы уходят, все лучшие годы...». Впрочем, в общем, беря относительно, мне грешно жаловаться на свою судьбу и положение: во-первых, могло быть и гораздо хуже, во-вторых, сравнительно со многими, живущими со мной, мои условия куда лучше и в материальном, и в интеллектуальном, и пр[очих] отношен[иях]. Живу я, как товарищи остряты, «Kleinbürger'ом» [мелким буржуем] или «эпикурейцем», имею относительно сносную обстановку, небольшой заработок (в 15 р.), могу заниматься и пр. Но неудовлетворенность тем сильнее во мне сказывается, чем легче мне удастся улаживать мелочные улучшения в моей обстановке. Я охотно согласился бы жить полнейшим ригористом и иметь целиком поглощающее меня дело, чем при благоприятной обстановке прзябать, жить из-дня в день, без общей цели. Но я начинаю вдаваться в изображение своего «я», — довольно о себе. Пиши, ответь мне подробно на это письмо... Ты меня не балуешь большими письмами. Ну, исполни же мою просьбу об иностранных книгах и напиши о себе поподробнее. От Сапёньки давно-давно не имею никаких известий; часов также не получал, но недавно, после 1½ лет молчания, Маня, наконец, разрешилась письмом, в котором свое продолжительное молчание объясняет массой занятий и просит быть к ней снисходительным. От Дм[итра] также получил огромное письмо, чрезвычайно интересное и обстоятельное. Если переписываешься с ним, передай ему за это письмо большущее спасибо. Напрасно не сообщай мне своего непосредственного адреса. Целую крепко тебя и всех близких. Хоть в нескольких словах сообщай мне постоянно о них что-нибудь.

Твой Лев.

Передай Павлу мою настоятельную просьбу, чтобы он снова высылал Frankf. Zeitung по следующему адресу: Давиду Ивановичу Чхотуа, город и губерния те же, что и прежде, без всяких передач. Он может (или ты) выслать и другую или отдельные наиболее интересные №№ и других газет.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

(из вольной команды)

Карийск, 22 июня (3 июля) 1891 г.

Хорошая сестра моя! Наконец-то я получил от тебя, после 4-х месяцев, сразу два письма. Я уже отчаивался, получу ли когда от тебя что-нибудь; уже строил всевозможные тревожные предположения... И вдруг, получаю твои письма (от апреля мес.), к тому же такие хорошие, интересные и сравнительно большие. Я сам отчасти виноват перед тобою, — я также все эти 4 месяца не писал тебе, и ты, поди, теперь беспокоишься за меня. Но вина моя смягчается многими «независящими» обстоятельствами. Во-первых, я с недели на неделю ждал, что вот получу от тебя письмо и тебе ответу; а во-вторых, — и это главное — неопределенность нашего положения. Дело в том, что, как ты, конечно, читала в газетах, по поводу путешествия наследника по Сибири издан манифест, по которому все осужденные и находящиеся в Сибири получают сравнительно большие скидки со сроков. В какой мере и когда к нам применят этот манифест, нам еще не объявляли. Но, судя по тому, что, как ты знаешь, нас почти во всем сравнили с уголовными, можно думать, что и нам сделают те же скидки со сроков, какие им сделают. Тогда я могу выйти на поселение через год. Но не подумай, дорогая, что эта перспектива особенно меня радует. Если пошлют в Якутку, куда всех наших ссылают, то, пожалуй, во многих отношениях будет хуже, чем здесь. Как ни как, здесь все же живешь среди людей, можешь сравнительно скоро (через 1 — 1½ мес.) узнавать о близких и о том, что делается на белом свете, можешь найти себе даже заработок и не испытывать нужды не только в предметах первой необходимости, но даже в некоторых предметах комфорта. Там, в Якутске, как знаешь, часто нуждаются в хлебе, которого негде достать, не говоря уже о чае, табаке и т. п., но было бы неправдой, если бы я сказал, что буду огорчен или даже равнодушен, ввиду предстоящего ухода на поселение. Якутка, конечно, скверная перспектива, но це

век же меня там будут держать, — может, со временем, переведут в лучшее место, припишут в «крестьяне», дадут право раз'ездов. Словом, с уходом на поселение открываются «перспективы», — можешь льстить себя надеждой «в более или менее отдаленном будущем» возвратиться в «первобытное состояние», если еще и еще будут манифесты.

Вот, пока не выяснилось наше положение, пока не узнаешь, уйдешь ли на поселение и когда, — чувствуешь себя не по себе и ни за что определенное не можешь взяться, даже и за писание письма. Такое состояние длится у нас уже около двух месяцев, и мы не знаем, сколь долго оно еще продлится. Ты, я уверен, поймешь это состояние и не строго меня осудишь, зачем долго не писал тебе. Теперь к твоим письмам. — В одном из них ты описываешь, очень мило, свою матоидальность и, начитавшись остолопа Ломброзо ¹⁾, готова, кажется, поверить, что и в самом деле ты — матоид. Насколько я себе по письмам представляю твое положение и состояние, в нем нет ничего странного и ненормального, — конечно, с нашей, а не ломбровозской точки зрения. «Забвение о своем существовании» — неизбежное состояние у каждого, кто сильно увлекается каким-нибудь приятным ему занятием, которое он сам себе выбрал или случайно на него наткнулся и почувствовал, что не безрезультатны его усилия. Даже при вполне удавшейся личной жизни, которой у тебя нет, мне понятен интерес к «совершенно не касающимся данного лица вещам», — не только к «Гегелю или к какому-нибудь XVIII или XVI в.в.», но даже, напр., к третичной формации, ископаемым и т. п. мертвечине. Даже когда данное лицо не видит никаких результатов от своего интереса, я вполне понимаю его состояние, тем более оно понятно, когда оно видит, что не зря занимается тем или другим предметом, что, кроме собственного выяснения, обогащения себя знаниями, оно может — и на самом деле это делает — делиться с другими. Не верю, дорогая, что ты волнуешься «совершенно бескорыстно», «ни-

¹⁾ Известный итальянский ученый, настаивавший на существовании наследственной преступности и проповедывавший аналогичный вздор. Им же, если не ошибаюсь, введен был термин «матоид» для обозначения человека, одержимого в сильной степени какой-нибудь идеей, влечением, — родственно маниакальности.

чего определенного не ищешь». Я не сомневаюсь, что ты действительно так думаешь, но на самом деле, ввиду своих литературных работ, существует неясная для тебя, не формулированная тобою связь между твоими «волнениями по поводу XVIII и XVI в.в.» и действительно занимающими тебя вопросами. Для иллюстрации приведу пример из собственной жизни. В тюрьме, прочитывая, напр., в геологии, какое влияние на колебание почвы производят крупновекские заводы или что-нибудь в этом роде, ничего, кажется, общего не имеющее ни с моей жизнью, ни с моими воззрениями, — я с таким увлечением начинал излагать и развивать данный факт, что Дмитро меня всегда в таких случаях называл «матридом». Но я себя несколько таковым не считаю, и если на несколько минут остановлюсь мыслью на связи интереса к этому факту с общими моими убеждениями, то несомненно всегда найду ее и смогу ее показать. Меня, напр., очень интересуют первобытные учреждения, и я приходил часто, как ты говоришь «в волнение», когда связывал в уме два явления, которые прежде торчали в нем порознь. Живи я, как ты, совершенно особняком, не имея я никого, кому бы мог передать свои мысли (что, впрочем, иногда случалось), я, вероятно, мог бы также, «по 2 часа проходить взад и вперед». И уж, конечно, я был бы более в праве сказать, что «ничего не ищу, волнуясь бескорыстно», так как нигде не печатаюсь и не задаюсь никакими теоретическими темами. Но, во-первых, есть много общего в нашем положении, во-вторых, тем-то и хорош марксизм, что он является путеводной нитью, как бы канвой, на которой вышиваются самые затейливые узоры. Чем бы ты ни занимался, что бы ни наблюдал, — все даст тебе материал для пополнения, расширения и дальнейшего разукрашивания узора.

Мне теперь пришла в голову мысль: а вдруг ты, прочитавши все это, скажешь: «не то, не то, — ни при чем здесь марксизм и мои литературные занятия!». Ну, тогда извини, — я, значит, тебя не понял. Но сомневаюсь: мне так ясно представляется твое «волнение», твой «бескорыстный интерес», что трудно поверить, что я ошибаюсь. Во всяком случае, я рад, что ты испытываешь описанное тобою состояние, что тебе оно нравится и что ты ему рада. Боюсь

только, как бы чрезмерное увлечение занятиями, при ненормальном твоём образе жизни, не отразились на твоём здоровье. Я часто думаю о нём, и, признаться, сильно тревожат меня такие мысли: а вдруг разболеешься, как Лиза?..

Обрадовало меня известие, что у тебя теперь «собственные, рассобственные 100 франков в месяц». Откуда ты их возьмешь? А часов я все еще не получил и много терплю из-за них, много теряю времени. Я уже жалею, зачем надумал о них писать тебе, так как тогда сам купил бы здесь или выписал бы. Не получая долго от тебя писем, уже решил выписать из Питера (магазина) и даже сдал уже письмо, когда получил твои 2, в одном из которых ты опять пишешь, что поручила Вите мне выслать, и я ездил назад свое письмо. Ты советуешь мне за всем мне нужным обращаться к Сашеньке: но, во-первых, нам запрещено переписываться не с родственниками, а я уже месяца 3—4 не получаю ни от нее, ни от Дмитра ни строчки; о нем я не знаю даже, где он теперь и что с ним? Не знаешь ли ты чего? Во-вторых, я давно написал Сашеньке, что мне нужны одеяло, простыни и некоторые другие вещи; но она вместо вещей почему-то прислала в ответ 150 р. Деньги, конечно, пошли на жизнь, а этих вещей у меня все же нет. Но ты не вздумай, чего доброго, прислать их. А вот о чем попрошу тебя. На случай, если меня вскоре отправят на поселение, особенно в Якутскую область, недурно было бы, если бы ты имела для меня наготове рублей 75, а то и 100¹⁾. Если сама не можешь их раздобыть, то обратись от моего имени к близким, помнящим меня (Ане, Павлу, Сергею). Когда их раздобудешь, — чем больше, тем, конечно, лучше, — то сообщи мне об этом; я же со временем напишу тебе, когда и куда мне их выслать. Путь отсюда в Якутку более тяжел и утомителен, чем тот, по которому нам пришлось идти из России сюда. — Ну, спешу закончить это письмо, чтобы оно ушло с ближайшей почтой. Скоро еще напишу о своем впечатлении относительно немецкого сочинения Каутского «Neue Zeit» (в 4 т.т.)²⁾, которое мне прислал

¹⁾ Я просил о присылке денег, имея в виду побег, если бы к этому представилась возможность в пути из Кары в Якутскую область.

²⁾ Ради конспирации, ввиду незнания немецкого языка нашими цензорами, я таким способом уведомлял своих друзей о получении за-

Павел. Пока скажу, что произведение о героях ¹⁾ из буржуазной среды мне и др. наиболее всего понравилось, затем о геноссах ²⁾, о Парижском конгрессе. Произведения же о Чернышевском—моим сослуживцам не особенно: слишком расплывчато, много повторений, размазывания, — таково их впечатление. Павлу передай, чтобы он не присылал более Frankf. Zeitung, так как нам запрещено получать газеты и журналы. Но пусть придет следующие томы «Сборника». Самый сердечный привет и наилучшие пожелания Жоржу, Павлу, Лизе, Ане, а тебя крепко обнимаю.

Твой Лев.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

(из вольной команды)

Сентябрь 1891 г.

Дорогая сестра, уже несколько месяцев, как не получаю от тебя писем. Последние два письма получил одновременно в июне, и я тотчас же ответил.

Начинаю уже беспокоиться, хотя в последний год, со времени моего выхода в вольную команду, такие беспокойства уже случались, и я утешаю себя мыслью, что и на этот раз твое молчание объясняется не каким-либо несчастьем, а, в сущности, незначительным обстоятельством. Последние два твои письма произвели на меня самое приятное впечатление, и мне очень грустно было бы, если бы велед за ними что-нибудь прискорбное помрачило твое состояние. Я, в свою очередь, не писал отчасти потому, что ожидал твоего письма, а главное, — вследствие всяких мелких причин: забот, хлопот, ожиданий и пр. Почта теперь отходит у нас раз в 10 дней, и вот, если почему-нибудь не удалось написать к данной отправке, то приходится ждать следующей почты, а там, смотришь, что-нибудь снова помешало; иногда приготовишь заранее письмо, а к дню отхода почты находишь его уже несоответствующим настроению, — деланным в переплетах издаваемых тогда в Женеве моими друзьями Сборников «Социал-Демократ».

¹⁾ Статья Веры Ивановны «Революционеры из буржуазной среды».

²⁾ Статья П. Б. Аксельрода о германской социал-демократии.

не отсылаешь его и не можешь собраться написать новое. В настоящее, напр., время пишу при самых несоответственных писанию условиях, о которых долго пришлось бы рассказывать, если бы пожелал тебя познакомить с ними. Ничего особенно неприятного, нехорошего нет в этих условиях, но и приятного мало. Главное в них — хозяйственные заботы, о которых ты, живущая в культурной стране, не можешь составить себе ясного представления. Теперь, с наступлением осени, приходится заняться ремонтом своего жилища: мазать, белить, конопатить, поправлять заваленку, обивать дверь, вставлять двойные рамы и пр. Но самое главное и сложное — это заготовка дров на зиму, о чем я уже писал. Вот уже 3-я неделя пошла, как мы, в количестве 12 человек, рубим, пилим, колем и складываем дрова в лесу, отстоящем от нашего поселка на расстоянии 5 — 6 верст.

Сентябрь здесь вообще довольно сухой и сравнительно еще теплый месяц, что, однако, не мешает по утрам воде замерзать, а иногда дождям промачивать нас изрядно; тем не менее, довольно сносно работать и жить при этих условиях, а главное — очень здорово. Поэзии также очень много в работе, — в рубке леса (припомни Некрасовскую Сашу: «Лес зазвенел, застонал, затрепал»). Только чересчур уж долго приходится наслаждаться этой поэзией и совершенно не прикасаться к печатному материалу, а это не особенно приятно. Правда, раз в неделю мы устраиваем себе «дневку» — отдых и возвращаемся домой, но не до чтения в такие дни: приходится исполнять всякие мелкие поручения и делишки. А подчас очень тоскливо без книги. Да, много неудобств в некультурной стране. Хотя, конечно, при средствах и здесь можно устроиться более или менее сносно. Но довольно о буднях нашей жизни. Бывают у нас и «праздники» по случаю какого-нибудь «события», напр., именин, крестин, приезда или отъезда кого-нибудь из товарищей, свадьбы и пр. Отчасти наши условия и образ жизни не благоприятствуют тому, чтобы следить за процессом, происходящим в среде европейских народов, в частности в среде геноссов. Тем не менее, из тех отрывочных сведений, которые до нас долетают, можно заключить, что особенного там ничего не происходит, что и там «будни», разно-

образящиеся незначительными торжествами. Впрочем, может быть, это лишь так издали кажется. Хотелось бы верить, что в действительности веселее, разнообразнее на Западе, чем мне представляется. Смутное у меня представление о выработанной геосомами новой программе, об интернациональном конгрессе и пр. Павел совсем замолк после того, как еще в марте прислал мне письмо и 4 нем. книги с интересными статьями, о которых я уже много раз излагал свое и других мнение. Он прежде имел похвальную привычку делиться со мной сведениями о жизни геососов. Я также гнетно жду и не дождусь, должно быть, продолжения полученных мною статей. Между прочим, в последнем письме к нему я просил его прислать мне две книжки Вейзенгринга, о котором в «Р. М.» и «Юр. В.» были интересные рецензии и отзывы как о стороннике материалистических взглядов Маркса. Прошу и тебя позаботиться о присылке этих книжек и, вообще, аналогичных, конечно, в том лишь случае, если твои материальные условия благоприятны, о чем ты упоминаешь в 2-х последних письмах. Но с тех пор прошло много времени, и многое могло измениться. Ты тогда писала, что можешь даже прислать деньги сестре Сашеньке, чтобы она исполняла мои поручения. Но я скептически отношусь к этому благому намерению, т.-е. ни у нее, ни у тебя не будет свободных для этого средств. От Дмитра решительно никаких известий с февр. месяца. Не знаю даже, где он, доехал ли он до Якутки! О применении к нам манифеста также ничего неизвестно, когда и что? — Ну, спешу закончить: сегодня возвращаюсь в лес не с особенной охотой, потому что утро было очень холодное, огни сильно замерзли. Пиши же как о себе, так и о близких. Кланяйся от меня. Шлю им всем самые теплые и сердечные пожелания...

Твой Лев.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

23 октября (5 ноября) 1891 г.

Дорогая сестра, недели три тому назад я получил твое письмо из Цюриха, и, признаюсь, оно произвело на меня самое грустное впечатление: ты сообщаешь, что приехала

отдохнуть от долгов, бед и хлопот и лишь вскользь упоминаешь о своей болезни. Последняя меня ужасно беспокоит. Чувствую, что здоровье твое совсем расстроилось, хотя ты и заявляешь, что «прокашляешь до 100 лет». К тому же и настроение у тебя скверное. Да и сообщения твои о материальных твоих условиях неутешительны: — «в заведении Рольника произошел кризис», и его уже «раз описывали». Понятно, что все эти известия произвели на меня самое удручающее впечатление, а тут, спустя несколько дней, со мной случилось несколько неприятное происшествие. В предыдущем письме я сообщил тебе, что мы заготавливали дрова в лесу на зиму себе, и вот, во время пижки один товарищ нечаянно топором задел один мой палец так, что часть сустава (кости) отскочила: пришлось подвергнуться операции, — отрезали первый сустав указательного пальца на правой руке. Более двух недель уже прошло с тех пор, теперь уже заживает, но пока еще побаливает. Особых мучений при этом не испытывал, и все обошлось благополучно. Пишу, как видишь, попрежнему. Неприятно только, что это как раз случилось теперь, в холодное время, когда масса работы по дому, — топить, возить воду, дрова и пр. Само собой разумеется, товарищи за мной ухаживали, когда я возился с пальцем и теперь освобождают меня от непосильной работы. В этом отношении нельзя пожаловаться: внимания и забот проявляли мне больше, чем следовало, так что приходилось даже отказываться от услуг, просить оставить меня в покое. Все вместе — грустные известия, происшествие с пальцем и некоторые местные условия, о которых долго было бы распространяться, повлияли неблагоприятно на мое настроение. Быть может, под влиянием его я в последнее время испытываю сильные головные боли, а может быть, они объясняются угарами от русской печки. Но, вообще, я вполне здоров, крепок и силен, по крайней мере, чувствую себя сильнее, чем был на воле; да и вообще живется недурно мне и в последнее время даже читать удается больше, благодаря тому, что вследствие пальца я освобожден от тяжелых работ (до полного заживления, конечно); таким образом, как видишь, «нет худа без добра»; и я действительно могу сказать, что проживу до 70 — 80 лет, если не случится со мною непредвиденного обстоятельства.

А в моих условиях всякая неожиданность возможна. Впрочем, с кем не может случиться неожиданности?.. Поэтому нечего и думать о ней. Другое дело — твое положение: состояние твоего здоровья да и вообще твои условия. Ужасно тяжело и грустно становится, когда представляю себе твое положение. Сознаешь, что бессилён предпринять что-нибудь, не знаешь, каково тебе в данное время: ведь так много времени проходит с момента отправки до получения письма, и чего не может случиться в этот период?.. А ты еще так редко пишешь, частенько приходится тревожиться. Два дня не писал тебе по причине большого пальца: разбередил его всякой мелкой работой. Хотя товарищи устраниают меня от работы, но очень скучно за всякой мелочью обращаться к ним или дожидаться, пока кто зайдет к, поэтому, то самовар поставишь, то печку вытопишь, то снег отгребешь кругом избы, а на пальце все это отзывается. Вот и теперь даже при писании он побаливает, хотя я не им держу перо. Но через неделю — максимум две, надеюсь, совсем пройдет всякая боль, тогда наступит тяжелая работа — возка дров за 5 — 6 верст раз в 8 — 9 дней. Нехорошо жить одному без близкого человека. Но довольно о себе. Ту статью в «Рус. М.», о которой ты упоминаешь («Новая гипотеза» и т. д.), я читал и вынес о ней такое же впечатление, какое и ты. Автор не твердо усвоил диалектический материализм и, мне кажется, главным образом потому, что он подошел к нему не с гадлежащей стороны, т.-е. не с политико-экономической, а с социологической, в чем, по-моему, ошибка также Михайловского, Липперта и других, которые, казалось, могли бы уразуметь марксизм; между тем, путаются и впадают в эклектизм. Не знаю, вполне ли ясно я тебе изложил, в чем, по-моему, причина непонимания многими Маркса. Но и некоторых твоих замечаний по поводу возражений противников я или не понимаю, или с ними не согласен. Ты возмущаешься тем, что «каждому историческому явлению прищипливают определенную какую-нибудь экономическую причину» и, как доказательство нелогичности такого взгляда, приводишь, в числе других примеров, следующий: «а какую экономическую причину видите вы в магометанстве?»... Мне кажется, что такие крупные исторические явления, как магометанство и «раз-

рушение Рима», имеют в своем основании главным образом экономические причины.

2 (14) ноября.

Как видишь, не писал тебе более недели: никак не мог, — большую часть времени проводил у одних знакомых из местных обывателей ¹⁾, где ухаживал за больным отцом семейства, утешал мать, у которой куча детей (6 душ мал-мала меньше). Скучное и пренеприятное занятие, но обстоятельства так сложились, что нельзя было отказаться. Ты не упоминаешь, чем же теперь вы заняты, раз заведение Рольника прекратило свое существование? Пишете ли вы с Жоржем что-нибудь? Неужели вы не можете пристроиться в каком-нибудь иностранном журнале? Особенно Жорж при его способностях и знаниях, — право, досадно даже, что он мало известен иностр. публике. Насчет денег, которые я просил (рубл. 75 — 100), не хлопочи особенно: будут — хорошо, нет — обойдемся. Но ни в каком случае не посылай их мне, пока сам не попрошу; то же сообщи и Сашеньке.

Постигший Россию голод отозвался и на наших финансах: полочки стали очень скудны; приходится сокращаться в расходах. Я как-то не умею жить в границах получаемого и всегда в долгах, хотя, конечно, они ничтожны — в несколько рублей. Как на вашей жизни отзывается голод, существующий в России? Ну, всего тебе и др. наилучшего. Крепко целую тебя.

Твой брат.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

(вольная команда. официальное)

16 февр. 1892 г.

Дорогая сестра! Вот уже около месяца, как получил твое письмо, а до сих пор не собрался тебе написать. Раньше со мной этого никогда не случалось: я всегда был аккуратен в переписке, всегда отвечал вскоре по по-

¹⁾ Это был уже описанный мною в очерке «Некрасов и семидесятники» мелкий золотопромышленник, П. Чистохин, двух старших мальчиков которого я обучал в течение 5 лет.

лучении письма. Никаких особых причин моего замедления в ответе, никаких происшествий не приключилось со мною, — просто неохота была взяться за перо, не мог никак собраться. И не то, чтобы я был особенно занят, тогда-то я и аккуратен, а когда тянешь ляжку, не хочется писать. Отчасти, впрочем, и ты сама виновата: ты знаешь, или, по крайней мере, можешь себе представить, как монотонно однообразна наша жизнь, как мало дает она материала для бесед, а особенно для переписки; тем не менее, думаю, я находил бы темы для писем, если бы в тебе встретил отклик. Много всяческих попыток делал я, и все они оставались безрезультатны[ми]. Признайся, что меня нельзя попрекнуть в отсутствии старания, усердия в этом отношении. Но ты, в конце концов, обезоруживаешь меня: у меня опускаются руки. Не знаю, с какой стороны подступить, о чем писать? Не знаю даже, интересуют ли тебя те темы, которых я касался. А о чем же мне писать, как не о том, что меня окружает, что меня занимает? И естественно, из году в год сообщая об одном и том же, — что при однообразных условиях моей жизни неизбежно, — я поневоле должен повторяться, следовательно, и надоесть. Не думай, дорогая, что это мнительство, укоры и т. п. Я только объясняю, почему мне теперь трудно подолгу взяться за перо, чтобы тебе написать, чего со мной никогда раньше не случалось: ведь я, припомни... (на этом месте меня прервали гости, а там пошли всякие мелочи, и я три дня не мог взяться за перо). Не буду перечитывать написанного, не буду продолжать... Судя по всему, твои материальные условия очень скверны, да иначе и быть не может: свирепствующий в России голод, наверное, отражается и на ваших условиях, так же как на наших он отразился. Но мы все же живем не хуже, чем в прошлом году. Хлеб да и вообще с'естные припасы не дороги, и у многих, кроме казенного пособия и небольших получек из дому, есть кое-какие, хотя и ничтожные, заработки; к тому же и потребности у нас не очень велики. Я лично живу даже лучше, чем часто случалось, когда был с тобой. В этом, т.-е. в материальном отношении, мне везет, как никому пока. Но, «не единым хлебом сыт будешь», я не могу похвастать, что всегда в хорошем настроении. Впрочем, об этом ты и сама можешь догадаться,

и мне нечего много расписывать о причинах полной внутренней неудовлетворенности. Достаточно, если скажу, что часто вспоминаю слова поэта: «а годы уходят, все лучшие годы». Читать, кроме журналов и газет, удается мало, отчасти потому, что особенной охоты нет, «нет цели впереди», отчасти — обстановка, условия нашей жизни мешают, а главное — настроение: тоска, тоска! Это общераспространенное ощущение, — кого ни встретишь, с кем ни поговоришь, — все на нее, злодейку, жалуются! Да оно и понятно: кто обзавелся своим очагом и поглощен весь день всякими житейскими заботами и мелочами, не имеет досуга предаваться размышлениям о своем настоящем и, вероятно, не тоскует; остальные — холостяки, а их большинство, поневоле предаются анализу, и в результате — ощущение неудовлетворенности, бесцельности и пр. Все это избито, давно известно. Теперь у нас здесь масленица, — последний день (16/28 февр.); веселья, конечно, мало в этом глухом, безлюдном месте; проедет пьяный золотоискатель или офицер, и только; среди наших и того меньше, даже и ехать кататься не удастся. А я ужасно люблю катанье в саних на хорошей лошади. Последнее, т.-е. приобретение саней и лошади — моя мечта, которая, вероятно, ею и останется, хотя при некотором старании мог бы ее осуществить даже теперь. Но есть более настоятельные потребности: не говоря уже о злополучных часах, которых у меня все же нет, и не имею пока даже одеяла и т. д., но опять-таки не потому, что невозможно мне приобрести всего этого, что нет средств, негде их достать, — достать-то я их мог бы, да отчасти мой безалаберный образ жизни мешает: деньги, как говорится, меж пальцев расползаются, и не то, чтобы я кутил или что другое в этом роде, а так, зря уходят, за то живу без больших лишений и забот.

До сих пор еще ничего неизвестно о применении к нам манифеста. Быть может, пройдет еще не один год. А я уже, признаться, предполагал, что в этом году уйду на поселение, хотя разницы большой нет, все же, может, разнообразие. Я никого из вас не забываю, часто вспоминаю, и тяжело становится, когда думаю, что больше не придется свидеться... Но, авось, когда-нибудь судьба сжалится...
Твой брат.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

22 апреля (4 мая) 1892 г. Карийск.

Дорогая сестра, недель шесть прошло, как получил твое последнее письмо, в котором ты сообщаешь, что Жорж уехал в Париж на свидание с кем-то из родственников ¹⁾ и что Павел у вас гостит. Ты возлагаешь какие-то особые надежды на эту поездку Жоржа для дел вашей семьи. Меня это, конечно, очень интересует. Но при чем здесь родственники Павлиных и Тамары? ²⁾ Все это для меня загадки. Впрочем, надеюсь, что в следующем письме они раз'яснятся. Произведения Тамары, о которых ты вскользь упоминаешь, отчасти мне известны, т.-е. некоторые ее английские статьи в «Free Russia» и роман ³⁾. Правда, что она не прогрессирует ⁴⁾, но все же, вероятно, для английской публики полезны сообщаемые ею сведения. Очень обрадовало меня твое сообщение, что Жорж печатается в «Neue Zeit» и что его Фр[идрих] Кар[лович] ⁵⁾ высоко ценит. Бесспорно, он один из самых талантливых и образованных современных лево-гегелианцев. Ты, конечно, представляешь себе, как бы я хотел сам прочитать его статьи. Напрасно ты не стараешься, тем или другим способом, прислать их или в письмах познакомить меня хоть вкратце с содержанием его статей. Я предвидел и заранее беспокоился за твое здоровье, узнав, что ты очень усиленно занимаешься работой

¹⁾ Т.-е. на совещание с некоторыми народолюбцами и др. о совместном издании журнала.

²⁾ Павлиными, как я уже сообщал, мы называли народолюбцев, а Тамарой — С. Кравчинского.

³⁾ «Свободная Россия» — ежемесячный журнал, предпринятый Кравчинским сообща с несколькими англичанами, образовавшими по его же инициативе «Об-во друзей России», для агитации против деспотического русского правительства. Под романом я имел в виду его «Андрея Кожухова», незадолго пред тем вышедшего по-английски.

⁴⁾ Под «она» надо понимать «Тамару», т.-е. Кравчинского, а говоря, что она «не прогрессирует», я, вероятно, подразумевал, что Кравчинский, несмотря на близкое знакомство с Энгельсом, все же оставался романтиком, народолюбцем, утопистом.

⁵⁾ «Фридрихом Карловичем», конечно, был Энгельс.

в заведении Рольника¹⁾; надеюсь, что наученная горьким опытом, по крайней мере, впредь не будешь производить над собою таких экспериментов. Не знаю, огорчаться ли и жалеть ли, что ты, как сообщаем, забросила давно чтение и поглощена перепиской со многими родственниками?²⁾ Если результатом этой переписки ты сама довольна, то можно, конечно, на время и расстаться с чтением. Но очень сомневаюсь, чтобы ты была довольна: при твоей нелюбви к переписке, тебя, вероятно, удручает это занятие. Переписываешься ли с Дмитрием? Что он тебе сообщает? Я от него получил за все время две книги, значит, знаю, что он жив, но у тебя, должно быть, есть подробные его письма... Недавно нам об'явили о применении к большинству из нас манифеста по случаю проезда наследника по Сибири. Я и еще человек 10 из'яты, но, повидимому, вследствие характера наших дел. В числе из'ятых из твоих знакомых также и Зунделевич и Фомин. Те, к которым не был применен манифест 1883 г. (коронационный), получили сбавку трети срока, а к которым уже тот был применен, получили скидку 1 года. Признаюсь откровенно, что я не ожидал из'ятия, но и не огорчен этим обстоятельством, так как перспектива поселения в Якутской обл. вовсе не заманчива. Правда, и там люди живут, и там есть свои относительно хорошие стороны, но я навряд ли удовлетворился бы ими. Здесь, по крайней мере, в смысле материальных, житейских удобств можно устроиться довольно сносно, а там мелкие лишения и нужда могут вогнать в отчаянную хандру. Терпеть не могу, когда приходится думать о мелочах жизни,—о том, где бы и как бы достать того или этого. И без того жизнь «такая пустая и глупая шутка», а тут еще заботься, придумывай, что и как достать и сделать! Но из этого ты не заключи, что я занят «высшими», «интеллектуальными» вопросами: и умственных интересов мало, если не сказать почти никаких. Знаю из повременных изданий, что делается на белом свете, говорю об этом с тем или другим товарищем, читаю более или менее устаревшие уже сочинения по социальным во-

¹⁾ Под «занятием в заведении Рольника», повторяю, я подразумевал работу в качестве наборщицы в типографии группы «Освобод. Труда».

²⁾ Т.-е. сношениями с членами возникшего тогда «Союза русских соц.-дем.».

просам, — но все это так, для препровождения времени, как провинциальная барышня смотрит по целым дням в окно или читает забористые романы. Цели, смысла, системы нельзя при наших условиях вкладывать в занятия, — «лишь бы день прошел — и слава богу». Но и это будет неверно, если ты подумаешь, что дни тяготят, что они кажутся очень длинными, как это бывает, хотя со мной редко, в тюрьме. Нет, дни быстро проходят здесь — то в тех, то в других занятиях, и, говоря объективно, мне грешно на что-либо жаловаться; но что поделаешь с присутствующим каждому человеку чувством неудовлетворенности? Все же «чего-то нет, кого-то жаль», а отсюда — тоска, по временам сильная. Тебе, конечно, она знакома, если не в большей, то в меньшей степени, хотя ты и живешь при иных, лучших условиях. Но я, пожалуй, нагнал на тебя грусть? Признаюсь, я временами сержусь на тебя за то, что крайне лаконично пишешь о себе, а о близких совсем почти и не упоминаешь. Но, поразмыслив, понимаю, что ты совсем или мало в этом виновата. Я стараюсь сам мысленно дополнить картину вашей жизни. Однако, еще и еще прошу тебя, пиши мне насколько возможно подробнее и обстоятельнее. Знай, что меня все интересует: и прочитанная тобой интересная статья или книга, и встреча с новым человеком, и узнанный факт, и пр. Мне все же кажется, что при твоих условиях можно без особого напряжения раз в месяц насобирать факты и сведения для интересного и обстоятельного письма.

Тогда и у меня будет больше материала и охоты писать тебе, а то часто не берусь за перо просто потому, что неохота ввиду твоей лаконичности. А ведь таким образом ослабевает связь, отвыкаешь, и чем дальше, тем труднее становится взяться за перо. Прости, если я, не желая того, неумышленно огорчил тебя чем-нибудь в этом или в предыдущем письмах. Передай Жоржу мою радость по поводу его успеха и мои ему наилучшие пожелания на литературном поприще. Неужели Павел все не может пристроиться к литературе? Ну, всего, всего вам всем наилучшего. Крепко целую всех.

Твой брат Лев.

Только что получил письмо от Дмитра.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

23 августа (5 сент.) 1892 г. Карийск.

Дорогая сестра! После двухмесячного перерыва получил твое относительно большое письмо (в два маленьких листика), от 1 июня. В конце его ты спрашиваешь, понравится ли оно мне? Да, мне понравилась твоя, как ты выражаешься, «болтовня от души». Видно, что ты не «высиживала» его и на этот раз больше сообщила о себе, о своем настроении и состоянии, чем во многих предыдущих письмах. Но вместе с этой обстоятельностью, содержание письма вызывает грусть: ты, поспрежнему, стараешься уверить меня, что болезнь у тебя неважная, что с нею можешь видимо-невидимо лет прожить. Не буду касаться того, насколько верны эти заявления, — одно то уже, что тебе, повидимому, часто приходится лежать в постели, испытывая, очевидно, сильную боль, не может не вызывать грусти. К тому же я живо представляю себе, насколько тяжело и скверно болеть, не имея поблизости сколько-нибудь близкого человека. В этом отношении даже мое положение лучше: хоть и нет у меня очень близких, все же, в случае болезни, товарищи не только не оставят одного, но, как это было, когда я в прошлом году возился с отрубленным пальцем, даже чересчур будут ухаживать, почти не оставляя наедине, так что мне приходилось даже просить их не особенно усердствовать. Все же, несмотря на такую заботливость со стороны окружающих, отсутствие близкого человека особенно сильно чувствуется именно во время болезни. К сожалению, ты вовсе не упоминаешь, есть ли кто-нибудь возле тебя, или ты обходишься лишь с помощью квартирной хозяйки?

Этим отсутствием близких во время болезни я отчасти объясняю высказываемый тобой грустный взгляд на «цель жизни» твоей. Ты пишешь, что «лично для себя ничего не ждешь», что «много ли, мало ли проживешь, разница будет лишь в количестве прочитанных интересных книг и более или менее интересной статье, тобой написанной, да еще в том, что лишний раз выручишь семью»¹⁾. По-моему,

¹⁾ Т.-е. членов группы «Освобожд. Труда»; главным образом, если не сказать исключительно, Плехановых, для которых много сделала Вера Ивановна в эти годы.

это перечисление, при высказанном тобой взгляде, что «теперь все будет лучше и лучше, все расти и расти», — может, наоборот, казаться очень заманчивым и утешительным для очень многих людей, оно способно вызывать бодрость и жажду жить. Сколь многие из среды интеллигентных людей не имеют ни такой общей уверенности относительно лучшего будущего, ни личных склонностей, возможностей и способностей к интересным книгам и к писанию «небесполезных статей». Сколь многие позавидовали бы одной только возможности достать интересующие их книги. Только при большом требовании от жизни или при болезненном настроении и исключительно неблагоприятных условиях можно приходиться к пессимистическому или равнодушному взгляду на жизнь. Знаю, что твой взгляд есть результат общего склада твоего характера, а отчасти и неблагоприятно сложившихся для тебя условий. Приятнее было бы, чтобы у тебя, наоборот, был жизнерадостный взгляд, бодрый, уверенный в себе, а не грустно-равнодушный. В этом отношении могу порекомендовать последнюю книгу Ренана «Feuilles détachées». Вот завидное самочувствие! Ему еще и еще хотелось бы жить, — хоть до 500 лет, — чтобы увидеть, чем закончатся ныне намеченные социальные и научные вопросы, какие народятся новые и пр. По его мнению, «субъективный скептицизм и сомнения в своих способностях всегда происходят от бездействия ума». Он утверждает, что «кто жаждет реальных знаний, тот никогда не станет углубляться в себя». Это верно. Действительно, огромное наслаждение и утешение быть в состоянии наблюдать и сознать, что впереди «будет все лучше и лучше». Но в этом отношении некоторые [находятся] вполне в зависимости от внешних условий; при всем их страстном и интенсивном желании знать и видеть, что происходит, они ничего не в силах наблюдать. Ты — другое дело: — у тебя и подготовка и благоприятная окружающая среда, ты вольна выбирать, что тебя интересует, и только болезнь или дурное настроение могут явиться тебе помехой. Но возьмем меня: положим, я интересуюсь экономическими условиями вообще и данной страны или местности, — в частности. Даже такая скромная цель, как изучение экономических условий, является почти недостижимой, более того — желание прочитать ту или дру-

гую интересующую тебя книгу, статью и пр. может быть лишь платоническим. Но довольно. Я вовсе не хочу сказать, что нахожу твой равнодушный взгляд на жизнь незаконным или непонятным для меня; говорю лишь, что многие (и я в том числе) иначе, бодрее относились бы к вопросу о продолжительности жизни при твоих условиях. Эта разница, конечно, обуславливается складом характера того или другого лица: иной не хандрит при самых ужасных обстоятельствах, другой, наоборот, при великолепных не может найти себе места. Ни ты, ни я не подходим ни к одному из этих типов: о тебе несправедливо было бы сказать, что не находишь себе места при самых великолепных условиях; обо мне также нельзя сказать, что я нигде не хандрю. Наоборот, в последнее время замечаю, что меня также трудно удовлетворить (конечно, относительно). Читая иногда в твоих или Павла письмах ссылки на то, что, будь я с вами, то мог бы то-то и то-то сделать, — я с грустью и сомнением думаю о таких занятиях, как возня с ребятишками ¹⁾, кефирным или Рольниковским заведениями. Знаю, что ничего не дала бы другого, лучшего, действительность, все же мечтаешь о другом, большем. — Много чрезвычайно интересного теперь у вас происходит и намечается. Я имею в виду относительно победу Гладстона, предстоящую парламентскую сессию в Англии, требования рабочих 8-час. раб. дня, борьбу Бисмарка с Вильгельмом II, бельгийские дела и пр. Обо всем этом и многом другом мы узнаем лишь вкратце, и потому тем больший интерес возбуждается в нас. Недавно, случайно прочитал рецензию на книгу дяди Пети ²⁾ «La conquête du pain» и изумлялся, до чего он наивен: очевидно, время ничему его не научило, и он несет ту же бессмыслицу, что 10—15 лет тому назад. Неужели и Реклю также «сохранился»? Неужели и он считает себя солидарным с равашольевскими безобразиями? ³⁾ Если же нет, то почему он печатно не объявит о своем несогласии? А Мост, наконец, пристроился в Армии Спасения: самое подходящее для таких субъектов

¹⁾ Под «ребятишками» я подразумевал возню с юношами, молодежью.

²⁾ Т.-е. Петра Кропоткина.

³⁾ Известный в 90-х г.г. анархист, бросавший бомбы в Париже.

дело: там надлежащее место для всех сумасбродов. — Почему ты замолчала о дальнейшем ходе переговоров насчет примирения с тетушкой Сарой¹⁾? Непременно сообщеши, о каких ты знаешь новых хороших книгах по общественному и рабочему вопросам. Меня очень интересует задуманное Бебелем сочинение о немецком движении, но вряд ли удастся его получить. Так же интересны, вероятно, произведения Вейзенгринга и Paul'я Bart'a: «Die Philosophie der Geschichte von Hegel bis Marx und Hartmann». Если будешь обстоятельно писать о книгах и вообще о происходящем в Европе, то доставишь большое удовольствие многим из нас.

Переписываешься ли с Дмитрием? Передай ему все, что узнаешь обо мне. Ну, будь же бодра и равнодушна к дальнейшей своей жизни. Целую. Мой сердечный привет Жоржу, Розе и всем близким.

Твой брат Лев.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

18/30 ноября 1892 г. Карийск.

Получил, дорогая сестра, твое письмо от 1-го октября, в котором ты пишешь, что устно, или не на таком расстоянии, могла бы многое сообщить мне, поделиться волнующими тебя вопросами. Что за славное это письмо! Давно таких от тебя не получал. В сущности, ты ничего не сообщала в нем такого, чего бы я не знал или не мог мысленно дополнить. Но потому ли, что тон его особенно хорош, задушевен, или потому, что оно получилось при соответствующем у меня настроении, но я почувствовал, что понял многое несказанное, проник куда-то глубоко-глубоко, и так приятно, хорошо стало на душе. Сколько и я интересного и даже поучительного мог бы сообщить тебе! И у меня, несмотря на однообразие жизни, есть вопросы, которые волнуют и поглощают меня целиком. Но не подумай, что это вопросы чисто местного характера, происхождения.

---

¹⁾ Кажется, я уже сообщил, что на нашем конспиративном языке под «тетушкой Сарой» мы подразумевали Марию Николаевну Ошанину, а затем стали так называть каждого народовольца.

Нет, они — общего теоретического и практического свойства и почти не имеют никакого отношения к окружающей меня монотонной и серой действительности. Писать об этих вопросах мне так же трудно, как и тебе о волнующих тебя, но, повидимому, по другой причине: тебя останавливает сознание, что, пока твое письмо дойдет до русско-сибирской границы, эти вопросы так или иначе вырешатся. Значит, они непосредственного, скорого, преходящего характера. Мне же трудно делиться с тобой потому, что пришлось бы писать целые фолианты, задумай я дать тебе полное и верное представление о занимающих меня вопросах. Могу также повторить буквально твои слова: «чего, чего я не дал бы, чтобы иметь возможность делиться с тобой волнующими меня вопросами». И так же, как и ты, я часто беседую с тобою (иногда глубоко за полночь) о них, так же, как и тебе, мне не с кем здесь делиться целиком, хотя имею товарищей и приятелей. Но только тебе одной я мог бы обстоятельно изложить их, так как ты одна вполне могла бы понять их, уловила бы чутьем недосказанное и сделала бы, быть может, вытекающие из них выводы и практические применения. Мысленно беседуя с тобой об этих темах, я часто представляю себе оживленные и вместе удивленные глаза твои, приятное и даже радостное настроение, в которое ты, наверное, пришла бы, слушая устное мое изложение. Забегав по своей комнатке (в которой, к слову, конечно, страшный беспорядок), ты, подумав немного, не только вполне меня одобрила бы, но и сама стала бы заниматься и старалась бы делать из них необходимые практические выводы и применения. Но даже и теперь я надеюсь, что ты, не зная пока сущности интересующих меня вопросов, все же поддержишь меня, одобришь такое мое настроение и постарайся если не прямо, то хоть косвенно помогать мне — присылкой просимых мною книг и передачей известных тебе фактов. Для этого в немногих словах скажу, что теоретические вопросы, интересующие меня, относятся к первобытной культуре и философии истории, конечно, с материалистической точки зрения, но, к тому же в частности, к Mutterrecht'у и, как мне кажется правильным, считать вытекающим из последнего — Frauenfrage. Мне очень грустно, что не могу убедиться, насколько пра-

вильны мои воззрения по этим вопросам, ввиду неимения необходимых мне многочисленных и разнообразных источников, а также — отсутствия людей, интересующихся этими же вопросами. Все здесь имеющееся я уже почти перечитал или просмотрел, нигде не находя разъяснения. А между тем я глубоко убежден, что вопросы эти имеют очень важное не только теоретическое, но и практическое значение. Пока прошу тебя не сообщать Жоржу и Павлу о моем увлечении Mutterrecht'ом и Frauenfrage ¹⁾: они, да, вероятно, и ты тоже, не зная, в чем дело, решите, что я ломлюсь в открытую дверь, так как, мол, Морган, Энгельс, Липперт и др. все уже разъяснили, а Бебель написал даже специально книжку о Frauenfrage (Кстати, настоятельно прошу тебя непременно постарайся мне ее прислать и, вообще, насколько возможно, присылай аналогичные произведения: о роли женщины у геоссов, отчеты по Frauenfrage на конгрессах, митингах, в ферейнах. Такого рода произведения могут дать мне указания, как другие смотрят на интересующие меня вопросы). Но «при чем в Frauenfrage первобытная культура и философия истории»? — быть может, подумаешь ты. Не зная всей связи моих мыслей, действительно, может показаться всем чем угодно, — и путаницей и преувеличением с моей стороны незначительного в сущности вопроса, — преувеличением, объясняющимся оторванностью от цивилизованного мира, незнанием уже давно решенного и др. Но, как мне кажется, на самом деле, это у меня не так. Ужасно хотелось бы мне знать, нет ли у вас такого лица, имеа хорошую научную подготовку по первобытным учреждениям и придерживаясь материалистических воззрений, специально и сильно интересовалось бы Frauenfrage? Как бы мне хотелось с таким человеком обменяться взглядами! Но довольно об этом. Твои объяснения относительно уступок родственникам ²⁾ все же не убедили меня. Хотя ты и пишешь, что вы все это проделали ради меньшего, подростшего поколения, чтобы оно

¹⁾ Матриархат — материнское право, господство женщин; Frauenfrage — женский вопрос.

²⁾ Т.-е. соглашения с народовольцами. Такое примиренческое настроение вызвано было разразившимся в России в начале 90-х г.г. знаменитым голодом.

увидело, что не в вас корень распри, — но мне все же кажется бесполезной (а может быть, и вредной) ваша тактика. Уступки и авансы подчас можно и даже должно делать. Но вопрос: когда и где? Ответ подсказывается практическим чутьем. Мне оно подсказывает иную, чем ваша, тактику. Конечно, я не знаю всех обстоятельств, но, насколько я себе представляю общее положение домашних условий, я поступил бы так. Не вступая ни в какие переговоры ни с дедушкой, ни с тетюшками и дяденьками ¹⁾ там у вас, — так как на них можно махнуть рукой, — я отпрашился бы домой ²⁾ и повел бы дело самостоятельно, независимо. Уже один факт приезда, после долгой разлуки, произвел бы, особенно теперь, очень благоприятное впечатление на всех родственников, в особенности же на подросших и, как ты пишешь, «симпатичных детей» ³⁾. Там на месте, ведя процесс ⁴⁾, я проявлял бы миролюбие и готовность к уступчивости, если бы это требовалось по обстоятельствам дела, но первый не делал бы решительного шага к примирению, зная заранее, что успех дела рассеял бы всякие сомнения, всякие колебания. Ведя свою линию, я не был бы нисколько ни злопамятен, ни упрям, ни заносчив, а, наоборот, беспристрастен, объективен и умерен, а главное — деятелен. И дети, думаю, оценили бы мою тактику; они увидели бы тогда, в ком и в чем корень распри. Но если бы даже этого я не достиг бы, что мне трудно себе представить, — то беспристрастные судьи, незаинтересованные лица, адвокатура и увриеры ⁵⁾ склонились бы на мою сторону, и тогда уже дети, а за ними дяденьки и тетеньки, прибежали бы ко мне просить пардона; а если бы не просили, то и бог с ними: я все же выиграл бы тяжбу ⁶⁾, и на нашей улице был бы праздник, от нас пошел бы перелом

¹⁾ Понятно, что я имел в виду Лаврова, Марию Николаевну, Кравчинского и др. старых народовольцев, живших за границей.

²⁾ Под «отправкой домой» подразумевалось, конечно, возвращение из-за границы в Россию.

³⁾ «Подросшими симпатичными детьми» мы называли вновь народившуюся революционную молодежь.

⁴⁾ Т.-е., занимаясь переговорами, в то же время организовывать, агитировать и т. д. среди рабочих и молодежи.

⁵⁾ «Адвокаты и увриеры», т.-е. интеллигенция и рабочие.

⁶⁾ Надо, конечно, понимать, что привлек бы их на свою сторону.

в семейной неурядице ¹⁾. Ты, конечно, скажешь, что я много на себя беру, приписываю себе чересчур большое значение и влияние, но будешь неправ. По моему, раз семейная неурядица дома достигла известной степени, то достаточно незначительного, в сущности, но неожиданного и смелого приема, чтобы все положение изменилось. В таких случаях роль отдельного лица можно сравнить с искрой, брошенной в сухое сено. И я и каждый из вас в особенности мог бы явиться этой искрой в деле прекращения домашней неурядицы и распри. Конечно, я предварительно подготовил бы почву, обеспечил бы себя кой-какими связями и средствами, но за этим, думаю, остановки не было бы. Даже опасение заболеть ²⁾ не остановило бы меня теперь, так как, перенесши фрейбургскую болезнь ³⁾, я убедился, что она не так страшна и приносит большую пользу; особенно она легко переносится, если она не неожиданна, если к ней заранее приготавлиешься. Конечно, при слабых легких наш суровый климат вреден, но опять же вопрос, не преувеличивают ли врачи? Словом, дорогая, как видишь, исходя из моей точки зрения, ваш прием примирения не может мне казаться удачным, практичным, вообще ваша жизнь мне представляется крайне безотрадною, мало-результатной и производительной: почти десять лет прошло со времени возникновения заведения Рольника ⁴⁾ и начала распри и неурядиц ⁵⁾, а вы почти на одном и том же месте: все перебиваетесь из кулька в рогожку и тешитесь, кажется, микроскопическими успехами и улучшениями. Не подумай, что это скоропалительное мое мнение, явившееся у меня в последнее время. Нет, года два уже, как я все колеблюсь поделиться ими с тобою, а эти дни оно все не выходит у меня из головы. Ты давным-давно ничего не сообщаем о здоровье Жоржа, о своем также редко упоминаешь. Помнишь, кажется из Одессы (осенью 84 г.), описывая тамошний суровый режим, я утешался оптимистическими взглядами д-ра Панглоса: «все к лучшему» и т. д. Представь:

1) Т.-е. марксистское направление одержало бы верх.

2) Т.-е. быть арестованным.

3) Понятно: арест во Фрейбурге.

4) Т.-е. группы «Освобод. Труда».

5) Борьбы с народолюбцами и народниками.

теперь я, действительно, допускаю, что, оставаясь я с вами и проживи я так, как вы эти годы жили, я чувствовал бы себя, вероятно, не лучше, а то, быть может, и хуже, чем теперь, будучи здесь. Ты как думаешь? Впрочем, тебе трудно решить этот вопрос, так как, во-первых, ты не знаешь, как я себя теперь чувствую, а во-вторых, не знаешь, конечно, как бы я чувствовал себя, оставшись. Но я думаю, что там, в конце концов, мне было бы хуже, конечно, при некоторых условиях. Видишь, до каких странных взглядов и предположений я дошел. Но довольно. Не забывай же моей просьбы о присылке книг. Дюруи я еще не получил. Сохраняешь ли мои бумаги, письма, особенно Дмитра? Часть последних была у Лизы, — прибери их все в одно место. Крепко целую тебя, дорогая сестра.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

25 октября (5 ноября) 1893 г.

Последнее твое письмо, дорогая сестра, очень интересно и вызывает на серьезное размышление. Хотя оно и написано тотчас по приезде из Цюриха (15 сентября) и ты не делишься своими впечатлениями о тамошнем празднестве ¹⁾, но я не жалею об этом, так как избранная тобою тема — ознакомление и раз'яснение мне положения дел семьи дома ²⁾ — очень интересна. Не скажу, чтобы твои сообщения были вполне новы для меня, — кое-что уже и раньше доходило до меня, — но самый тон и характер твоих суждений делают более рельефными, живыми мои представления о домашних условиях и обстоятельствах. Раз пять я перечитывал его и несколько дней находился — отчасти и теперь еще нахожусь — под его впечатлением, хотя мои личные обстоятельства в последние две недели не особенно благоприятствуют размышлениям о посторонних, отдаленных предметах: эти недели, по независящим от меня обстоятельствам, я должен был покинуть свою насиженную

¹⁾ Т. - е. об Интернациональном Конгрессе, произошедшем, как известно, в том году в Цюрихе.

²⁾ Под этим я подразумевал положение группы «Освобождение Труда».

и вполне отремонтированную на зиму хатенку и переехать в новую, которую опять нужно было белить, мазать (глиной), вставлять окна, обивать двери и пр. и пр. (зато, раз уже заговорил о квартире, сообщу здесь, что новая вполне напоминает городскую: состоит из большой, в три окна, очень высокой комнаты с сенями и кухней, с приличной, по здешним условиям, мебелью, — имеется даже диван, правда, некрашенный и необитый, письменный стол с мягким стулом, изящная этажерка для книг и две кадки с цветами); но квартира эта имеет и большие неудобства: во-первых, чересчур велика для одного, и приходится ежедневно топить две печки (покупными дровами, по 2 р. саж.), несмотря на это, все же, вероятно, будет прохладно в зимние стужи; во-вторых, она, сравнительно, вдали от всех товарищей, — на выселке, так что они ко мне и я к ним не часто сможем заявляться, что, впрочем, имеет и свои выгоды, в виду занятий. Но возвращусь к твоему письму. Указав на резко изменившийся характер поведения и образа жизни родственников на родине, ты так резюмируешь свои сообщения: «Специалистов ¹⁾ нет больше. Если бы ты вник в это одно обстоятельство, то мог бы понять, отчего, несмотря на великолепные объективные условия и огромный, превосходящий всякие ожидания успех, — субъективно нам, старым специалистам, может все-таки приходиться плохо и заведение Рольнига может по временам стоять».

Раньше ты опровергаешь меня, что и я «не мог бы быть на месте, как и вы». Я вполне согласен со всеми твоими раз'яснениями, сообщениями и рассуждениями. Повидимому, действительно, все радикально изменилось у нас дома и, будь семи даже пядей во лбу, ничего существенного, нового никто не сделал бы. Поэтому мне несколько неловко было читать твою последнюю фразу о себе, взятую из моего последнего письма; «будучи на месте, сделал бы то-то». От нее несет большим самомнением, «задавательством», как тут у нас говорят. Этими словами я совсем не хотел сказать, что, несмотря ни на какие обстоятельства, поехал бы домой к родным ²⁾. Я желал только сказать, что не остановился бы

¹⁾ Т.-е. «нелегальных», «профессиональных» революционеров.

²⁾ Это означало: поехал бы из эмиграции нелегально работать в Россию, о чем писал в предыдущем письме.

ни перед чем и, вероятно, придумал бы что-нибудь, чтобы «при огромном, превосходящем всякие ожидания, успехе субъективно не приходилось плохо старым». Как добился бы я этого, отсюда сказать не берусь, но почти уверен, что надумал бы способ, — считай это задавательством или чем хочешь. Думаю, что Дмитро согласился бы со мной насчет этой моей самоуверенности, — ты все же не видела меня почти десять лет, а за это время я ведь не стоял на одном месте. Ну, да что об этом толковать, когда мы отделены необъятными пространствами и когда мои ответы на твои сообщения приходят тогда, когда обстоятельства у вас настолько изменились, что уже забыты те, под влиянием которых было написано прежнее письмо. Живя здесь, мне остается только радоваться или скорбеть, когда ты в своих письмах вызываешь те или другие ощущения, хотя, признаюсь, мне иногда в голову приходит и ехидная мысль поступать (по примеру Иванушки-дурачка) как раз наоборот, т.-е. скорбеть, когда твои сообщения отрадны, и радоваться, когда они печальны, — думаю, что такие мои ощущения вполне соответствовали бы положению дел в то время, когда я читаю твои, а ты мои письма.

Какими пустяками, мелочами заполняется наша жизнь здесь! Они подчас могут донять всякого. Относительно, я еще лучше многих поставлен, — занимаюсь, по возможности интересуюсь тем, что делается на белом свете. Все же это не может наполнить всего нутра, ввиду отсутствия живого практического дела; поэтому вместо серьезного хватаешься за суррогат, хотя всегда, в конце концов, жалеешь о потеряном времени. Книжка все же наиболее приятное развлечение. Но именно только «развлечение», так как цели вкладывать в чтение, ставить себе какие-нибудь теоретические задачи и вопросы здесь решительно не могу. К тому же прихожу к очень неутешительному заключению относительно современных теоретических произведений: ничто в них не кажется мне новым, особенно оригинальным, а следовательно, и интересным. На это заключение навели меня недавно прочитанные три книги: Schulze-Nevernitz'a «Der Grossbetrieb», Herrmann'a «Technische Fragen und Probleme» и Николая—сна «Очерки русского пореформенного хозяйства». Кстати, о последней. Ты, быть может, не читала ее; она вышла пе-

давно, летом наст. года, и в целом хуже, чем, помнишь, его 1-я статья под тем же заглавием, помещенная в «Слове» за 80-й год. Ссылаясь на экономические теории Маркса и будучи как будто знаком с современным положением дел в России, он, однако, не умеет найти выхода из последнего и сетует по поводу того, что не поддерживают общины и «пренебрегли», мол, завещанными нам от предков «устоями» и пр. Причина этой его неспособности разобраться, его противоречия — в том, что он не усвоил себе диалектического метода Маркса: «в худом он видит одно лишь худое», как говорили Маркс и Энгельс; все же, в общем, это не лишнее интереса экономическое сочинение. По-моему, он образованнее и интереснее В. В.

Своими впечатлениями о Цюрихе ты обещаешь поделиться в следующем письме: жаль, что ты не сделала этого тотчас по приезде. Но я понимаю, что тебя «тамошний шум мог утомить». Из русских газет, конечно, немногого я мог почерпнуть; все же наиболее существенное знаю (хотя, может быть, и это не все наиболее существенное): о принятых резолюциях, об изгнании анархистов, о шествии по городу, о почетном председательстве Энгельса — это почти все, что я вычитал. До получения ответа на это письмо, ты, вероятно, поделишься уже со мною своими впечатлениями. Они-то, впечатления твои, меня особенно интересуют: ты ведь в первый раз присутствовала на таком празднестве. Сообщи, с кем ты там познакомилась, кто из говоривших или так там присутствовавших тебе особенно понравился, говорилось ли что о наших родственниках и о родине? Воображаю, сколь мизерными кажемся мы в своих собственных глазах, когда сравниваем себя в таких случаях с геноссами! Каков старик Энгельс, — познакомилась ли ты с ним? Что поделявает Павел?

Поди, он в восторге от празднества? А Жорж? Говорил ли он? Были ли дедушка Петр и тетушка Сара? На эти и сотни подобных вопросов хотелось бы получить ответ. Но почти заранее уверен, что ты не удовлетворишь моего любопытства, будешь очень лаконична, пропустишь многое. Припоминая содержание некоторых моих писем, мне пришло в голову, что, благодаря кажущемуся долемическому характеру их, ты, может быть, делаешь ошибочное заключение

о моем настроении и отношении к некоторым вопросам. Ты, быть может, представляешь меня придирчивым, ворчливым и вечно полемизирующим инвалидом, впадающим в старость? Это неверно. Ни образ моих мыслей, ни окружающая действительность не располагают к придирчивости, полемике и пр. Я, наоборот, все более и более проникаюсь французской поговоркой: «Tout comprendre — tout pardonner». К этому взгляду располагает все окружающее. Здесь особенно легко наблюдать, насколько взгляды, настроения и поступки людей зависят от внешних условий: последние вялы, несложны, скучно-однообразны, и люди и все живущее таковы же. Откуда же могло бы взяться страстное, нетерпимое отношение к разногласиям и воззрениям и строгое осуждение неодобренных, с моей, напр., точки зрения, поступков? Тем объективнее могу я относиться к тому, что узнаю из твоих писем о внешних, отдаленных от меня фактах. Не говоря уже про то, что, ввиду их отдаленности, они еще менее, чем вблизи происходящие, могут меня волновать, — я обязан относиться к ним, как почти вполне неизвестным. В этом отношении окружающие меня условия и отделяющие меня от мира огромные пространства действуют, как давно прошедшие исторические периоды: чувствуешь себя не современником данных событий и происшествий, а как бы живущим много лет после их совершения и смотрящим на них, как на давным-давно случившиеся.

Чересчур я разболтался, пора и кончить. Напомни Павлу, что я просил его выслать мне две вышедшие в Цюрихе немецкие диссертации о Марксе некоего поляка Вериго. Неужели ему там трудно их достать? Он обещал написать Braun'у, чтобы тот выслал мне Socialpolitisches Centralblatt, но я все не получаю его. Думаю, что и этот журнал ему нетрудно было бы доставать у кого-нибудь из выписывающих его и высылать мне, а без иностранного журнала здесь очень тоскливо. Позаботься, дорогая, об этом. Ну, будь бодр и, по возможности, счастлива. Целую тебя, также Жоржа, Павла и других близких. Видалась ли ты с Аней¹⁾ в Цюрихе? Что она поделывает?

Твой брат Лев.

* * *

¹⁾ Неоднократно упоминающаяся в воспоминаниях и переписке Анна Марковна Макаревич-Розенштейн, она же Кулешова-Турати.

Как я уже сообщил в предисловии, остальных моих писем не оказалось в архиве Г. В. Плеханова; между тем, до самого своего побега из Сибири (весной 1901 г.) я не прекращал переписываться с Верой Ивановной и другими заграничными друзьями. Тем более досадно исчезновение позднейших моих писем, что, как известно, в середине 90-х гг. стало усиленно развиваться в России наше марксистское движение, о чем, хотя и лаконично, но все же сообщила мне В. И. Засулич и отчасти П. Б. Аксельрод, а из моих ответов им можно было бы получить некоторое представление о том, как она и другие члены группы «Освобод. Труда» относились к ходу развития нашего направления за границей и в России.

Отсутствие остальных моих писем я объясняю произошедшим переездом В. И. Засулич в Лондон (в 1894 г.), по выезде из которого она, может быть, оставила на время у кого-нибудь из тамошних своих друзей имевшиеся у нее рукописи и письма; если же она привезла все с собою в Цюрих, то, отправившись, как известно, в конце того десятилетия, — конечно, нелегально, — в Россию, передала свои документы там кому-нибудь на хранение. Есть поэтому надежда, что, — подобно тому, как случилось с выше помещенным письмом к ней Маркса, — также со временем и мои к ней письма мало щепетильные редакторы какого-нибудь архива, найдя их там, опубликуют без необходимых комментариев и сокращений или со «своими» дополнениями и разъяснениями, отчего в том и в другом случае и я и читатели не много выиграем.

5/283/5

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Г. П. Б
192

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

Под редакцией
Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ
Л. И. АКСЕЛЬРОД, Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ,
С. Я. ВОЛЬФСОНА, Э. М. ЗИНОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ
И И. Н. КУВИКОВА

СБОРНИК № 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

ПИСЬМА К ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

(Из тюрем, Сибири, каторги) ¹⁾.

I.

СПБ. Д. П. З. 28/V 1884 г.

Милая, дорогая моя Саша! ²⁾

Только на-днях получил позволение ответить тебе (я называю тебя здесь своей «невестой», п[отому] ч[то], может, когда-ниб[удь] и будешь моей «законной» женой — чего не бывает?). Я представляю себе, до чего поразило и огорчило тебя все происшедшее со мною. В этом немало я сам виноват и вполне чувствую свою вину. Но дай расскажу тебе, как все произошло. После твоего отъезда, который, помнишь, был за три дня до решения суда, я жил уже мыслью о скором возвращении к тебе, строил всякие планы и пр. В день суда,

¹⁾ В предисловии к таким же письмам, помещенным в № 2 «Сборника», я сообщил, что многих из них не оказалось в архиве Г. В. Плеханова. Теперь, благодаря стараниям возвратившейся за границу Розалии Марковны, мне недавно были присланы еще некоторые письма из этой серии, сохранившиеся, как оказывается, в архиве П. Б. Аксельрода, но раньше мне не возвращенные.

²⁾ Так как жена Булыгина, с паспортом которого я был арестован во Фрейбурге, приезжала ко мне туда на свидание в качестве «моей жены», о чем я подробно сообщил в книге «16 лет в Сибири», и от ее же имени, но по содержанию принадлежавшее Вере Засулич, мне передали письмо, адресованное во фрейбургскую тюрьму, когда я уже сидел в Петропавловской крепости, то, получив дозволение ответить моей будто бы «невесте», я обращался как бы к ней, Булыгиной (в действительности являвшейся неизвестной Фелицией Шефтель), будучи уверен, что мои друзья поймут эту мою конспирацию, как оно и оказалось потом.

утром, меня зовут к прокурору, думаю: «это он хочет, раньше, чем я получу формальное уведомление о моем освобождении, устно сообщить мне об этом», — такую любезность предположил с его стороны. Но, увы! Он медленно прочитывал мне одну за другой несколько бумаг, в которых говорилось, что нет никакого Булыгина, что я — Дейч и т. д. (Между прочим, требуя моей выдачи, русское правительство рекомендует принять меры против возможности побега с моей стороны.) Ты представляешь себе, как это известие подействовало на меня! Думаю, совершенно неожиданный приговор к смертной казни не мог бы более поразить меня. Я тогда понял, что можно поседеть в несколько часов. Я старался, однако, не выдавать себя выражением лица, голосом. Каких это мне стоило усилий! Воображаю, как я тогда выглядел. Моим доказательствам неосновательности требования выдачи прокурор, видимо, не верил, хотя и делал вид, что я могу еще доказать, ч[то] я — не Дейч. Он до того испугался сообщенных сведений, что не решался оставаться со мной наедине без привратника, словно, если я — *wichtiger Nihilist*¹⁾, то непременно должен его с'есть или взорвать бомбой. Ах, до чего он трусливый²⁾ и противный старикашка. К дверям моей камеры приставили человека, о чем я не должен был подозревать; но я тотчас же почувствовал это и ловил то глаз его, то ухо в щелке. Почему-то особенно боялись они за печку, которая, заметь, отделялась густой решеткой. Но до чего они меня смешили потом по дороге этими опасениями и предосторожностями (впрочем, были очень вежливы и предупредительны). На следующий день приехал во Фрейбург киевский товарищ прокурора узнавать меня. Он утверждал, что видел меня в Киеве, я отрицал, — я, действ[ительно], не помню его. Не было уже сомнения, ч[то] меня выдадут, но я не признавался до русской границы, где меня встретили жандармы с веселыми, ликующими лицами и восклицаниями: «А вот вы, г. Дейч! Наконец-то! А похудели!». Там, на границе я более не стал отпираться. Возвращаюсь к Фрейбургу.

¹⁾ «Важный нигилист». *Ред.*

²⁾ Думаю, что они со следователем хитрили, уверяя, ч[то] освободят: тогда, вероятно, уже велись переговоры о выдаче меня.

Оправившись от первого впечатления, я стал приучать себя к мысли о разлуке с тобою, друзьями, о разбитых планах, надеждах и начал готовиться к отъезду. Тяжело б[ыло] как, отчасти, и теперь еще — представлять себе суд. Неприятное ощущение фигурировать по *этому* делу. Но просыпаюсь однажды с мыслью: «А не лучше ли, чем все предстоящее мне переживать, чем медленно, со всякими муками умирать, разом покончить?». И спокойно начал разбирать все pro и contra. Ты, конечно, занимала важнейшую роль в этих взвешиваниях. Я не мог остановиться пока ни на каком решении. Это б[ыло] в воскресенье. «Ну, да сегодня, думаю, все равно не придет еще ответ из Карлсруэ, — успею еще подумать». Вдруг зовут к прокурору, который прочитывает решение баденского правительства выдать меня, как уголовного преступника, и об'являет, что сегодня повезут меня. Укладываю свои вещи и вместе продолжаю решать прерванную мысль. «Откладывать, — думаю, — нечего, лучше это сделать здесь». Тут у меня б[ыла] целая масса соображений и, право, даже умные, практичные — как это ни странно!.. Лишь только спустил ноги, я тотчас же потерял сознание, — очень искусно устроил это... Проснулся как от продолжительного тяжелого сна, но первые несколько минут не мог говорить, двигать никаким членом; около меня суетятся, я тотчас же все припомнил. Мне жалко б[ыло], ч[то] не удалось и вместе как бы доволен б[ыл], — здесь, впрочем, примешивалось и суеверие некоторое. Ты просишь не повторять этого. Даю тебе обещание, как бы мне впредь ни б[ыло] тяжело. Я, впрочем, не могу ручаться, что всегда буду при полном здоровом уме, — ты ведь знаешь, я склонен к умственному расстройству; но, надеюсь, и последнее не случится, особенно если пойду на Кару, куда должны меня, как уголовного, послать. Ты уже знаешь, ч[то] меня выдали на том условии, ч[то] будут судить с присяжными. И действительно, следствие производится обыкновенным порядком, и содержусь я не в крепости, как это б[ыло] в первые 2 недели, а в ДПЗ, где ты сидела в 76—77 гг. Вообще, пока со мною обходятся хорошо. Наказание за покушение на Гориновича по закону предстоит мне сравнительно небольшое, но я не знаю, надеяться ли свидеться и быть еще с тобою? У меня, признаться, нет надежды, но чем

чорт не шутит! Во всяком случае, надо приучать себя к мысли о долгой разлуке. Умоляю тебя, береги себя, старайся развлекаться, замени меня в издательской деятельности. Надеюсь, дела вошли уже в колею, и издания у вас продолжают? Противное меня очень бы огорчило. Напиши мне, что у вас делается? Как ты и Вера устроились? Что она подельвует? Воображаю, как огорчены и расстроены вы обе! Это мне больше всего. Утешить мне вас невозможно, хотя, объективно говоря, мы не вправе сетовать: ведь хуже поплатились товарищи и на много лет раньше попались, — я все же пожил, хоть мне и теперь всего 28 лет. Но знаю, что эти утешения не в утешение. Суд будет, вероятно, скоро, так как следствие уже почти закончено. Не думаю, чтобы он вышел сколько-ниб[удь] интересным: я отношусь к нему с неприязнью, если можно так выразиться, не хочется мне думать о нем — тяжело.

Воображаю, как галдели иностранные газеты о моей выдаче. Напиши, что в них писалось. После суда вышло некоторые вещи (часы, кольцо), ты раздашь их на память и оставшиеся там, кроме книг, из них вышли мне: Фихте, Канта, Шопенгауера, *Gesch. der Philosophie Schwegler'a* и *Ueberweg'a* (она у Павла; также не даст ли он своей истории Греции Курциуса), *Gesch. des Judenthum*, социологию Спенсера, и пусть Вера и Жорж выберут побольше книжек изданий по 25 с., также франц.-русс. и нем.-русс. словари. Все это вышли по следующему адресу: *г-ну прокурору судебной палаты* (для такого-то) в СПб. и только. Пиши по этому же адресу; также вышли мне рублей 75 рус[скими] деньгами. Надеюсь еще тебе писать. А пока обнимаю и много целую, тоже Веру, Аню, Павла, Жоржа, Розу, Надю, Лизу и всех, всех друзей и приятелей, — я с большой нежностью вспоминаю их всех. Отвечай поскорее.

Твой Л. Дейч.

Посланные на память книги не получены. Пусть Вера припишет в твоём письме. Прошу тебя, Вера, напиши хоть несколько слов о себе.

II 1).

Томск 1885 г., 8 июня.

Вот уже почти неделя, как мы здесь. Весь путь проехали довольно благополучно: нигде не было никаких задержек, почти никаких неприятностей и недоразумений с начальствующими лицами. Я говорю «почти», так как в Тюмени пришлось иметь небольшое столкновение с властями по поводу способа отправки лиц, назначенных в Западную Сибирь. Вследствие нового распоряжения Глав. Тюр. Упр., мы все должны идти вместе с уголовными, т.-е. привилегированные — пешком, привилегированные — тут же рядом ехать на повозках с багажом. В отношении ходьбы это, конечно, никогда не применяется, так как нельзя ведь заставить человека ходить, раз бы он не захотел, и всегда все без различия едут. Но неудобства этого способа отправки все же велики: едут шагом и делают в день по одной станции, а через два дня в 3-й делают дневку; таким образом, пространство в каких-нибудь 300 верст плетутся несколько недель, вдыхая дорожную пыль, ночуя в вонючих, полных паразитами этапах. А между тем нет ничего легче, как сократить это излишне продолжительное пребывание в пути, раз бы ехали по 2—3 станции в день и без дневок; это излишнее стеснение не только не вызывается какой бы то ни было необходимостью, но, наоборот, такая медленная отправка обходится гораздо дороже, чем ускоренная. Вот почему, когда в Тюмени захотели отправить наших товарищей-западников таким медленным способом, — все выразили свое нежелание подчиниться такому распоряжению, приведши вышеуказанные мотивы. Дали знать тобольскому губернатору, который кстати через два дня был в Тюмени и официально, в присутствии нескольких лиц из администрации, заявил, что хотя существует инструкция, по которой должны отправляться медленным способом, но он, как губернатор, находит возможным отступить от нее, так как ускоренная отправка в экономическом отношении даже

---

¹⁾ Это письмо «цензором» было смазано полутора-хлористым железом, но, конечно, ничего, написанного химическими чернилами, в нем не оказалось.

выгоднее для правительства. Только после этого заявления мы — восточники — решились отправиться своим путем (на барже от Тюмени до Томска), надеясь, что оставшихся западников отправят в определенный для этапа день обещанным ускоренным способом. Пока мы восточн[ики] не имеем еще сведений, действительно ли власти сдержали свое обещание, если же нет, то в Тюмени могла разыгаться неприятная история, так как оставшиеся там обещали добровольно не идти в медленный путь. Но будем надеяться, что все сошло там благополучно. Нас — восточников — отправляется отсюда далее всего 14 человек. Но и это малое количество, вследствие столь же странной инструкции из Питера, хотели еще разделить на 2 группы, при чем одна шла бы за другой спустя неделю по тому же пути. Такое деление для нас невыгодно как в материальном отношении, так ввиду общности у нас багажа, денег и пр.; к тому же мы привыкли друг к другу, и всегда удобнее быть в большом количестве. Так как местный губернатор лично не решался уважить нашу просьбу не делить нас, то мы обращались телеграммой в Главн. Тюр. Упр., откуда пришло согласие на нашу просьбу. Вот почти все сколько-нибудь крупные препирательства с властями. Но сколько еще предстоит аналогичных, а б[ыть] м[ожет], и более крупных в дальнейшем пути! Не говорю уже о том, что нам придется быть в пути еще 4—5 месяцев и сталкиваться с целой массой всякого рода начальства, мы уже и теперь замечаем, что чем дальше на восток, тем чаще поводы к недоразумениям, тем менее интеллигентны и понятливы заведующие. Ну, да увидим. Здесь провели мы неделю, выходим 10-го и будем в Красноярске в конце июня. Обстановка здесь, сравнительно, очень хорошая как в физическом, так и в духовном отношении. Удалось познакомиться здесь со многими местными, среди которых есть старые знакомые. Сведения о Каре довольно утешительные: говорят, что введены некоторые облегчения, и вообще улучшилось положение там находящихся. Надеялся здесь получить от тебя письмо, но, к крайнему моему огорчению, его не оказалось. Пиши хоть в Красноярск, а через месяц — 1½ — в Иркутск. Ну, всего тебе хорошего. Кланяйся всем друзьям и знакомым. Целую тебя и сестру крепко, крепко. Пиши же. Твой брат Лев.

С Кары, как я уже сообщал в кн. «16 л. в Сибири», нам дозволялось в открытках, от имени коменданта, уведомлять родственников о здоровье и о получении писем или чего-нибудь другого, а также просить о присылке тех или других вещей. Из архива П. Б. Аксельрода мне, кроме печатаемых здесь закрытых писем, присланы еще следующие четыре открытки. Л. Д.

III.

Брат ваш получил ваше письмо, в котором сообщаете, что собираетесь выслать ему: Гегеля и Лор[енца] Штейна. Если еще не выслали, то он просит вместо них прислать ему Lippert'a «Kulturgesch. d. Mensch. in ihr. organ. Aufbau». Эта книга его очень интересует; о ней он читал очень лестные отзывы. Его смущает только то, что она дорого стоит, но, вероятно, не дороже 2 выше названн. книг. Он, кажется, уже писал, что его особенно интересуют первобытные учреждения, в связи со всеми близкими к этому областями. Поэтому он настоятельно просит выслать ему книги преимущественно по этим областям. Его отчасти радует, отчасти — нет, что вы видимо втянулись в изучение философии, но, кажется, вы только интересуетесь Гегелем, о новейшей вы вовсе не упоминаете. Он здоров. Кланяется всем. От Мани и Ани ¹⁾ писем нет.

Отдельного Корпуса Жандармов
Подполковник Масюков.

13 мая 1888 г.

IV.

Брат ваш получил две франц. книги Бентама и две немецкие — Лотца. Сборник ²⁾ ему не совсем понравился, благодаря полемике, статья — о рабоч. движ. в 60-х годах и т. д. — недурна, но бедна фактическим материалом; больше всего понравилась ему История Интер[национала]. Он просит прислать: 1) «Чего хотят геноссы [т.-е. социал-

¹⁾ Маня — сестра моя, Аня — Анна Кулешова-Турати. Л. Д.

²⁾ Т.-е. «Социал-Демократ», полученный конспиративным способом, а именно — заделанным в переплет упомянутых в тексте книг. Л. Д.

демократы]», 2) Введение в Гегел[евскую] филос[офию] права, 3) брошюру о деле Германа [Лопатина], 4) Манифест [коммун. партии], а также хоть отрывки наиболее интересные о бывшем 14 июня торжестве [т.-е. об Интер. Конгрессе в Париже]. При отправке необходимо высылать на адрес: Восточная Сибирь, Забайкальская Область, *Карийск*, такому-то. Из обещанных вами ему книг [Липперта и т. п.] он пока ни одной не получил и предполагает, что вы отправили их в одной посылке с другими, которые были задержаны в таможене, поэтому он просит впредь сомнительные в цензур[ном] отношении книги посылать отдельно и вообще аккуратнее заделывать брошюры, чем это было в последний раз, выставляя имя отправителя.

Отдельного Корпуса Жандармов

Подполковник *Масюков*.

2 сентября 1889 г.

V.

Брат ваш беспокоится, не получая долго писем. В последнем письме вы сообщали о поездке ваших родственников, с тех пор он не получал ни писем, ни книг. Ввиду измененного в России почтового тарифа, он просит вас, а также брата Павла, высылая книги, справляться на почте, не придется ли здесь, на месте, доплачивать за присланные книги, так как недавно пришлось здесь за такую посылку из-за границы (от Киперта) доплатить 9 руб., что крайне неприятно, тем более, что самые книги адресату не вручены, а деньги все же пришлось уплатить. Он просит вас, если можете, узнать от Павла, почему пришлось здесь заплатить за посылку такую большую сумму, и впредь стараться так присылать, чтоб не нужно было платить. Он здоров. Кланяется всем близким и просит писать почаще.

Отдельного Корпуса Жандармов

Подполковник *Масюков*.

15 октября 1889 г. Карийск.

VI.

[На адрес П. Аксельрода: H-rn Paul, Zürich.]

Брат ваш получил ваше письмо, в котором вы сообщаете о вашей жизни и поездке к родственникам Геноссам.

Он жалеет, что занятия помешали вам изложить подробнее о вашем кефирном заведении, а также о том, что вам пришлось видеть и слышать в эту поездку ¹⁾. Он просит вас еще раз подробнее сообщить об этом. Липперта «Kulturgesch.» он уже прочитал, и она ему понравилась. Поэтому можете не присылать этой книги, а храните ее у себя. Другие сочинения этого автора его очень интересуют, но он просит вас не тратиться на их приобретение, если у вас нет лишних денег. Он уже писал вам, что сюда пришли, но не выданы книги, присланные на адрес губернатора от Киперта, и за них пришлось заплатить девять руб. Не вы ли их выслали и что это за посылка? Не забудьте об этом сообщить и почему пришлось здесь за них так много заплатить? «Сев. Вест.» он не читает, — не дозволен. Он просит заботиться о сестре. После выезда ее из Швейцарии, он не получал еще сведений о ней и не знает, как она устроилась. Он здоров, кланяется вам, Наде и другим близким.

Отдельного Корпуса Жандармов

Подполковник *Масюков*.

1889 г., 11 ноября.

Следующие два письма были мною отправлены из Карийской тюрьмы конспиративным путем, через мою сестру Марью Григорьевну Афанасьеву, жившую в Уфе, для дальнейшей ею пересылки их за границу: они также сохранились в архиве Аксельрода и только недавно были мне пересланы вместе с остальными, здесь печатающимися. *Л. Д.*

VII.

[Карийск, в конце 1889 г.]

Дорогая моя сестра ²⁾. На-днях я получил твое августовское письмо (с 25 руб.) и очень ему обрадовался: не говоря уже о том, что из него я узнал о твоем житье-бытье, я убедился, что пока меня еще не все забыли. До этого письма, около полугода, я ни от кого решительно не получал никаких известий. Тревоги мои по поводу здоровья и жизни

¹⁾ Я имел здесь в виду пребывание Павла Борис. вместе с Георг. Валент. в Париже на международном конгрессе, а затем в Лондоне у Энгельса. *Л. Д.*

²⁾ Действительная сестра, Мария Афанасьева, бывш. Фесенко.

близких сменялись все это время предположениями, что чем дальше, тем, естественно, все реже будут вспоминать и писать мне. Правда, с трудом допускаю такую мысль относительно Марфуши ¹⁾, заграничной сестры: она все эти годы так аккуратно мне писала, что я уже привык к ее письмам, как к чему-то необходимому, без чего чувствую себя не по себе. Но вот с июня все нет и нет от нее известий. Ломаю все голову, чем бы это об'яснить, и одна тревожная мысль сменяется другой: не заболела ли она, жива ли? Но, в таком случае, другие близкие должны бы написать об этом. Просто теряюсь в догадках. Уж я посылал несколько заказных писем, и все безуспешно. Если ты имеешь какие-нибудь от нее известия, то прошу тебя немедленно мне сообщить их или, еще лучше, переслать ее письмо. Пошли ей также это письмо. Ты жалуешься, дорогая, на массу занятий, мешающих тебе остаться свободной хоть на несколько часов. Я очень сочувствую тебе и думаю, что не красна твоя жизнь, хотя все же в ней, вероятно, есть приятные минуты, когда остаешься хоть ненадолго в своей семье. Ты, очевидно, уже прочно устроилась в Уфе, чему я очень рад. А то, судя по первым, неотрадным твоим письмам оттуда, я думал, что ты снова скоро снимешься с места. Лучше всего, если укрепишься на одном месте, тогда и ты и муж твой упрочите свое положение. Думаю, что с проведением железн. дороги ваше захолустье тоже несколько оживилось, явились новые лица, предприятия, интересы. Ты, конечно, слыхала, что поговаривают и о проведении жел. дор. у нас. Хотя относительно меня она очень мало касается, но я ей, как и Томскому университету, чрезвычайно рад. Все же и наши полуварварские места примут человеческий облик. Ты не пишешь, дорогая, много ли у тебя знакомых, приятелей, и, вообще, о внутреннем мире уфимской жизни. Теперь, с приездом свекрови, у тебя чаще будет свободный час, и я надеюсь, что впредь не будешь так скупа на письма. О своей жизни мне, право, и сказать почти нечего. Я уже писал тебе, что начальник у нас новый, добродушный, бесхарактерный старичок, решительно не задающийся целью сколько-нибудь стеснять нас; наоборот,

---

¹⁾ Т.-е. Вера Ивановна Засулич.

сам по себе, готов делать нам всякие послабления, конечно, не выходя из законных рамок. Я и брат просим Павла, Аню, Марфушу и Сергея высылать вообще книги, а в частности следующие: по истории (новейшей) Швейцарии и других отдельных европейских стран, по рабочему вопросу и беллетристике для компиляций и переводов на русский язык. Выслать лучше на имя Дмитра, пока он еще здесь. Через год он уедет, почему и хочет заблаговременно запастись подходящими переводами и компиляциями, которые он мог бы потом где-нибудь поместить. Книги, газеты и журналы («День», выходящий 5 раз в месяц), «Вестн. Финансов», «Всемирн. Иллюстр.», «Вестн. Евр.», «Юрид. Вест.», «Русс. Богат.», «Истор. Вест.» и «Русс. Вест.» получаем. Как видишь из приведенного списка, нам не позволяют лишь получать журналы и газеты радикального направления. Но мы и этим очень рады и ждем каждую почту (раз в неделю) с крайним нетерпением. Занятия, как я уже неоднократно тебе писал, идут здесь при совместной жизни очень туго, — трудно сосредоточиться, углубиться. Но все же некоторым удается серьезно заниматься; многие здесь изучили по два, по три языка и редкий — один. Общего, совместного обмена мыслями нет; но всякое малейшее новое известие моментально облетает, и по поводу его ведутся оживленные беседы между отдельными группами, кучками. Так, на-днях прочитали мы в «Русс. Вест.» о метаморфозе, совершившейся с Тихом[ировым], вызвавшей в нас недоумение, изумление и пр. Многие интересуются у нас внешней политикой, так наз. дипломатией. Запоминают малейшие подробности, имеющие какое-либо отношение к политике. Я же более интересуюсь внутренним бытом как нашего отечества, так и других стран, или, как здесь выражаются, «движением торговли и промышленности». К сожалению, источник, нами получаемый («Финансовый Вестник»), в этом отношении крайне недостаточен. Но все же и из него очевидно, как быстро развивается наше отчество, чему я очень рад, так как от всей души желаю ему всякого преуспевания. Материальные наши условия в последнее время не блестящи, но все же жить можно, и в физическом отношении никто особенно не страдает. Есть один — два чахоточных, несколько — с катаррами желудка, геморроями, но в общем все почти здоровы, так как, относительно,

гигиенические условия сносны. Гулять можем, сколько хотим; но так как надоело шляться по однообразным местам, то большею частью сидим дома, вернее, лежим с книгами в руках. Вот тебе и подробное описание нашей жизни; думаю, ничего нового ты из него не узнала. Одно повторю, хотя тоска подчас и сильно разбирает, но жить все же можно пока. Пиши же и ты подробнее о себе и звай, что от получения твоих писем и от других близких зависит многое в моем душевном состоянии; кроме того, и ответы мои могут быть тем полнее, чем чаще я буду получать. От Сони я уже более года не имею известия. Не знаю, получила ли ты «карточки брата» и виды, а также «Юрид. Вест.»? Если да, то устрой, как я тебе уже писал, т.-е. пошли по одной карточке Марфуше (а также «Юрид. Вест.»). Когда ты получишь это письмо, то верно наступит уже Новый Год. А поэтому заранее плюю тебе, мужу и всем близким наилучшие пожелания. С приближением каждого Нового Года, в особенности в нашем положении, ждешь чего-то лучшего, хорошего и каждый раз разочаровываешься; это же, конечно, будет и в наступающем году. Тем не менее, нет-нет и мелькнет надежда — авось что-нибудь отрадное принесет Новый Год. Сколько таких разочарований, сколько Новых Годов придется еще пережить, пока свижусь с кем-нибудь из вас, близких! И свижусь ли когда? Мало, очень мало надежды. Но дай-то бог, чтоб это случилось, и не тогда уже, когда одной ногой будем стоять в гробу. Пиши же, дорогая, о себе, об окружающих, а главное, пересылай письма Марфуши, если она тебе пишет. В письмах ко мне она прежде всего жаловалась, что ты ей не отвечаешь, и она не уверена, доходят ли до тебя ее письма. Прошу тебя, старайся, поскольку можешь, скорее отвечать ей, а также и мне. Сердечный привет твоему мужу, расцелуй твою дочку. Пиши же, пиши.

VIII.

Около года, дорогие, как я не писал вам обстоятельно, ограничиваясь лишь открытыми письмами. На этот раз, как и всегда, произошло это не по моей вине, а, главным образом, по вашей: я не имел вашего адреса, так как Маня мне

не писала более года, почему я и не знал, куда писать. В этом отношении ты, Маня, очевидно, несправима. Я думал, что тебя уже нет в живых, — ничем иным нельзя было мне объяснить твоего упорного молчания, несмотря на несколько открытых моих писем тебе. Но вдруг на-днях получаю от тебя письмо с 30 руб. Я подозреваю, что у тебя обидное для меня предположение, будто мне интересно только получать от тебя денежные письма, а раз тебе нечего послать мне, то и не считаешь нужным ничего писать о себе. Если и в будущем это мое подозрение будешь поддерживать, то, право, рассержусь и буду отсылать тебе деньги обратно. Пойми ты, что мне приятнее знать, что ты жива и где ты находишься, чем получать после продолжительных тревог деньги. Но довольно об этом. Я надеюсь, что впредь ты хоть открытыми письмами будешь уведомлять о себе несколько раз в год. Неужели это так трудно? Я уже писал тебе в откр. письме, что мне не скоро быть в команде, что штат их ограничен 15 человеками, а всегда имеется вдвое большее число кандидатов. — На-днях был у нас из Петербурга ревизор (генерал ¹⁾), которому мы заявляли о необходимости расширить штат. Он обещал похлопотать об этом. Но, навряд ли что выйдет из этого. В общем он остался нами доволен, но нашел, что материальное наше положение хуже, чем в других местах, даже, напр., хуже, чем в Шлиссельбурге, где, по его словам, очень сносно. Результатов особенных мы не ждем от этой ревизии, но кое-какие облегчения, вероятно, будут. Впечатление генерал своей простотой, прямоотой и правдивостью произвел на нас очень благоприятное. О моем житье-бытье рассказывать собственно нечего. Нового почти ничего с прошлого года. Вот разве, что начальник новый (подполковник ²⁾) значительно лучше своего предшественника; очень он добрый, мягкий человек, всячески готовый улучшать наше положение, не стеснять нас. Он позволил Дмитру развести небольшой огородик, цветник,

¹⁾ То был присланный из Деп. Пол. Русинов; подробно о нем см. в «16 лет в Сибири». Л. Д.

²⁾ Это — Масюков, при котором, как известно, произошли ужасные трагедии на Каре из-за увоза Е. Н. Ковальской. Подробности — в «16 лет в Сибири». Л. Д.

где мы в свободное время гуляем, лежим с книгами, что в нашем положении является большим удовольствием, почему и лето незаметно уходит. Да и вообще летом лучше, — время быстрее идет. Жаль очень, что оно у нас непродолжительное, а зима — суровая, холодная, так долго-долго тянется!.. Зато усерднее читается, сидя за большим столом с лампой и попивая чай. Летом больше пробавляешься журналами и газетой («День»). С большим интересом следим мы за европейской внешней политикой, за всякими военными приготовлениями и сборами, и теперь, со вступлением на германский престол молодого Вильгельма, думаем, возможны в Европе серьезные события. Как видите, дорогие, мы все же не так отрезаны от мира, как это, вероятно, вам представляется, хотя нас и отделяет от вас огромное пространство. Много, конечно, остается от нас скрытым, многое доходит значительно позже, но все же наиболее крупное рано или поздно узнаем. Книжки также получаем, и, как я уже писал, брат получил, наконец, французские романы и Родбертуса, которые где-то завалились. Я им очень обрадовался, хотя далеко не все мне было в них легко и понятно: не совсем правильный и ясный язык у автора ¹⁾. Теперь мы можем получать иностранные журналы, которые, надеюсь, вы постараетесь нам прислать. Я уже писал много раз, что получил еще в прошлом году «Neue Zeit» за 1885, 1886 и 3 №№ за 1887 гг. и что прошу тебя, Павел, высылать дальнейшие №№, а также другие издания Дица (из Штуттгарта). Мне, признаться, несколько неловко, что я постоянно все свои письма наполняю просьбами о высылке тех или других книг; но, думаю, вы понимаете мое положение и не ставите мне этого в упрек. Кроме «Neue Zeit», мне хотелось бы получить английский журнал «To Day» или другой какой в этом же роде. (Присылать можно на адрес нашего начальн[ика].) А также «Jahrbücher für Soc. etc.» (Рихтера), в которых, Павел, была когда-то твоя статья. До нас дошел слух, будто с Тигричем [Тихомиров] произошла метаморфоза, будто он отрещивается от своих прежних убеждений.

---

¹⁾ Тут намек на не вполне разобранные письма химией в этих полученных книгах.

Правда ли это? В чем, собственно, он сознает теперь, что ошибался? Известие это очень взбудоражило и огорчило его поклонников, которых у него было много. Брат ждет от тебя, Марффуша, новых романов. Спасибо тебе большое, что ты единственный человек, не забывающий меня и аккуратно пишущий. Письма твои, хотя и краткие, доставляют мне большое наслаждение. Я уже писал тебе, как обрадовал меня известие, что у тебя есть литературная работа. Думаю, что твой очерк 60-х годов¹⁾ должен выйти хорошо; я бы многое дал, чтоб прочитать его. Тему, которую, по твоим последним письмам, выбрал Жорж — о Глебе Успенском, мне чрезвычайно нравится. Но, припоминая, что, бывало, вы, Жорж, говорили о ней, думаю, что мы с вами не согласились бы во взгляде на Гл. Успен., если он у вас остался тем же, каким был при мне: по-вашему, неполнота, нецельность его типов обуславливается тем, что он их берет в отживающей среде, а по-моему — потому, что сам он Kleinbürger. Впрочем, об этом долго и много пришлось бы расписывать, захоти я изложить свой взгляд. Во всяком случае, я уверен, что эта работа ваша будет очень интересна и поучительна, как, впрочем, все, что вам случалось писать. Ужасно жаль, горько, досадно, что к вам привязалась болезнь, мешающая вам целиком отдаться научным занятиям. Не буду расписывать, как огорчило меня известие о вашей болезни: я и до сих пор не могу примириться с этой мыслью. Только что узнал, что старик «Freund Peter»²⁾ скончался. Не ожидал я, что так скоро. Что он подельвал в последнее время? Как жил, с кем был близок? Он, должно быть, так и не успел окончить своего большого сочинения? А кому предоставил он свою библиотеку? Жаль его, — все же был хороший старик. А жив ли еще Фридрих Карлович? Находитесь ли вы с ним в переписке? Когда он собирается издать III том и полное собр. соч. своего друга? Обо всем этом и т. п. напиши, Марфа. Ты уже получила о «Кус[тарной] Пром.», собр. статей из «Русс. М[ысли]», а также получишь «Юрид. Вест.».

¹⁾ Т.-е. Первого Интернационала.

²⁾ Я имел в виду П. Л. Лаврова, слух о смерти которого, очевидно, преждевременно дошел до нас.

По-моему, в нем хотя и редко, но попадаются дельные статьи и заметки; я слежу за ним аккуратно. Собиралось нас несколько человек выписать «Вестн. Финан., Пром. и Торг.», — это, кажется, единственный орган, из которого можно знакомиться с нашим экономич. бытом. Очень бы хотелось получать что-нибудь подобное же на иностранном яз., напр., издание Hasse und Heidmann'a, Стюарта, да знаю, что вам трудно доставать такие вещи. Ну, не взывайте, дорогие, что пишу бессодержательно, — какова жизнь, таковы и письма. Постарайся, Мар[фа], чрез Сашеньку приобрести постоянный адрес. Кланяйся ей от меня и благодари за присланное белье. Что-то ты, Павел, совсем замолк? Или писал, да не дошли письма? Надеюсь, что скоро установится более аккуратная переписка с вами, и когда от всех вас буду получать письма, то и у самого больше материала найдется для ответов. Всего, всего вам всем хорошего. Прощу тебя, Маня, стать, наконец, аккуратной в переписке, не то, право, рассержусь. Я рад, что родился у тебя сынок, но напрасно ты дала ему такое имя: оно не нравится мне. Ты вот снимись с детьми и пришли мне карточку. Письмо это пошли младшей сестре. Кланяюсь всем близким и родным. Всего, всего вам всем хорошего. Целую вас крепко, крепко.

IX.

Карийск, 22 ноября (4 декабря 1890 г.).

Дорогой мой брат Павел! Из моих писем к сестре Марфуше ты уже, конечно, знаешь, что меня почти неожиданно выпустили в вольную команду. Я описывал уже свою жизнь на воле, и мне не хочется здесь снова повторяться. Скажу только, что пока очень много времени уходит на всякого рода хозяйственные работы и заботы, о которых вам, живущим в культурной стране, трудно составить себе ясное представление. Впрочем, ты поймешь их, если вспомнишь начало 70-х годов и хождения «в народ». Аналогичного с последним много в настоящей жизни, с тою лишь разницей, что тогда мы были молоды, смотрели иначе на крестьянский труд, были одушевлены «идеями», теперь же исполняем всякого рода хозяйственные работы по нужде, по необходимости. Работы эти не особенно трудны, а не-

которые из нас находят в них даже своего рода поэзию; но меня они подчас угнетают тем, что из-за них не только нельзя заниматься чем-нибудь серьезным, но даже просто следить за журналами и газетами. Я также писал уже Марфуше, что стараюсь найти себе частный заработок, отчасти затем, чтобы так. обр. освободиться от хозяйственных забот, но, к сожалению, до сих пор ничего не приискал и в будущем не предвидится. Сидя в тюрьме, я мечтал, что, очутившись на воле, смогу надумать и создать для себя какое-нибудь практическое, финансовое предприятие. Я воображал, как ты, вероятно, помнишь, что во мне таятся еще неуспевшие найти себе применения практические способности. Но или я глубоко заблуждался относительно этих своих способностей, или местные и мои условия неблагоприятны, и я решительно не знаю, на чем остановиться, что придумать для себя. Жить изо дня в день почти на всем готовом, исполняя только физическую работу, которую, при ничтожных расходах, можно нанять за бесценок, мне кажется довольно тоскливо, особенно, когда вспомнишь, что мне уже 35 лет. Не знаю, дорогой брат, поймешь ли ты мое состояние. Я не привык жаловаться, да, собственно говоря, мне и не на что, но все же скажу, подчас бывает очень грустно, именно из-за отсутствия практического дела, из-за сознания, что «годы уходят, все лучшие годы». Но довольно о себе. Авось, со временем что-нибудь и надумаю, приищу себе сколько-нибудь производительное занятие. От тебя я давным-давно не имел письма. Последнее твое письмо было с деньгами для Якова в прошлом году. Не думаю, чтобы пропадали твои письма, скорее всего ты сам виноват. Теперь, когда с выходом в вольную команду, я могу переписываться такими, как это, закрытыми письмами, надеюсь, что начнешь аккуратнее и чаще, чем прежде, писать мне ¹⁾. Обо мне и говорить нечего, что я буду, насколько это возможно при наших условиях, отвечать тебе. Ты знаешь, что меня очень интересует все, касающееся тебя, твоей семьи, близких, геноссов [немец. соц.-демокр.], все, что происходит на белом свете выдающегося,

---

¹⁾ Это ожидание совсем не оправдалось. П. Б. и В. И. все реже и реже стали писать. Л. Д.

о чем наши журналы и газеты сообщают очень кратко, а то и вовсе умалчивают. Я не знаю, каковы твои магериальные условия, в каком состоянии твое кефирное предприятие, расплатился ли ты уже с долгами и пр.? Марфуша обо всем этом давно уже ничего мне не сообщает. Мне также хочется знать, как идут твои занятия (литературные), что читаешь и пишешь, какие статьи поместил ты в вышедших номерах сборника «Соц.-Демокр.»? Ты писал мне, что головные боли не позволяют тебе сколько-нибудь долго заниматься и что тебе необходимо лечиться. Я не знаю, в каком состоянии теперь твое здоровье. Вообще, мне хотелось бы, чтобы ты написал большое и обстоятельное письмо о себе и семье, чтобы я имел ясное представление о вашей жизни и о препровождении времени. В противоположность вам, живущим среди разнообразных впечатлениями условий, почему с годами, естественно, ослабевает интерес к находящимся в другой части света близким, — у нас, наоборот, с годами все более усиливается и укрепляется интерес к родным и старым знакомым, начинаешь чувствовать к ним все большую привязанность, так как сознаешь, что снова не сможешь уже приобрести себе друзей. Ты поймешь, поэтому, что мои просьбы, как можно подробнее сообщать о себе и близких, не пустые слова, а искреннее желание знать все, касающееся их. Сообщи, что поделявают Булыгины и другие знакомые. Кланяйся всем им и передай им от меня всякого рода пожелания. О геноссах я знаю, сравнительно, очень мало. В газетах упоминалось, что у них должен был произойти Parteitag [партийный съезд] в Галле, но что там решили, — не знаю. Отчасти также из газет, отчасти из писем Марфуши знаю о происходивших среди них раздорах из-за празднования 1-го Мая, отношения к реформам Вильгельма II и пр., при чем старики — Бебель, Либкнехт и др., повидимому, чересчур уже тянули в сторону «умеренности и аккуратности». Но ясного представления обо всем этом у меня, конечно, нет. Ты бы превосходно сделал, если бы высылал какой-нибудь еженедельный или ежемесячный немецкий журнал, из которого я мог бы почерпнуть сведения о ходе дел у геноссов. Высланные тобою в прошлом году №№ «Neue Zeit» и, кажется, Jahrbüch. für Soc[ial] Wis[senschaft] до сих

пор еще лежат в Областном Правлении в Чите, так как туда были адресованы, но я еще надеюсь их получить. Сочинение Липперта о религиях я получил. Ты сообщай всегда предварительно или одновременно, что именно высылаешь мне. Тотчас, по получении этого письма, вышли, для пробы, 2—3 №№ за настоящий год «Neue Zeit» по следующему адресу: г. помощнику начальника Акатуевской тюрьмы в Карийск, Забайкальской области, Вост. Сибирь, для такого-то. Ужасно буду рад, если смогу следить за каким-нибудь немецким журналом. Ты представить себе не можешь, какое удовольствие доставило мне и другим товарищам получение мною №№ «N. Z.» за 1885, 1886, 1887 гг. Многие статьи из них были нами переведены и читались и переписывались с удовольствием. Особенно нравились статьи Каутского. Они, действительно, довольно талантливы. Статьи эти вызывали у нас продолжительные дебаты и толки и явились целым событием. Теперь, с прекращением действия исключительных законов против геноссов, думаю, у них будет издаваться масса интересных журналов, книг, брошюр. Прошу тебя, высылай, насколько возможно часто, все, могущее меня интересовать.

...Был у меня перерыв, почему не мог окончить письма: я с товарищем ездил вчера за сеном для наших коней, которых у нас 4. Эта поездка — своего рода продолжительное путешествие, нелишенное приятных и вместе тревожных ощущений. Покос наш, который мы же сами и косим, расположен в расстоянии 15—18 верст от нашего местожительства. Поэтому, чтобы поспеть обернуться туда и обратно с сеном, нужно выехать задолго до рассвета. Вставши в 4 часа ночи, мы в 5½ уже запрягли коней и в трескучий сибирский мороз (35° R), при лунном свете, поехали. Большая часть пути лежит по тайге (лесу, расположенному по холмистой местности), по которой тянется узкая лесная дорожка. Немало для любителя во всей этой обстановке поэзии и, хотя я не особенный ценитель ее, все же временами не мог удержаться, чтоб не поделиться с товарищем приятными ощущениями. Лишь только солнце взошло, мы уже доехали до наших скирдов, развели тотчас костер и стали накладывать на возы сено. У нас, как мало опытных в этом деле, работа двигалась медленно; наложивши два

воза, уселись возле костра завтракать захваченной с собой бараниной, пропустивши предварительно немного живительной влаги из бутылки. Часам к 2 пополуд., наложивши и увязавши все 4 воза, двинулись домой. Обратный путь довольно неприятен, тяжел: лошади еле двигаются, на частых под'емах то и дело останавливаются, приходится постоянно их понукать и поспегивать. А там, смотришь, то тот, то другой воз свернулся на бок, приходится его поднимать, каждую минуту боишься, как бы чего не случилось, не свалился бы воз в яму, не рассыпалось бы сено. Ко всему этому присоединяется усталость от ходьбы по глубокому снегу в тяжелой напяленной на себя обуви, чтобы не прозябнуть утром, когда туда едешь. Домой мы вернулись без всяких приключений часов в 6 вечера, отчаянно уставшими. Ну, вот я описал тебе одну из наших работ. Можешь по ней отчасти составить себе представление о нашем образе жизни. Теперь я дней на 10 свободен от всяких работ и могу читать. Ну, будь здоров. Кланяюсь и целую Надю, твою Верочку и всех близких. Смотри же, брат, пиши теперь чаще.

Твой *Лев Дейч*.

Сегодня только, 24 ноября, Дмитро, наконец, собрался и ушел на поселение. Почти 8 месяцев он, по собственному желанию, прожил здесь сверх срока. В пути он будет очень долго, если пойдет до Якутки. Он просил меня кланяться тебе и др., что я и делаю. Если он будет тебе писать, то, конечно, ты будешь с ним в переписке.

Х.

Карийск, 10/22 февраля 1891 г.

Дорогой мой брат! Вот уж несколько недель, как получил твое обстоятельное письмо о геноссах и лишь сегодня собрался тебе ответить. Причиной тому не лень, забывчивость или небрежность, а многие независящие обстоятельства; главным же образом то, что незадолго до получения твоего письма я послал тебе довольно большое письмо, и мне не хотелось повторяться. Письмо твое доставило мне невыразимое наслаждение, и я узнал из него много нового

о немцах, об их распре, о Галльском конгрессе и пр. Нечего и говорить, как бы я хотел, чтобы ты и впредь делился со мною сведениями о западно-европейском рабочем движении. Но ты, к сожалению, очень скуп на письма, хотя и правда, что ты пишешь мне «редко, да метко». Все же лучше было бы, если бы ты писал почаще. Много раз уже я повторял тебе и Марффуше эту просьбу, «но только все не в прок». Письма ваши для меня — одна из важнейших моих потребностей, и если я долго их не получаю, то чувствую себя очень скверно. Ты знаешь, как я к вам привязан: годы разлуки не только не ослабили моей привязанности, но, наоборот, усилили ее. Мне хотелось бы знать всякие подробности о вашей жизни, а вы в большинстве писем только вскользь о ней упоминаете. Вот и в последнем письме ты ни словом не заикаешься о своих материальных условиях, о своей семье, о своих работах. Обо всем этом и многом другом я подробно расспрашивал тебя в предыдущем письме. О своей жизни мне нечего рассказывать: в предыдущих письмах к вам я подробно описывал ее, а нового ничего в ней за это время не произошло. Впрочем, теперь, с приближением весны, т.-е. собственно с ослаблением жестоких морозов, значительно легче исполнять всякие хозяйственные работы: возить дрова, пилить и колоть их, топить печку, приносить воду и пр. Как я уже много раз сообщал вам, эти заботы отнимают значительную часть времени и внимания. С нетерпением поэтому жду наступления весны, которая, к сожалению, начинается здесь очень поздно — в апреле, а то и в мае. Зато как хорошо чувствуешь себя с наступлением тепла! Особенно после того, как 6 слишком лет встречал весну в тюрьме. О систематических занятиях я, кажись, также писал тебе, что здесь и думать нечего. Еле-еле прочитываешь от почты до почты получаемые журналы и газеты. Вот уже две недели, как получились №№ «Frankf. Zeit.», — вероятно, ты их прислал? — но я до сих пор не все еще просмотрел. Присылай их и впредь, но не такими кучами сразу, а дней за 7. В них все же больше интересного, чем даже в «Русс. Вед.» — лучшей нашей газете. Жаль очень, что нельзя получать «Berl[iner] Volkszeit[ung]», — там, должно быть, много интересного. Постарайся достать и присылай хоть какой-нибудь из демократических научно-филос[офских]

журналов. О своих занятиях и литературных ваших предприятнях ни ты, ни Марфа ничего не пишете мне. Я не знаю, имеют ли они успех; приобретаете ли вы сторонников? Я также не знаю, как обставлено это дело с материальной стороны, — обеспечено ли оно регулярными доходами, или держится оно случайными, неопределенными средствами? Много писали наши газеты о всяких строгостях, начавшихся в Швейцарии по отношению к русским. Не знаю, как эти меры отразились на вашем положении. С уничтожением в Германии закона против геноссов, они все, вероятно, покинули Швейцарию, и в ней, должно быть, настала еще ббльшая тишина и скука, особенно в твоём Цюрихе. Ты, правда, повторяешь слова Ул[ьриха фон-] Гутена, что теперь «весело жить на свете». Но это навряд ли относится к Швейцарии. Твоего взгляда на недалекое будущее, что лет через 5 «наступят роды», — геноссы станут руководить внутренней, а следовательно, и внешней политикой, — я не разделяю, находя его несколько оптимистичным¹⁾. Хотя отсюда и трудно составить себе верное представление об истинном положении дел, но все же думаю, что я ближе к истине, предполагая, что пройдет еще несколько 5-летий, пока они станут руководящей силой. Я вовсе не отрицаю их огромного значения уже и теперь в стране, их несомненно колоссального успеха и пр. Но именно ввиду указанных тобою же причин (сельского населения, слабого развития ремесленных союзов и пр.), думаю, потребуется еще немало времени для завоевания первенствующего положения. Во всяком случае, ты, конечно, прав, говоря, что они ближе теперь к цели, чем геноссы других стран, и время действительно интересное. Сообщи же, брат, и впредь сведения об общем ходе и положении дел геноссов.

Вот такая у меня к тебе просьба: одному из моих товарищей — резчику по дереву по профессии — нужны рисунки, образчики резчичьей работы. Поэтому прошу тебя постараться прислать сборник рисунков всяких мелких вещей, как-то рамок, постаментов для часов, спичечниц,

---

¹⁾ Под «родами» я имел в виду полную победу социал-демократов в Германии, о чем, очевидно, мне писал П. Б. Аксельрод, повидимому, чересчур преувеличивший успехи немецких социалистов.

альбомных крышек, табакерок и для письменных принадлежностей; словом, производящихся в Швейцарии деревянных резчичьих украшений. Этого товарища ты должен помнить по Одессе — его зовут Моисеем Поповым (рыжий). Он просит передать тебе самый «задушевный поклон». — Ну, всего, всего тебе хорошего, дорогой брат. Нижайший мой привет всем близким и друзьям. Смотри же, пиши теперь почаще, тогда и я буду иметь более верное представление о твоей жизни и жизни товарищей. Будьте же здоровы и насколько возможно счастливы. Крепко тебя и других обнимаю.

Твой Лев Дейч.

P. S. Не приводи в своих письмах цитат на немецком или каком другом иностранном яз., так как лицо, просматривающее нашу корреспонденцию, не знает их.

P. P. S. Уже когда совсем окончил это письмо, я получил от Марфы сравнительно довольно большое письмо (в 2 листа), от 2 января, в котором она об'ясняет, почему мало пишет, — причиной ее болезнь. Тем же она об'ясняет и то, что ты мало и редко пишешь. Мне теперь досадно и жалко, зачем я приставал к тебе и к ней с требованиями часто писать, — я не знал, что причина у вас очень уважительная. Ну, простите.

Примечание. Не знаю, дошло ли данное письмо по назначению, в чем увериться, ввиду разделявшего меня обширного расстояния, можно было лишь спустя несколько месяцев, я нередко повторял об одном и том же в следующих письмах. Это случилось и с настоящим, но так как в нем имеется и кое-что новое, то привожу его.

XI.

Карийск, 17 (29) марта 1891 г.

Дорогой мой брат! С предпоследней почтой получил от тебя 15 руб. и открытое письмо. Напрасно ты выслал эти деньги: я в них теперь вовсе не нуждаюсь, а тебе, при твоей огромной семье, они наверно нужны. Ты упоминаешь о присылке мне двух писем в последние месяцы. Я же получил только одно, правда, огромных размеров, в котором ты сообщал о Галльском конгрессе и вообще о геноссах.

Значит, другое пропало где-нибудь. Книг и, в частности, номеров N[eue] Z[eit], о которых ты упоминаешь, также не получал пока. «Frankf. Zeit.» пока получил только три раза, ты же сообщал, что высылал 4 раза. Газета эта мне нравится: в ней относительно попадает довольно сведений об интересующих вопросах из германской жизни. Но, конечно, несравненно лучше было бы, если бы можно было получать «V[olks] Z[eitung]» или что-нибудь в этом роде. Из нами получаемых русских газет («Русс. В.», «Нов. Вр.», «Заря») только первая дает иногда кое-какие сведения о европейских вопросах. Между прочим, в одном из последних ее №№ в корреспонденции из Германии сообщается о каком-то письме Маркса, помещенном в «N. Z.» и относящемся к середине 70-х годов, в каковом письме, будто, Маркс разносит программу геносов. По словам корреспондента, письмо это возбудило в Германии раздоры и разногласия в среде геносов, из которых одни негодуют, зачем Маркс был так несправедлив к этой партии; другие, наоборот, согласны с его критикой; буржуазные же газеты, будто бы, ликуют и печатают статьи под громкими заглавиями: «Соц.-дем[ократы], разбиваемые их пророком — Марксом!». Сообщи, брат, подробнее, в чем дело. Трудно понять, не зная всех обстоятельств, зачем Энгельс и Элеонора Маркс-Эвел[инг], являющиеся душеприказчиками Маркса, дали напечатать такое письмо, которое могло внести раздоры и споры? С другой стороны, зачем редакция «N[eue] Z[eit]», конечно, солидарная с программой геносов, напечат[ала] такое письмо? Словом, здесь что-то упущено, неверно сообщено корреспондентом. Лучше всего было бы, если бы ты привел в переводе это письмо. «Русс. Вед.» очень добросовестная и чисто плотная газета, и ее корреспондент из Германии ¹⁾, очевидно, человек сведущий, но и ему, повидимому, свойственно ошибаться. Я с удовольствием прочитал сравнительно довольно подробный отчет о конгрессе во Франкфурте социал-политиков, — какие среди них разногласия, как окончательно дискредитируются они, до чего нагло-откровенны речи представителей буржуазии! Меня инте-

¹⁾ Этим корреспондентом, как известно, был Иолос, впоследствии убитый черносотенцами.

ресует все, касающееся германской народной и общественной жизни. Но, к сожалению, при наших условиях трудно почерпать обстоятельные об этом сведения. В этом отношении могли бы отчасти пополнять наши источники твои и Марфюшины письма. Но ты пишешь крайне редко, хотя и обстоятельно; она, наоборот, хотя, сравнительно, часто, но необстоятельно. Я знаю, что вам и трудно иначе писать, все же это очень грустно: боюсь, что могу отстать от века, от заграничных интересов. Здешние условия крайне располагают к грубо-материальной жизни, к прозе. В этом отношении даже тюрьма более благоприятна: в ней, как давно известно, человек сохраняется, она располагает к идеализму, теоретизированиям, поддерживает философское отношение и интерес к обще-мировым вопросам. Материальные же интересы крайне мало занимают. Здесь, наоборот, человек невольно, глядя на окружающую его среду, втягивается постепенно в заботы о заработке, о более или менее удобной обстановке, и, смотришь, вскоре, кроме будничных вопросов, его мало что интересует. Положим, я отчасти застрахован от этого индифферентизма, как вследствие своего характера и прошлого, так и благодаря вам; все же, чем чорт не шутит?! Ты, конечно, не подумай, что я уже чувствую отсталость, одичание, — нисколько. Наоборот, как я уже сказал, я живо интересуюсь всем, происходящим в среде геноссов, на белом свете и вообще западно-европейской жизнью. Но от обще-теоретических занятий поневоле приходится здесь отказаться. В тюрьме я довольно сильно интересовался так наз. этнографией, первобытными учреждениями, культурой и т. п., сравнительно, довольно много прочитал из относящегося к этим областям. А вот с тех пор, как вышел в команду, не прочитал ни одной книги из этой категории и, вообще, кроме журналов и газет, почти ничего не успеваю прочитать. Это — в первое полугодие по выходе в команду. Что же в таком случае будет дальше?! — Но боюсь надоест тебе беседой о себе. Что же ты теперь подельываешь? Статью для № 4 «Сборн.» ты, вероятно, давно уже окончил, а так как, по словам Марфы, дальнейшего выпуска книжек не придвидится, то имеешь, вероятно, много времени, чтобы самому заниматься, следить за европейской жизнью и пр. Досадно крайне будет, если

вы не сможете продолжать издания. Неужели выпешшие №№ и возбужденный ими у читателей интерес, о чем упоминает Марфуша, не способствуют отысканию средств для продолжения издания? Чрезвычайно интересно было бы познакомиться с выпешшими №№. — Ты спрашиваешь, получил ли я что от Ани? Решительно ничего, несмотря на то, что по[сле] выхода в команду я ей написал. Кстати, спроси ее, получила ли она мое письмо, и сообщи мне. Сообщи также, где и что поделывают Соня, Августина и Титыч ¹⁾. Я потерял их с тех пор, как они вернулись домой. Непременно подробно изложи, в каком положении твое кефирное предприятие, а также, как поживает Надя, Верочка и кто еще из твоих родных живет с вами? — Ну, вот опять пришла почта, а ни «Frank. Zeit.», ни обещанных тобою книг нет. Уж не знаю, кто или что тому причиной. — Из старых твоих знакомых здесь со мною кажется только Яни ²⁾, с которым мы сравнительно хороши. Он вполне разделяет наши воззрения относительно геноссов и всего другого, но у него имеются все же и «мухи», как здесь выражаются, т.-е. своего рода заблуждения, пристрастия. Между прочим, мы иногда спорим с ним насчет Михайловского, которому, по-моему, он приписывает лучшие воззрения, чем каковы те тот имеет. Передай Марфе, что ее письмо, в котором она отвечает насчет моих воззрений о «нравственности» крестьянской молодежи, я получил, но, признаться, не совсем понял. Ей я отвечу в следующий раз. Ну, будь здоров, дорогой мой брат. Крепко целую тебя и всех близких. Пиши, насколько можно часто. Любящий тебя

Л. Дейч.

XII.

Карийск, 31 марта 1892 г.

Милая, хорошая сестра моя! С одной из предыдущих почт получил от тебя письмо — ответ на мое — по поводу

¹⁾ Соня и Августина Каминеры — сестры Надежды Исааковны, жены Пав. Бор.; Титыч — известный бывш. земледелец Тищенко; все трое, по возвращении легально из-за границы в Россию, были арестованы вследствие оговора Г. Гольденберга и высланы в Зап. Сибирь.

²⁾ «Яни» — псевдоним Самуила Мейера, осужденного одесск. воен.-окр. судом к бессрочн. каторге весной 1883 г.; насколько знаю, живет ныне в Одессе.

нравственности деревенской молодежи. Я много раз перечитывал его, но, признаться, не вполне понял, что ты собственно хочешь сказать. Но об этом я пока не буду распространяться. Проплавленная почта принесла мне целое богатство: Павел прислал 4 т.т. «Сageu» и письмо. Большое ему спасибо за то и другое. Пока не собрался еще ему ответить, так как писал ему с одной из прошлых почт. Передай ему, пусть и впредь присылает подобные же произведения¹⁾. Буду ждать с нетерпением продолжения. Я, конечно, не успел еще прочитать всего, но многое, наиболее интересное, уже просмотрел и составил себе понятие о характере этого издания. Не скажу, чтобы оно было восторженное, как я ожидал, судя по твоим сообщениям о «шумных дебатах». Даже статья о «Tschernischew.» [Чернышевском]²⁾ не привела меня в восторг: я нахожу в ней много повторений, расплывчатости и излишнего нагромождения побочного материала. Местами даже слаба: очевидно, автор не сумел справиться со столь богатой темой³⁾. По замыслу и чувству, которое руководило автором, хороша статья о «Молод. из бурж. среды»⁴⁾, но слог тяжелый, немецкий, чему я очень удивляюсь, так как этот автор всегда писал легко. Но это — одно из лучших произведений: много в нем верных мыслей, не говоря уже о чувствах автора, очень симпатичных. Я уверен, что оно многих заставит подумать и задуматься. Зато произведение Тамаг'н⁵⁾ очень слабо и скорее годится на страницы какого-нибудь «Petit Journal»⁶⁾. Я даже удивляюсь, зачем оно помещено, разве для наполнения пустых страниц: ни художественности, ни верности исторической. Читая эти главы, не верится, что это о знакомой среде; это скорее похоже на страничку из истории

1) В переплетах этих книг были заделаны сборники «Соц.-Дем.».

2) Ради конспирации я написал это латинскими буквами.

3) Нечего, полагаю, говорить, что я вынес тогда самое неверное представление об этих замечательных статьях Г. В., что могу теперь объяснить окружавшей меня сплошь народольческой средой, разославшей Плеханова вдрызг, что отчасти передалось и мне.

4) Понятно, что я имел в виду ее статью «Революционеры из буржуазной среды».

5) Тамаг'н, т.-е. С. Кравчинского-Степняка, отрывок из «Андрея Кожухова».

6) Парижская бульварная газета.

карбонариев. Не подумай, дорогая, что я в «разносительном», придиричивом настроении. Но, право же, произведение это очень слабо, слабее, чем я ожидал, и я не удивляюсь, почему английские издатели не соглашались, как ты сообщила, напечатать его. Слабы также статьи Marx-Aveling и Engels'a; произведение последнего о дипломатии к тому же не верно с фактической стороны; он подчас на свой манер подчасовывает исторические события. Кстати о нем. В «Русс. Вед.» напечатано, что в «N[eue] Z[eit]» он поместил резкий отзыв Marx'a о Лассале, частью писанный 15 л. наз., и что это письмо вызвало целый переполох как среди рабочих, так и в буржуазной прессе, что Либкнехт разнес за этот «нелюбяльный» поступок Энгельса. Решительно не могу понять, зачем ему понадобилось поднимать старые дрязги? Сообщи, что ты знаешь об этой истории? — Только теперь узнал о тяжелой болезни Дрезденского юноши¹⁾. Я ничего из твоих писем не знал о нем и думал, что вы его совсем потеряли из виду. Сообщи, если знаешь, его адрес. — Хотя я много читал в рус[ских] и польских газ[етах] и жур[налах] о парижском рабочем конгрессе, но статья нового левого гегелиан[ца] очень мне понравилась, кое-что в ней мне было неизвестно, напр., речи 2-х «интеллигентных» представителей, и вообще она написана хорошо. Это, пожалуй, одна из лучших статей. Здесь произвело некоторое впечатление сообщение из газет о статье Тихомирова, напечатанной в № 1 «Русс. Обоз.», — «Нужна ли нам фабрика?», где он доказывает преимущества крупного производства, которое он считает не только желательным, но и необходимым. Товарищи шутят уже, говоря, что и он превратился в левого гегелианца, хотя, конечно, понимают, какая разница между его желанием и — первых. Но довольно все о литературе. Перейдем к более прозаичным вещам. — Ты обещаешь выслать мне часы, чему я очень рад. Но имей в виду, что 1) я хочу получить очень хорошие, верно идущие и, во-вторых, не хочу, чтобы ты на них издерживала свои заработанные деньги. Если не имеешь возможности достать специально для этого от кого-нибудь из приятелей или доброжелателей, то напиши, сколько рублей нужно, и я по-

---

1) Т.-е. О. Е. Слободского.

стараюсь выслать отсюда, хотя это и очень неудобно и хлопотливо. Я, кажется, писал тебе, что, с выходом в команду, получил от Сашеньки ¹⁾ несколько писем (денежных) и посылку. Но вот теперь нам опять запрещено переписываться с не-родственниками, а так как мне трудно доказать родство с нею, то приходится прервать с нею переписку, что меня очень огорчает: письма ее бывали довольно интересны, хотя исключительно личного характера — о ее жизни, заработках, о Вите и т. п. К тому же она единственное лицо в России, с которым я переписывался: сестра Маня года 11½ уже как не пишет мне. От Дмитра я также давным-давно не получал письма и даже не знаю, где он и что с ним. Если получишь какое от него известие, сообщи мне подробно, указав, откуда оно и от какого времени. Павлу передай, что «Frankf. Zeit[ung]» я только три раза получил, а также 15 руб. от него же. Получил ли Мойша ²⁾ присланные ему его родственниками книги, наверно не знаю, но, кажется, нет ³⁾. Ну, пора кончать письмо. Надеюсь, что теперь у вас уже прошли те страшные холода, о которых ты писала в предыдущем письме; сегодня 31 марта (12 апр. по вашему), твоя годовщина ⁴⁾, если не забыла. Не знаю, как ее отпраздновать, вероятно, куплю водки и выпью за твоё здоровье чарку-другую. У нас пока ещё холодно, хотя снег почти и оттаял. Всегда скверно чувствую себя ранней весной, то же начал было уже чувствовать на прошлой неделе, когда присланные немецкие книги развлекли меня. Ну, будь же здорова, милая, дорогая моя. Крепко, крепко обнимаю тебя. Пусть Жорж не сердится за резкий и, вероятно, несправедливый отзыв о его детище: мож[ет] быть, вчитавшись серьезнее, я признаю, что ошибся в своем заключении. Павлу напишу особо с одной из следующих почт. Пока

¹⁾ Алек. Иван. Успенская, сестра Веры Ивановны Засулич. Витя — ее сын, тогда студент, впоследствии — врач.

²⁾ Революционный псевдоним Аарона Исаак. Зунделевича.

³⁾ Затем следуют десять строк, тщательно зачеркнутых, очевидно, тюремным чиновником. О чем я в них сообщал, мне, конечно, невозможно восстановить, но вероятно о чем-нибудь, относившемся к условиям нашей жизни, порядкам и т. п.

⁴⁾ Годовщина оправдания ее судом присяжных по делу о ее покушении на ген. Трепова.

целую и благодарю его очень. Мой сердечный привет и наилучшие пожелания всем вам, мои дорогие. Сообщи, какова дальнейшая судьба вашего предприятия. Есть ли надежда на его продолжение. Ну, еще целую всех вас.

Любящий тебя безгранично брат твой

Лев.

ХIII.

Кари́йск, 15 (29) [апр.] 1892 г.

Дорогой мой брат! Недели две назад получил твое письмо, начатое еще в конце прошлого года и оконченное в этом году, повидимому, в Морнэ. Не могу, брат, не выразить своего неудовольствия, что ты так медлишь с ответами и вообще редко пишешь: ты ведь знаешь, какое удовольствие, — нет, больше того, — какую для меня потребность составляют твои и сестрины письма. Она, правда, пишет чаще, но, как знаешь, крайне лаконична и скупа на сообщения могущих меня интересовать известий, слухов и пр. От Дм[итра] я также не получаю писем, но — не вследствие его лени или забывчивости. Так, обр., как видишь, я остаюсь почти совершенно вне связи и общения с близкими, а это для меня большое лишение. Знаю, конечно, все, что «ты можешь сказать в свое оправдание», и, принимая это во внимание, могу быть объективным, беспристрастным. Но временами, признаюсь, сержусь и отпускаю мысленно неодобрительные эпитеты на ваш счет. Но, бог с вами. Последнее твое письмо, хотя и касается почти исключительно прозаического дела — кефирного твоего предприятия, — тем не менее показалось мне очень интересным, благодаря его обстоятельности, за каковую я приношу тебе даже благодарность: ты ведь знаешь, что я мню себя скрытым, «потенциальным финансистом», которому лишь обстоятельства помешали применить на деле свои «способности», а то и «таланты». Меня интересует техника и организация всякого сколько-нибудь крупного промышленного предприятия, даже когда оно не имеет никакого отношения ко мне или к кому из близких мне, а просто по объективному интересу. Тем сильнее этот интерес, когда данное предприятие — дело близких мне людей. Фактическими данными ты уяснил мне общее поло-

жение твоего заведения, его размеры и отчасти — организацию. (Признаюсь, я с удовольствием читал о некоторых приемах, указывающих на то, что у вас есть стремление поставить дело широко и пользоваться некоторыми улучшениями и усовершенствованиями, напоминающими крупное предприятие: телефон, газовое освещение, объявления, филиальн. отд.). Но я все же не могу понять, почему это предприятие, в конце концов, дает ничтожные, а то иногда и никаких доходов и даже — убыток? Я не могу понять, в чем причина этого положения? Если на кефир есть у населения спрос, то оно должно в среднем оплачивать его так, чтобы покрывались все издержки с известной чистой выручкой; а если его нет, — тогда, за 7—8 лет твоих усилий, ты должен был убедиться, что вызвать необходимого спроса ты не можешь, не в силах, а следов., при малейшей возможности нужно развязаться с этим предприятием и не тянуть канители, как ты мне описываешь ее. Ты скажешь, конечно: «тебе легко, будучи вдали, сплеча, так скоро решать — взял, мол, да бросил, раз убедился, что невыгодно; а будь ты здесь, сам бы увидел, что тут перепутана целая масса причин и условий, мешающих так легко развязаться». Я даже отчасти и догадываюсь об этих причинах, но все же думаю, что или само это предприятие не может быть прибыльно, или в ваших приемах, средствах и условиях есть недостатки. В первом случае, как я уже сказал, остается только бросить, не льстить себя надеждой, не тянуть времени, а во втором — надо сделать все от вас зависящее, что, я уверен, вы давным-давно и сделали. Но довольно пока о кефире (ты, однако, время от времени, делись со мною сведениями о ходе этого предприятия). Поговорим о другом, о заведении Рольника. Ты меня обрадовал сообщением, что оно пережило кризис, и что есть надежда на улучшение дел фирмы ¹⁾. Я теперь не имею никакого представления о положении дел этой фирмы, — ты и сестра крайне лаконичны и даже — пифичны: какие-то у вас намеки, упоминания, высказывания надежд, а «зачем и про что», как говорит один мой знакомый, «не-

---

¹⁾ «Заведение Рольника» — жевевская типография группы «Освоб. Труда». Слово «фирма» тоже употреблено из конспиративных соображений, для отвода глаз.

известно». Сестра, напр., упоминает о поездке Жоржа в Париж на свидание с кем-то из родственников. Но какое это может иметь отношение к заведению Рольника, на что она намекает, мне, непосвященному, конечно, ни в жизнь не сообразить. Нет, брат, скверно, будучи отделенным от близких тысячами верст, сохранять живой, сильный интерес ко всему, что их касается! Тогда еще интенсивнее чувствуешь неприглядность своего положения, невозможность быть спокойным, «уравновешенным». Мне хотелось бы знать обо всем, вас занимающем, а тут — в месяц «по столовой ложке» — получаешь пифические и лаконичные намеки на ваши условия, интересы. Руки опускаются, не хочется браться за перо, чтобы писать вам, зная, что все мои просьбы, старания вызвать у вас охоту писать подробнее и чаще пропадают даром. Да и о чем могу я писать, не получая от вас импульса?! Условия моей жизни я давно и много раз описывал. О моих занятиях много не распишешься: почитываю книжки, да что толку в этом? Кстати, теперь читаю Брайса — Американ. конст., обстоятельное и интересное с фактической стороны сочинение, но личные взгляды автора, его восторг перед тамошними порядками у меня, наоборот, почему-то возбуждают антипатию к этой стране. По этому поводу у меня здесь происходят часто споры с одним товарищем, большим поклонником С.-А. Соед. Штатов ¹⁾. Но у нас сравнительно ограниченные сведения и источники. Не можешь ли у геноссов узнать и достать сочинения по этой части? Читал ли ты книжку Либкнехта о его путешеств. в Америку и как думаешь, можно ли мне рассчитывать на ее получение? Присланное тобою давно сочин. Сарториуса фон-Вальтерсгаузена об америк. рабоч. союз. мне в общем понравилось. Можешь, если есть, прислать и др. в этом роде. Посланные давно родственниками Мойше немец. книги (статист. Швейцарии) и др.) он получил, и мы прочитали их с большим интересом ²⁾. Можешь, и даже прошу, прислать другие сочинения в том же роде. — Ты упоминаешь о письме ко мне

¹⁾ То был безыизвестный Фаддей Рехневский, осужденный в Варшаве на каторгу по делу «Пролетариата» в 1887 г. См. о нем в кн. «16 л. в Сибири».

²⁾ В переплетах этих книг также был заделан «Сборник Социал-демократа».

твоего шурина (как его фамилия?), написанном в июне, но я такового не получал¹⁾. Ну довольно. Посылаю наилучшие пожелания всем, всем близким. Целую тебя и других много и крепко.

Твой брат *Лев*.

Сестре скажи, что я ей недавно писал и на прошлой неделе получил от нее письмо. Жду от нее извещения о результатах поездки Жоржа и вообще о делах заведения Рольника.

XIV.

Карийск, 19 сентября [1 окт.] 1892 г.

Дорогой мой брат Павел! Последнее твое письмо, так же, как и предыдущее, почти целиком посвященное твоему кефирному предприятию, я довольно давно получил, но до сих пор все никак не мог собраться, чтобы тебе ответить. Отчасти тому причиной всякие житейские мелочи, отчасти — настроения и лень. На этот раз не буду касаться твоего заведения, так как последним письмом ты выяснил кое-что, оста[ва]вшееся мне непонятным. Скажу только, что вполне понимаю и искренно сочувствую твоему нравственному состоянию, обуславливающемуся, как ты пишешь, «ложным и двусмысленным положением», каковое ты занимаешь вследствие «несоответствия между кажущимся внешним видом и действительностью»²⁾.

¹⁾ После этого десять строк тщательно зачеркнуты. Просматривавший тогда нашу переписку тюремный служащий, некий Похорук, о котором я сообщаю в кн. «16 лет в Сибири», пропускал очень опасные, с точки зрения правительства, места и зачеркивал неимевшие никакого политического значения сообщения о мелочах, — просто по невежеству.

²⁾ Как я уже когда-то сообщал, П. Б., вместе с женой и свояченицей, не покладая рук, работали в устроенном ими кефирном заведении с раннего утра до позднего вечера, тем не менее они перебивались с хлеба на квас, еле будучи в состоянии сводить концы. Несмотря на это, «добрые люди», даже знавшие обо всем этом, находили возможным распускать слухи, будто Аксельрод превратился в «буржуя», изменил своим взглядам и т. п. Все это его, понятно, крайне огорчало.

Мне приятно, что ты считаешь меня способным «поставить с самого начала это предприятие так, чтоб оно давало на жизнь не одному только твоему семейству (с компаньоном)¹⁾, а при невозможности этого, зажать другим рты и тебя нравственно успокоить». Не берусь решить, насколько верны эти твои лестные обо мне представления, но одно могу сказать, что оставайся я с вами, то, конечно, употребил бы все мои способности на поддержание как твоего материального, так и морального состояний. Думаю, однако, что твое представление несколько преувеличено. Говорю это не из понятной скромности. Ну, да это не важно. — Жаль, что ты так лаконично сообщаем о результатах поездки Жоржа в Париж, о примирительных переговорах с тетушкой Сарой; жаль, что раз начатые по твоей инициативе переговоры ничем существенным не окончились²⁾. Грустно также, что вот уже 10-й год, как существует фирма Рольника и К^о, а, как ты пишешь, до сих пор это предприятие «далеко от процветания, что в значительной мере зависит от отсутствия деловитого директора». Вообще, я должен тебе сказать, что о ходе дел этой фирмы я имею, быть может, еще менее ясное представление, чем о твоём кефир[ном] заведении, так как Марфа еще значительно лаконичнее сообщает о нем, чем ты о своем. Мне представляется крайне мизерным производство этого заведения. Я даже не знаю, увеличилось ли и насколько его производство? Продолжается ли старое производство или взялись за новые образцы? Увеличилось ли число потребителей и участников и насколько? Помогают ли вам родственники с родины и пр.³⁾ Ты в последнем письме говоришь только о «моральном завоевании». Но ведь без «материального» приобретения одно моральное далеко не достаточно. Отсутствие «деловитого директора» также ведь

¹⁾ «Компаньоном» стал Саул Гринфест, о котором сообщено в № 1 нашего Сборника.

²⁾ Как теперь известно из разных печатающихся материалов, целью поездки Георг. Валент. в Париж были переговоры о сближении с тамошними народовольцами, — главным образом с Лавровым и с Мар. Ник. Ошаниной, которую ради конспирации мы и называли тетушкой Сарой (из ром. Шпильгагена «Один в поле не воин»). Переговоры эти ни к чему не привели.

³⁾ После приведенных мною в предыдущих письмах объяснений, надеюсь, понятен смысл всех перечисленных здесь вопросов.

может быть объяснено «непроцветанием», недостаточной привлекательностью этого предприятия, т.-е. если бы дела шли хорошо, то не было бы недостатка в деловитых людях. Словом, это какой-то заколдованный круг, и, во всяком случае, получается далеко не отрадная картина, когда вспомнишь, что почти десять лет прошло с момента основания этого заведения. Я надеюсь, что раз ты решишься посвятить меня в подробности этого предприятия, то я больше узнаю и скорее пойму причины его не процветания, чем из писем сестры. — Очень обрадовало меня твое сообщение о питерских увриерах, которые 3 мая (нов. ст.) хорошо выдержали экзамен по предметам геноссовщины¹⁾. Об этом отрадном факте, как и вообще о родственниках, живущих на родине, я давным-давно решительно ничего не слышал, и чувствую себя как бы совсем оторванным от родины. Сестра Маня пишет мне раз в год-два, да и то всегда наполняет письма одними лишь самооправданиями и объяснениями своего продолжительного молчания. Я бы очень хотел, хотя изредка, получать от тебя обстоятельные письма общего характера, как, помнишь, бывало раньше, когда я сидел в тюрьме. — Ну, как твое здоровье, как идут твои занятия? Все ли продолжают головные боли и мешают ли тебе бессонницы работать? Ты в последних письмах ничего мне не пишешь лично о себе. Что ты читаешь, что нового в литературе? Как бы я хотел хотя знать по слуху, если не лично прочитывать, что [именно] сколько-нибудь выдающегося появляется! Нет, вы с Марфушей ужасно скупые личности: не хотите со мною делиться даже такими сведениями! Отчасти поэтому и у меня пропадает охота своевременно отвечать на ваши письма. Ты должен, ведь, помнить, что я был аккуратен в переписке, а теперь она, ввиду моего положения, приобрела еще большее для меня значение. Но возвращусь к литературе. Мне попадались благоприятные отзывы и интересные выдержки из «Zentralbl. für Socialpol.». Знакомо ли оно тебе? Думаю, ввиду наших условий, что оттуда я мог бы почерпнуть интересующие меня факты.

---

¹⁾ Кажется, ясно, что я имел здесь в виду первое празднование петербургскими рабочими первого мая. «Геноссовщина» — товарищество, международная солидарность.

Сообщи, не получает ли его кто из твоих геноссов, и можешь ли мне его по прочтении пересылать. Недавно попало мне сообщение, что Бебель пишет большую книгу об истории их увриеров. Правда ли это? Думаю, что у него выйдет это очень интересно, и мне страсть как хотелось бы прочитать ее. Но что в том толку?! — О себе скажу немного. Живу по-прежнему, ни в чем, кроме интересных книг, особенно не нуждаюсь, понемногу занимаюсь, читаю. За отсутствием более свежих материалов, невольно принялся за Истор. Госуд. Росс.—Соловьева. Это—29 т.т., и даже сидя в тюрьме, при всей монотонности тамошней жизни, я не решался приниматься за это сочинение, так как были более интересные, а тут, как видишь, приходится чуть ли не за библию браться, так мало (или почти никаких для меня) более животрепещущих сочинений. — Я, помнишь, писал тебе (и сестре), что был план нас переселить в другое место; теперь это намерение оставили, и мы по-прежнему будем жить здесь, чему я (и др.) очень рад, так как вовсе неприятно менять насиженное место, имеющее много хороших сторон, на неизвестное новое. Пора кончать. Пиши же, по возможности, обстоятельно как о близких, так о геноссах, литературе и т. д. Всего вам всем наилучшего. Семье твоей и всем, помнящим меня, мои особые поклоны и пожелания. Целую тебя. Твой брат *Лев*.

XV.

Благовещенск, 11 (23) февраля 1900 г.

Дорогой брат! Я очень обрадовался твоему письму, хотя в первую минуту, признаюсь, испугался: увидев, что почерк не сестры, подумал, что с ней что-нибудь нехорошее стряслось. О ее здоровье дошли до меня еще летом печальные слухи (через сестру нашей общей знакомой — зубного врача Цецилии Самойловны). — Ты ошибаешься: я не приписываю твоего молчания изменившемуся с твоей стороны ко мне отношению, — я объяснял это приблизительно так, как ты сам сообщал. Я же не писал, потому что был уверен, что сестра делится сведениями с тобою, а жизнь моя все время до того однообразна, что не дает материала, чтобы не повторяться, для разных тем, особенно, когда почему-

нибудь прерывается переписка, — что, впрочем, почти никогда не случалось по моей вине. Я рад твоему намерению впредь вновь не прерывать со мною переписки. Надолго ли только у тебя его хватит. Впрочем, м[ожет] б[ыть], теперь ты действительно будешь аккуратнее, так как обстоятельства несколько изменились в более благоприятную для переписки сторону. Ты и сестра, повидимому, придали чересчур большое значение маленькому огорчению, выпавшему из-за переписки общего друга о его мечтаниях ¹⁾. Сестра, очевидно, его не поняла и, конечно, не хотела его огорчить, но случай исчерпан. Ты же чрезмерно расписываешь будто бы присущие другу необыкновенные качества, каковых он положительно не имеет, хотя, говорят, он вовсе не отличается скромностью и самоуничижением. Своим эзоповским языком он хотел только сообщить сестре, что хорошо было бы ему на старости очутиться среди близких, при условии, конечно, быть в состоянии зарабатывать каким-нибудь способом на пропитание, к чему он пока еще чувствует себя способным как в физическом, так и в других отношениях. Вообще он вполне бодр и здоров. Намерения у него, как видишь, очень скромные, но осуществляются ли они и когда — большой вопрос: может быть, года через два, а может, и еще того позже. Обстоятельства заставляют его откладывать план осуществления свидания с родителями, пока он не накопит нужной для поездки суммы (руб. 1.000), что, собственно, было бы для него вовсе нетрудно, если бы он умел скрабничать, экономить, и если бы на каждом шагу не попадались ему нуждающиеся. Состоит он теперь фактическим редактором вновь основанной здесь газеты [экземпляры] которой я на-днях получил обратно из Цюриха и вновь тебе их переслал (на адрес: Mühlegasse, 33.). Там много его статей и заметок по разным вопросам и отделам. Труд этот должен оплачиваться 200 р. в месяц, но так как издатель — чело-

¹⁾ Под этим я имел в виду сборы бежать, о чем и сообщил Вере Ив-не; она сперва, не поняв цели моего намерения бежать только за границу, предположила, что я собираюсь ехать на нелегальную работу в Россию в качестве «литератора-полемиста», стала отклонять меня от этого намерения и сделала это в несколько раздражительном тоне, что меня очень огорчило. Подробно весь этот инцидент изложен в письмах ее и П. Б. Аксельрода, помещенных в № 4 наших Сборников.

век прекрасный — сам перебивается с хлеба на квас, то и друг наш не получает условленной суммы, надеясь — впрочем, без особенных шансов, — что, если дела у издателя вдруг изменятся к лучшему, он сразу сделается обладателем желанной тысячи (теперь за тем уже целых 400 руб.!). Но все, конечно, «мечты, мечты». Так-то обстоит дело, по поводу которого в переписке с сестрой вышло упомянутое разногласие или взаимное непонимание. Ты, в сущности, тоже, повидимому, не вполне понял его, приписав ему «организаторские способности» и заявив, что «он один мог бы нам теперь еще оказать» услугу. Поверь, брат, что, если бы друг наш хоть приблизительно смотрел так на себя, — он давно уже оправдал бы ваше мнение, не остановился бы перед ограниченностью своих средств (да и их скорее собрал бы). Потому-то его и разбирает раздумье, — стоит ли покидать насиженное место, где он легко находит, сравнительно, большой заработок, чтобы вновь очутиться в стране, где будет совсем неприспособленным к трудовой жизни. Не думай, что на него время нагнало апатию, равнодушие или упадок сил: он только стал, если можно так выразиться, осторожнее, рассудительнее и представляет себе неизвестные еще условия приблизительно такими, какими они были при нем. — Теперь, надеюсь, ты его понял, а затем будем, вероятно, еще возвращаться к этой теме. — Дмитро недавно должен был послать деньги для сестры на адрес: Mühle-gasse, 33. Herrn Paul; на всякий случай, справься об этом на почте и сообщи, что это — для тебя. Мы с ним очень беспокоимся относительно ее материального положения; от нее, конечно, ничего толком не узнаешь. Поэтому прошу тебя сообщить прямо, без утайки, нужно ли ей посылать деньги? Как она живет, как ее здоровье, как проводит время и пр.? За это я и Дм[итро] скажем тебе большое спасибо. — От тебя Дм[итро], кажется, не получал писем, так как он сообщил бы мне. Теперь перешлю ему твоё ко мне, — он будет рад; я пересылаю ему и сестрины. Он очень далеко от меня, в Якут. обл. на уроке и копит деньги для возвращения на родину, а также для поездки на воды — у него разные болезни — мигрени, геморрой. Думает и ко мне заехать (это тысячи 3—4 вер.!), но собирается он уже 4—5 лет, а все не может выбраться: мы с ним не виделись

уже более 10 л., но, конечно, все время поддерживаем деятельную переписку. — Здесь из старых — Синегуб, недурной человек с многочисл[енным] семейством; он, как и все, нашего российского, эклектического направления. Единомышленников у меня — никого, но я уже привык к этому, хотя временами и тяжело бывает от такого одиночества. Как же ты поживаешь? Как твое здоровье, как чувствуешь себя? Каковы твои материальные дела? Сколько у тебя детей и где они обретаются, где учатся? Как поживает Надя? Что подделывает? Поди, вы все уже старики? Да и я уже начал сесть. Кто и как живет из наших общих знакомых? Ведь сестра редко о ком упоминает. Буду рад, если ответишь подробно, а также если соберешься что написать для газеты в виде письма о тамошней жизни вообще. Посылать ли тебе нашу местную газету, или для вас это неинтересно? Ну, крепко целую вас всех, в том числе Жоржа с семьей.

Адресуй так: сюда, зубному врачу Пелагее Давидовне Сироте — и только.

XVI.

Благовещенск, 18 (31) мая 1900 г.

Дорогой мой брат Павел! Получил твое письмо и сейчас же отвечаю. Признаюсь, содержание его меня несколько разочаровало. Дело в том, что за несколько дней до этого я окончательно расстался с редакцией газеты. Процесс этого расставания начался давно, — чуть не с первых дней возникновения газеты и моего в ней участия. Причина — наши разногласия с большинством редакции, каковое большинство — народники, поклонники Михайловского и К^о. Редактирование в течение 1/2 года газеты, однако, принесло мне и пользу: оно обогатило меня опытом. Если бы ты знал, сколько препятствий, даже помех и трудностей мне пришлось преодолевать и выносить, состоя в этом деле! — Ты, однако, все же не можешь, вероятно, понять, почему меня разочаровало содержание твоего письма? Очень просто: при том положении и настроении, в которых я теперь обитаю, я мысленно, как это бывает в таких случаях, хватался за надежду, что вот получу от тебя письмо, в котором найду что-нибудь для себя утешительное, приятное. Зная заранее,

что это—фантазия, тем не менее я почувствовал еще большую грусть, когда узнал из твоего письма, что и у вас там какие-то недоразумения, нелады, из-за каковых ты должен был ездить к Ж[оржу] и очень расстроился. Почти одновременно я получил письмо от Дмитра, которое касается вашего положения.

Оно настолько, по-моему, интересно, что я приведу это место целиком.

«Мечтания Павла пустить в ход твои практические таланты для оживления их захиревшей группы с его точки зрения вполне понятны. Но это дело, по-моему, безнадежное. Странные люди! Исповедуют по существу эволюционную теорию и в то же время как бы желают возвести ее в неизменяемый догмат. Это «eine alte Geschichte [старая история], в силу которой люди, сжившиеся с известными идеями, туго воспринимают новшества. Они сделали свое большое дело: втолкнули движение в новое, большое русло, — в этом и заключалась их миссия. А чтобы заставить реку течь без зигзагов, это мудрено. Живая натура прямолинейности не выносит... Состарились они видно. Кто вызывает к невозвратному прошлому, вместо того чтобы, поняв новое, приобщиться к нему, тому пора приняться за писание воспоминаний. Если по-ихнему все ударились в ересь, чего же они ее не обличают? С таким испытанным литературным оружием, как у них, нет надобности ни в каких группах. Небось, лет 6 назад они и без нее на шумели на всю Россию. А почему? Потому, что попали в тон «естественного хода истории». Меня, напр., несколько не соблазняет неблагодарная теперь роль восстановления «старой группы». Одно это ловление человечков и человечки, вечное ломание головы, где бы достать франки... ой, как скучно! Интереснее уж вести газету где-нибудь в Азии, чем такая деятельность в Европе...»

Конечно, в приведенных рассуждениях Дм[итра] много неверного, априорного, выведенного отчасти из слухов, журнальных статей и ложно понятых сообщений сестры и из твоего предыдущего письма ко мне. Ты ведь не предлагал мне явиться восстановителем «старой группы»; точно так же неверно, будто вы желаете возвести свои воззрения в «неизменный догмат», будто «вызываете к невозвратному прошлому» и будто в новом направлении видите «ересь». Неверно также его предположение, что вообще при таком орудии, как литература, вам не нужна группа. Несмотря однако на все эти ошибочные соображения, его взгляды интересны, как признак недоумения, почему вы, так сказать, очутились за бортом? В самом деле, я также не могу себе этого объяснить. Хотя я и не берусь утверждать, что это произошло

по вашей вине, потому что вы «не поняли нового направления», но и мне кажется чрезвычайно странным, непонятным получившийся результат, — факт вашей изолированности. Из писем сестры я этого никак не мог уловить, — объясни, насколько можешь. Далее, я вполне согласен с Дм[итром], что заниматься теперь в Европе изловлением отдельных лиц и доставанием франков очень скучно, и, повидимому, судя по твоим и сестры письмам, мне, напр., лично ничем другим не оставалось бы там заниматься. Ты, впрочем, в последнем письме совершенно обходишь молчанием этот вопрос, и я не знаю, как ты на него смотришь. Ты сообщаем, что тебя расстроила поездка к Ж[оржу] и те переговоры, которые пришлось вести, — может быть, в этом причина твоего молчания насчет вопроса о свидании с Женькой, о чем я подробно распространялся в предыдущий раз ¹⁾. Твоя благодарность мне за «христианское отношение» к твоей неаккуратности в переписке меня удивляет: я понимаю, что не пишешь подолгу потому, что нет живого интереса писать при тех условиях, в которых нам с тобою приходилось жить многие годы. Этим я, конечно, не хочу сказать, что так оно и должно быть, что я точно так же поступал бы, но мое христианское отношение здесь не при чем. Конечно, ваши письма доставляли бы мне большое наслаждение, облегчение и пр., но раз не пишется, что же мне делать, сердиться-то не за что, а менять отношение к близким — и подавно. Но все же, повторяю, будет лучше для меня (а может, и для вас, — кто знает?), если впредь наша переписка не будет так неаккуратна, как это было в прошлом. Для этого поставь себе за правило — непременно отвечать вскоре по получении моего письма и в ответах следить за содержанием моего, прибавив о всем том из ваших условий, что может быть мне полезно и интересно знать. — Жизнь здесь очень дорога; заработок найти сколько-нибудь подходящий и чистоплотный довольно трудно. Здесь со мною мой мальчик — Яша (4-й год ему). На несколько месяцев хватит моих сбережений, чтобы прожить скромно, но вопрос о будущем меня беспокоит, —

---

¹⁾ Собираясь бежать из Сибири, я написал об этом П—ду Б—чу в том, мол, смысле, что «брат Женька» желает свидеться с родственниками.

никогда еще в прошлом я не был в подобном затруднительном положении. Не подумай, брат, что я уже прихожу в отчаяние, — я лишь делюсь с тобою, как с близким, сведениями о своих затруднениях, и в этом, напр., отношении переписка с тобою является большим для меня облегчением: здесь ведь нет у меня ни одного сколько-нибудь близкого человека. — В последнем письме Дм[итро], меж[ду] проч[им], сообщает, что летом, в июле, он намерен поехать на родину, чтобы повидаться с родными, рассчитывая, что ему разрешат это. По всей вероятности, действительно разрешат, — тогда я буду чувствовать себя здесь, в Сибири, еще более оторванным от близких. — Но довольно о себе. — Почему ты ничего не пишешь о своих близких, о своем положении, о занятии, заработке, о Жорже, Розе и др.? Сестра ведь всегда была очень скупа на этот счет. Почему она мне не пишет, чем это об'яснить? Перешли ей для прочтения письмо. Ну, всего хорошего всем вам; крепко целую Надю, твою Верочку и др. твоих. Не забывайте меня, пишите.

Ваш брат *Лев*.

Меня сильно беспокоит, почему от сестры ничего не получаю, — уж не случилось ли чего с нею, и ты скрываешь от меня ¹⁾. Умоляю тебя, сообщи ей, что я прошу ее написать мне хоть несколько строк.

XVII.

Благовещенск, 15 (28) июня 1900 г.

Дорогая сестра! Ужасно обрадовался твоему письму. Приятно было мне узнать, что, повидимому, Марфа побывала дома ²⁾ у родных и очевидно осталась довольна поездкой. К сожалению, ты не сообщаешь, как долго длилась эта поездка, чем она была вызвана, что собственно она там видела, как жилось ей там и пр. Все это меня очень интересует. Женьку ³⁾ обрадовало твое заявление, что и он был бы по-

¹⁾ Не писала «сестра», т.-е. В. И. Засулич, потому, что в это время ездила нелегально в Россию, а оттуда в Стокгольм. *Л. Д.*

²⁾ Т.-е. Вера Ивановна же в Петербурге.

³⁾ Меня же. *Л. Д.*

лезен у родных в имении. Но он сильно сомневается в правильности такого о нем мнения. Дело в том, что он считает себя мало подготовленным к ведению сельского хозяйства, а учиться этому искусству считает уже поздним для себя занятием. Поэтому он и не представляет себе, что бы он стал там делать? Впрочем, может быть, пожив предварительно некоторое время среди своих родных, он вновь почувствовал бы в себе прилив бодрости, энергии. Но в настоящее время он таковых качеств в себе не замечает¹⁾. Вообще, он далеко не в отменном настроении. Ближайшей причиной этого то, что планы, мечты его не только не приближаются к осуществлению, но, наоборот, отодвигаются в неопределенное будущее. План его скопить средства на путешествие если не окончательно разрушился, то отодвигается на довольно продолжительное и неопределенное время, что его чрезвычайно огорчает и угнетает. Вся суть — из-за презренного металла, но препятствие это, хотя и важно, не непреодолимое. Пока же он не только не копит, но, наоборот, проедает те сбережения, которые у него имелись, и они быстро приходят к концу. Что же касается Дм[итра], то я уже писал, что он пока собирается к себе на родину, чтобы повидаться с сестрами, а куда он затем устремится, полагаю, и сам еще хорошенько не знает. К плану Ж[еньки] он относится отрицательно, находя, что «заниматься изловлением юнцов и юниц, при вечной заботе о том, где бы достать франк на пропитание, еще скучнее, чем здесь прозябать». Я не вполне с ним согласен: здесь чувствуешь себя совершенно оторванным от всего живого, приходится возвращаться в совершенно чуждой среде, не видав, за крайне редкими исключениями, сколько-нибудь подходящих, близких по воззрениям людей. Жизнь при таких условиях на очень продолжительное время может хоть кого угодно засосать, превратить в индифферентиста, думающего лишь о своем благополучии, словом, в «мирного обывателя» или инвалида. Надеюсь, ты поймешь настроение Ж[еньки]. Очень вероятно, что, очутившись среди близких, он также почувствовал бы себя

---

¹⁾ Само собою разумеется, здесь речь шла о моем побеге из Сибири прямо в Россию на нелегальную работу, на что я тогда считал себя непригодным на первых порах, пока не осмотрюсь.

вскоре нехорошо, так как вопрос о материальных условиях жизни там чрезвычайно сложен и важен: жить литературным трудом он рассчитывать не может, п[отому] ч[то] мало к этому подготовлен, а технических знаний у него никаких. Поэтому он и напирает так на скопление суммы, достаточной, чтобы просуществовать хоть полгода там, кроме проезда. Но довольно об этом. — Статью о Писареве пока еще не собрался прочесть; я очень рад, что Н. Карел[ин]¹⁾ пристроился в этом журнале. — Отложил письмо и прочел эту статью. Она мне понравилась. Странно, почему в майской книжке нет окончания и вообще майская — тощая. — Однако пора кончать. Дальше пишу Павлу, ты тоже прочти его. Прошу тебя ответить подробно на поставленные выше вопросы. Береги свое здоровье, — тогда, вероятно, еще свидимся, может быть, не так уж долго придется теперь ждать этого, как кажется Ж[еньке]. Целую крепко. Пиши.

Дорогой брат! Почти одновременно с письмом сестры, где была записка и от тебя, получил большое письмо от тебя (на 2 поч. лис.), наполовину писанное карандашом, а также книгу «Критику пол. эк.». Других книг пока не получал. Из вышеизложенного к сестре ты уже, конечно, заключил, что твой «идеал» для Ж[еньки] и Дм[итра], чтобы они добились отпуска для лечения на воды, вполне маниловский, как ты и сам подозреваешь. Если на этом строить план свидания с ними, то можно с уверенностью сказать, что «идеал» осуществится, когда не будет уже почти никого в живых. Столь же химерична мечта, что, пожившись, они могли бы пристроиться к официальной прессе «и в других общественных учреждениях». Нет, брат, чтобы осуществился план [пока одного] Ж[еньки], нужно раздобыть ему средства, а не полагаться на благоусмотрение начальства, когда оно заблагорассудит его отпустить. Он вполне соглашается с тобой, что только «наговорившись, поживши и ознакомившись с тем, что есть», он мог бы, смотря по обстоятельствам и своему настроению, решить или там остаться, или вернуться назад. Такой и его взгляд. Вопрос весь, как видишь из вышеизложенного к сестре, в презренном металле, т. к. ничто

¹⁾ Этим псевдонимом В. Засулич подписывала свои статьи в легальных журналах.

другое теперь его не задерживает, и, будь у него нужные средства теперь, он скоро мог бы осуществить свое намерение. Просит он тебя серьезно обдумать и взвесить вопрос о материальных средствах, — как ты находишь, может ли он рассчитывать на приискание себе там источника для существования, раз ему пришлось бы надолго остаться там? Вопрос этот его очень смущает, — не хочется ему оказаться обузой даже близким людям, а уверенности, что он сам способен там найти заработок, нет у него. Но довольно об этом. Не забудь также просьбы об адресе ¹⁾ от геноссов в С[ан]-Фр[анциско]. — Пока получил только предисловие Жоржа к «Wadem[ecum]». Не зная всех ваших обстоятельств, я не могу понять, зачем нужна такая полемика в тесной и узкой среде. Это на непосвященных производит тяжелое впечатление; да и мало интересно, что какой-то «Г., один из нынешних столпов» (не знаю, почему подчеркнутые мною слова повторяются десятки раз, — в чем здесь острота?), какой-то NN. и MM. и другие такие же знаменитости неверно судят о таких-то вопросах? Не могу себе представить, чтобы такая полемика и в таком тоне, как она ведется у Ж[оржа], могла интересовать сколько-нибудь значительный круг лиц, а тем более, чтобы она была полезна? Я, конечно, не знаю всех обстоятельств, но насколько позволяет мне судить о них воображение, решительно не могу представить себе, чтобы *таким путем* можно было достигнуть уничтожения «хаоса», на существование которого ты и Жорж жалуетесь. Мне кажется, что такими «документами» можно только возбудить друг в друге ненависть, вызвать самые дурные чувства, при наличии которых немислимы никакие выяснения. Но довольно: может быть, я глубоко ошибаюсь, не зная всего, может быть. — Недавно один мой товарищ вернулся из Владивостока, где он встретился с этнографической экспедицией и свиделся с твоим сыном, которого очень расхваливает, как симпатичного и дельного парня. Ужасно жаль, что не мне пришлось быть на месте этого товарища. — В настоящее время здесь идут усиленные приготовления к войне с Китаем. Все в большой

---

¹⁾ Думая о побеге, я останавливался на пути через Сев.-Америк. Соед. Штаты.

тревоге, возможны очень серьезные последствия от этой войны не только для Китая, но и для европ[ейских] стран. От нас ведь [до] Китая рукой подать, — через реку Амур. Здесь идет уже мобилизация войск, а часть их уже выступила. Ну, да поживем, увидим. — Снова перечитал твое письмо. Ты с отвращением говоришь в нем «об идейном хаосе и тесно с ним связанном хаосе личных дрязг и всевозможных пакостей»; ты говоришь, что от этого «жить становится тошно и работать донельзя трудно», особенно «людям инвалидам», к каким себя почему-то причисляешь. Все это место производит крайне тяжелое, удручающее впечатление, и невольно рождается вопрос, — неужели нельзя было избежать дрязг и пакостей? Неужели люди так уж скверны и глупы, что не могут не отравлять друг другу жизни? А если действительно, как ты выражаешься, они не вышли еще из «средневекового периода, со свойственными ему варварскими стремлениями», то приходится брать действительность такую, какова она, и стараться по мере сил вносить в нее постепенно порядок, свет. Конечно, я не знаю конкретных условий, но только вижу, что и у вас «худо есть», как говорят здесь. По [одному] этому мне не представляется заманчивой ваша жизнь, а мое положение там, при этих условиях, кажется, было бы сугубо неприятным. Одно остается — удовольствие от совместной жизни, — это единственная и главная цель плана. Но я снова возвращаюсь к уже исчерпанной теме. — Слышал, что твоя Вера на медицин. курсах. Будьте все здоровы. Всего вам всем наилучшего. Буду надеяться, что время совместной вашей жизни с любящим вас Ж[енькой] уже не очень далеко, хотя теперь оно и отдалилось, как выше изложено. Авось, обстоятельства изменятся к лучшему для вас и для него. Не надо терять бодрости. Мне все же кажется, что более тяжелые моменты в вашей жизни уже пережиты, позади, а должны же когда-нибудь наступить и счастливые если не часы, то хоть минуты. Будьте же здоровы и бодры все. Крепко целую всех вас. Не откладывай ответа в долгий ящик.

XVIII.

26 декабря 1900 г. (8 янв. 1901 г.)

Дорогая сестра! Ровно месяц тому назад я начал писать брату Павлу прилагаемое письмо и все колебался, отправлять ли его, когда в начале настоящего месяца получил снова от него и от тебя письма, и я вновь начал думать и раздумывать насчет затронутой вами темы. Ты говоришь, что, будь Ж[енька] один, без мальчика, то, не колеблясь, написала бы ему: «приезжай». Это довольно ясный и определенный ответ, что побуждает и меня изложить определенно свой взгляд на этот вопрос. Конечно, для Жени не столь просто решить его, имея мальчика. Но не в нем вся суть: он лично, не колеблясь, решил бы осуществить план, не опасаясь за судьбу мальчика, так как последний в хороших руках, и он всегда мог бы быть за него спокоен. Но уже имеются другие причины, заставляющие его колебаться принять окончательное решение, это — неуверенность в себе, сомнение, будет ли он уместен, в состоянии ли он будет найти себе *всцело* поглощающее [его] дело, придется ли он, так сказать, ко двору, сойдется ли с вами со всеми и проч. в этом роде, а между тем все другие пути будут для него уже навсегда отрезаны. Ведь 15—16 лет много значат в жизни человека, и Ж[енька] несомненно изменился, — к лучшему или к худшему — не ему, конечно, решать. Он лично склонен думать, что — к худшему, да оно вполне естественно, так как он приближается уже к старости, следов[ательно], нет в нем той горячности, уверенности, настойчивости, а вместо этих качеств явились колебания, сомнения и рядом терпимость ко многому, всепрощение. Вот эти-то колебания заставляют его опасаться принять окончательное решение. Он вспоминает, что при подобных же колебаниях принятые в прошлом решения *всегда* оканчивались для него печально, и такие воспоминания еще более усиливают его колебания. Он и теперь больше полагается на безошибочность своего решения, принятого им вдруг, сразу, по интуиции, а не после продолжительного предварительного обсуждения. Между тем, в этом вопросе пока у него еще не явилось внутреннего бессознательного

толчка к бесповоротному решению. Не знаю, ясно ли я изложил происходящий уже процесс, но думаю, что ты меня поймешь. Повторяю только, что мальчик его здесь не при чем: будь он или не будь, — все одно, вероятно, процесс колебания происходил бы уже, а раз таковой имеется налицо, Ж. сугубо стал бы колебаться, размышляя приблизительно так: «а, ты колеблешься, значит, ты опасешься, значит, ты не должен принимать окончательного решения, а должен предоставить его времени». Особенно в последний год — полтора ¹⁾ почему-то сильно заговорили в нем неуверенность и сомнения относительно себя, своих способностей, пригодности к интересному делу и даже сомнения в возможности сильно, *целиком* чем-либо заинтересоваться. Он все чаще и чаще останавливается мысленно на вопросе, что так ничтожны его усилия и, следов., результаты их и, наоборот, так бесконечно велики и время и окружающие нас социальные условия. Но он вполне допускает, что, быть может, для него все эти вопросы окрашиваются в такой скептический, пессимистический цвет только потому, что почти 15 лет он живет в столь чуждых его основным воззрениям условиях, он должен работать совсем для других, мелких, ничтожных целей и должен всегда прятать свои мысли, редко показывая наружу даже ничтожный край их. Очень может быть, что в других условиях он вновь воспрянул бы. «Ну, а если нет?» — спрашивает он себя, и ты не можешь, думаю, отрицать законности и естественности этого вопроса. Однако довольно. — Ты пишешь, что если бы он не брезговал никакой работой, «хотя бы она была самая невидная», то такой нашлось бы для него «вволю». Конечно, он не гонится за «видной», но для него важно *собственное* сознание, что эта работа *нужна*, полезна, что это — не переживание из пустого в порожнее, не вздутая, выдуманная и не Сизифова. Реально, конкретно он не может решительно представить для себя *никакой* ни видной, ни невидной работы, очутись он среди родных, кроме чтения и знакомства с совершившимся. Фантазии, воображения

---

¹⁾ Быть может, отчасти в связи со знаменитым твоим письмом, — подчеркиваю «в связи», чтобы ты не подумала, что *вследствие* твоего письма.

у него, кажется, от природы нет, он слишком реалист и всегда заглядывает и в даль и в глубь. Вот и теперь он сознает, что та «невидная», ничтожная работа, которой он увлекался в 1883 г., когда он хлопотал и возился с барышнями, собирая гроши, была нужна, полезна, и он несколько не жалеет о том времени и о тех условиях. Но то было тогда *нужно*. «Ну, а теперь, что будешь делать?» Отсюда ведь нельзя этого решить, да и другие *за тебя* не решат, — нужно *самому* узнать, ориентироваться, *уловить*, что именно нужно и по силам ему. «А сможешь ли?» Найдется ли у него для этого достаточно и подготовки, и практической способности? — Только потому Ж. и писал об устройстве, о материальных условиях, что считает нужным некоторое время жить вне дел, вне возни. А ты так обстоятельно останавливаешься на вопросе об обстановке, о пище и обуви, — словно для него это вопросы первостатейной важности. Нет, дорогая, в этом отношении он едва ли от тебя чем отличается: ему также приходилось жить впроголодь и ходить в продранных сапогах, он также несколько никогда не печется о своем здоровье и ни чуточки не огорчается ничем этим, житейским. Что говорить о сих пустяках? Он, повторяю, не хотел бы — да и не мог бы — быть в *тягость*, лишней *обузой* для близких, а это неизбежно произошло бы, не *найди* он себе занятия, не имей он средств для жизни и не *сойдись* он с вами. Я второй раз повторяю последнее предположение, и это не зря, — ведь такое предположение естественно, зная, что все люди переменчивы. Вы все уже спелись, вероятно, и вот чужая птица будет только портить ваш концерт. Но ты вероятно скажешь: «напрасно Ж[енька] заранее думает, что он не придется ко двору». На это скажу заодно с ним — немыслима после стольких лет разлуки полная гармония. Припомни разногласия, предшествовавшие отъезду Ж[еньки]. Ну, да пора кончать. — На-днях получил от одной знакомой из Москвы сообщение, что она виделась с Сашенькой и Витей. Пишет, что они недавно виделись с тобой. Я очень обрадовался этому известию. Мне они давно уже почему-то не пишут, и я не знаю их адреса. Сообщи, какое они произвели на тебя впечатление после стольких лет разлуки? Судя по словам моей знакомой, Саш[енька] вынесла хорошее впечатление от свидания с тобою. — Мое

письмо о воен[ных] соб[ытиях] знакомая, повидимому, еще вам не переслала ¹⁾. Когда получишь, сообщи. — Из Питера сообщают, что молодежь «с энтузиазмом отнеслась к юбилею Н. К. Мих[айловского]», что будто доказывает, что идеи Карла Фридриховича потерпели уже фиаско, так как, мол, случись юбилей Н. К. несколько лет назад, он далеко не имел бы такого успеха. Что теперь, мол, молодежь убедилась, что «процесс идет вовсе не так, как предсказывал Карл Фридр., а за ним Бельтов и др., а именно так, как Н. К.». Боже, как все это скучно!.. Десятки лет толочься на одном месте и повторять такие глупые фразы! Но рядом с этим видишь сотни и тысячи «интеллигентов», которые не имеют даже понятия о самом имени Карла Фридр., которые не знают даже, какие-такие существуют «вопросы», — и вот живи среди таких условий! Какая тоска! Однако я ударился в минорный тон. — Будь здорова и жди, авось уже немного осталось до личного свидания.

Твой брат.

XIX.

Благовещенск, декабрь 1900 г.

Дорогой брат! Твое обстоятельное изложение материальных ваших условий подтвердило мои личные предположения об этом. Затем ты пишешь, что для Евг[ения] могло бы представиться нечто лучшее «изловления юнцов», но, не желая впадать в «маниловщину», удерживаешься от сообщения возможной для Евг. перспективы. Жаль все же, что ты не поделился, так как я лично не могу решительно представить себе, в чем могла бы состоять эта «маниловщина»? Как бы там ни было, вопрос о свидании с Евг. может окончательно решиться только весной. Дело в том, что он, — не помню, писал ли я тебе, — снова примкнул к газете «Амур. Кр.». Он работает много, так как число участников (сотрудников) вследствие от'ездов все уменьшается, и га-

¹⁾ Здесь я имел в виду мое описание жестоких расправ с китайцами и манчжурами, — массовые потопления, расстрелы, поджоги их жилищ, совершенные русскими в Благовещенске и в его окрестностях, что мною затем было опубликовано за границей, а в 1905 г. — в России под заглавием «Кровавые дни». Л. Д.

зета буквально вся почти на нем лежит. Брось он ее, она несомненно погибнет, а ему отчасти жаль своего детища, к тому же один хороший его товарищ ¹⁾ вложил в это дело около 13 тыс. руб., и раз Евг[ений] уйдет, то тот много потеряет.

К весне или лету — июню, июлю — Евг. надеется, что так или иначе определится для него это обстоятельство. Но, кроме того, его удерживают от окончательного решения всякого рода сомнения насчет себя, насчет возможности вполне сговориться и т. д. С другой же стороны, его разбирает уже и нетерпение и желание поскорее свидеться с родными, и если ничего особенно неожиданного не произойдет, то в следующем году, т. е. в новом столетии, старые друзья и родственники вновь сойдутся вместе.

26-го декаб. — Получил одновременно твое и сестры письмо. Ей напишу отдельно, — можешь прочесть. Ты заявляешь, что опасаясь насчет здоровья Ж[еньки]. Ну, в этом отношении я за него совершенно спокоен; раз он поедет на воды ²⁾, то наверно поправится, и они ему покажутся очень легкими, так что ты не тревожься. Правда, года через 3—4 он мог бы поехать при более благоприятных условиях. Но он не знает, стоит ли ждать и откладывать в столь долгий ящик поправление своего здоровья, тем более, что и тогда могут вновь возникнуть разные неожиданные препятствия. В том-то и состоит причина его стремления поехать на воды, что он не уверен твердо, лучше ли будет для здоровья, да и для семейных дел, если он еще подождет года три. Будь у него уверенность, знай он, что лучше, — он, не колеблясь, принял бы окончательно то или другое решение. Ты в одном из своих писем расфантазировался насчет возможности для Евг. и Дм[итра] со временем, пристроившись к какому-либо ученому, географич. и т. п.

¹⁾ То был осужденный в 60-х годах по делу Писарева П. Д. Баллод, о котором сообщил в своих воспоминаниях В. Короленко, как о выдающемся и очень оригинальном деятеле.

²⁾ Кстати, ты так и не устроил ничего насчет адреса знакомого, о котором он столько раз писал и просил тебя. Ты, правда, писал, что ему его пришлют, но он до сих пор ничего не получил. [Здесь я имел в виду рекомендательное письмо к какому-нибудь социал-демократу в С.-Франциско.]

обществен[ному] учреждению и пр., поселиться в столице, с'ездить за границу, вернуться и т. д. Но я уже писал тебе, что для них это — «маниловщина». Они не Йохельсон и Клеменц, и раз они повидаются с родными, а тем более станут путаться в разбирательствах их семейных дел, — что, конечно, неизбежно, — то вероятнее всего, поехав даже с дозволения своих опекунов ¹⁾ на свидание, их по возвращении уже не похвалят за повиновение и смирение, а предложат им или заняться в четырех стенах математикой, или изучать быт инородцев. Но лично Евг. решительно ничего не имеет и против одной из сих перспектив. Словом, летом, максимум осенью следующего года Евг. окончательно решит, поедет ли он на воды или нет.

О Дм[итре] я кажется уже писал тебе, что он откладывает свой от'езд еще на 2—3 г. и думает, что ему удастся повидаться с родными, не вызвав неудовольствия со стороны опекунов. А Евг. даже и не желает сообразоваться с отношением опекунов к его действиям и поведению. Повторяю, если его удерживает *что*, так это незнание, неуверенность, что *выгоднее, полезнее* для дела семьи. Вопрос о мальчике им также вполне улажен: он останется в той семье, где теперь живет, впредь до того времени, когда он больше не будет нуждаться в попечении женщины, могущей заменить ему мать (теперешняя вполне заменяет ему мать, — любит и балует его ужасно), и когда Евг. сможет взять его для помещения в заграничн. учебн. заведении — Евг[ению] хочется в швейцарской школе. Таким образом, как видишь, этот вопрос улажен. Надеюсь, что к весне, не то к лету также выяснятся и другие пункты, удерживавшие Евг. от окончательного и бесповоротного решения. А пока что, крепко целую тебя, Надю, Верочку и всех, кто помнит меня и желает получить мой привет.

XX.

31 января (12 февр.) 1901 г.

С Новым Годом и столетием, дорогие! Что-то оно даст человечеству?! — Прилагаемые два письма написаны мною давно, но Евг. все уговаривал меня не торопиться с их

¹⁾ Само собою разумеется, что под «опекунами» я имел в виду администрацию, полицию.

посылкой, так как всё надеялся, что вот-вот окончательно решит поставленный вопрос в положительном или отрицательном смысле. За это время для решения в первом смысле явилось то благоприятное обстоятельство, что ему дают нужную (даже несколько ббльшую — в 1½ раза) сумму, если он поедет на воды, но в отрицательном смысле также явилось одно важное обстоятельство: вследствие его службы по постройке Заб. жел. дор. ему сокращается на 2 года срок обязательного пребывания, почему он года через 3—4 может поехать лечиться при более благоприятных условиях. Поэтому колебания его, как видите, не прекращаются и будут, вероятно, долго еще длиться, разве какое-нибудь неожиданное обстоятельство не заставит его принять внезапное решение. — Во всяком случае, повторяю, раньше лета не состоится его решение. — Получил от Дм[итра] письмо. — Я также думаю, что вы пересаливаете в приемах полемики с молодыми. — Ну, да об этом может быть потолкуем подробнее скоро и выслушаем «altera pars». Эх, кабы поскорее...

Отвечай немедленно на это письмо, не то оно меня здесь не застанет — собираюсь во Владивосток.

Целую крепко.

Насколько могу припомнить, это было моим последним письмом, отправленным мною заграничным друзьям из Сибири: следующему я послал уже после побега, из Нагасаки, затем из Гонолулу (Сандвичевы о-ва) и т. д. Но этих, как и всех дальнейших моих писем, охранители архива П. Б. Аксельрода мне не возвращают. Л. Д.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

Стр.

1. Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Предисловие к пятому изданию книги 3
2. К. Сивков. Действительные разногласия между группой «Освобождение Труда» и партией «Народная Воля» 21
3. И. Александров. Один из первых учителей Плеханова 36
4. Е. Игнатова. Московские народники конца 70-х годов 45
5. О. Е. Слободской. Мои отношения к группе «Освобождение Труда» 53
6. Л. Дейч. Из Карийских тетрадей 61

ПИСЬМА.

7. «Драгоманьяда». Письма В. Засулич, Драгоманова, П. Аксельрода. 72
8. Л. Дейч. Членам группы «Освобождение Труда» 91
9. Шмуйлов-Классен. Письмо к В. И. Засулич 144
10. Путман. Письмо к членам группы «Освобождение Труда» 149
11. В. И. Засулич. Письма к Г. В. Плеханову (продолжение) 152
12. К. Каутский и Г. В. Плеханов. Переписка 200
13. Г. В. Плеханов. Письмо к товарищам 231
14. Е. Смирнов. Письмо к Г. В. Плеханову 236
15. П. Б. Аксельрод. Письма к Л. Дейчу 239
16. П. Б. Аксельрод. Письма к В. И. Засулич 249

РАЗНОЕ.

17. Л. Дейч. Кто прав? Ответ проф. М. Н. Покровскому 255
18. С. Я. Вольфсон. Вокруг Плеханова. Плехановская литература за 1924 год 273
19. К. С. На могиле Плеханова 306
20. Розыски Плеханова 309
21. Извлечение из официальных донесений и показаний арестованных лиц с 1881 по 1900 г. 311
22. Из архива Г. В. Плеханова в Париже 325
23. Письмо в редакцию. (К биографии В. Н. Игнатова.) 327
24. Алфавитный указатель собственных имен 328

902